

Учреждение образования
«Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка»

Факультет белорусской и русской филологии
Кафедра русской и зарубежной литературы

(рег. № УМ 33-03-66 /2014 г.)

СОГЛАСОВАНО

Заведующий кафедрой

Ковалев Т.Е. Комаровская
18.04.2014 г.

СОГЛАСОВАНО

Декан факультета

Стариченок В.Д. Стариченок
07.05.2014 г.

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС
ПО УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЕ
«ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ»
Раздел «Древнерусская литература и русская литература 18 века»

для специальностей 1 – 02 03 02 «Русский язык и литература»,
1 – 02 03 04 «Русский язык и литература. Иностранный язык (с указанием
языка)»

Составитель: Жиганова Е.П., кандидат филологических наук, доцент

Рассмотрено и утверждено
на заседании Совета БГПУ 26.06 2014 г., протокол № 9

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Данный УМК по дисциплине «История русской литературы и литературной критики» (раздел «Древнерусская литература и литература XVIII века» предназначен для студентов первого курса, обучающихся по специальностям «Русский язык и литература», «Русский язык и литература. Иностранный язык (китайский, литовский, английский)». Структура данного электронного учебно-методического комплекса соответствует Положению об учебно-методическом комплексе на уровне высшего образования (№167 от 26.07.2011).

Учебно-методический комплекс включает в себя следующие разделы: теоретический, который представлен кратким курсом лекций, содержание которых соответствует типовой программе по данной дисциплине; практический, в котором представлены вопросы к практическим занятиям и списки основной, дополнительной литературы; контроля знаний, состоящий из перечня вопросов к экзамену, и тестовых материалов для проведения текущего контроля; вспомогательный, в котором представлена учебная программа, словарь, электронная хрестоматия, аудио- и видеоматериалы.

Дисциплина «История русской литературы и литературной критики» (разделы «Древнерусская литература» и «История русской литературы XVIII века») является основополагающим звеном в историко-литературном образовании, поскольку рассматривает первые этапы литературного письменного творчества, на основе которых сформировалась специфика всей русской литературы, система эстетических и нравственных ориентаций, явно или скрыто сохраняющихся и в литературе нового времени.

Целью изучения данной дисциплины является освоение художественных произведений, созданных в XI – XVIII вв., в единстве формы и содержания. Вследствие поставленной цели в процессе обучения данной дисциплине необходимо решить следующие **задачи**:

- овладеть рядом теоретических понятий, связанных со спецификой и историей создания древнерусских памятников и произведений XVIII в., системой жанров литературы изучаемого периода;
- знать содержание определенного круга наиболее значимых произведений данного периода, своеобразие эпохи, их породившей, жанровой специфики и места в историко-литературном процессе XI – XVIII вв.;
- сформировать представления о закономерностях и особенностях развития древнерусской литературы и литературы XVIII вв. в целом и отдельных периодов, о связях письменных произведений с фольклором и литературами других стран.

В результате изучения курса студенты должны приобрести навыки чтения древнерусского текста, умение анализировать сюжет и композицию, систему образов, жанровую специфику произведений, созданных в XI – XVIII вв.

Типовым учебным планом на изучение данной дисциплины (разделов «Древнерусская литература» и «История русской литературы XVIII века») отводится 156 часов, из них на дневном отделении аудиторных 70 (лекции – 40, практические занятия – 30), на заочном отделении аудиторных 18 (лекции – 14,

практические занятия – 4). Завершается изучение данных разделов «Истории русской литературы и литературной критики» экзаменом (на дневном отделении в 1 семестре, на заочном – во 2 семестре). Курс практических занятий должен быть направлен на формирование у студентов навыков и умений целостного анализа художественных произведений.

В результате изучения учебной дисциплины студент должен **знать:**

- историю русской литературы и литературной критики;
- содержание понятий и проблем изучения литературных методов, направлений, течений, системы художественных образов и жанров;
- принципы и приемы литературоведческого анализа художественных текстов;
- сюжетно-композиционные особенности произведений и средства художественной выразительности;
- современную методологию и методику научных исследований;

В результате изучения учебной дисциплины студент должен **уметь:**

- раскрывать важнейшие философские и эстетические концепции русской литературы во взаимодействии с белорусской и мировой литературами;
- уметь анализировать художественные произведения, применяя основные теоретико-литературные понятия и принципы литературоведческого анализа текстов;
- комментировать тексты произведений, характеризуя их культурологической, историко-бытовой, литературоведческой и других точек зрения;
- осуществлять сопоставительный анализ русской и белорусской литератур;
- ориентироваться в современном литературоведении и литературной критике;
- осуществлять научно-исследовательскую и методическую деятельность;

В результате изучения учебной дисциплины студент должен **владеть:**

- соответствующим понятийным и терминологическим аппаратом;
- навыками различных способов анализа художественного произведения;
- навыками рациональных приемов поиска, отбора и использования информации.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ
Краткое содержание лекций по дисциплине
«История русской литературы и литературной критики»

Раздел «Древнерусская литература»

Древнерусская литература как культурный феномен – явление достаточно позднее. В течение многих столетий единственной формой словесного искусства восточных славян было устное народное творчество. И только после принятия христианства в X веке появляются первые из дошедших до нас произведений русской письменности, имеющие литературное значение. С этого времени и начинается история древней русской литературы.

Изучение данного периода литературы в силу множества причин затруднено. Так, изучая древнерусские памятники, мы входим в мир иных, средневековых представлений о литературе, об авторстве; знакомимся с произведениями, созданными в большинстве своем неизвестными писателями и перерабатывавшимися неизвестными читателями; с произведениями, распространявшимися многие столетия путем переписки от руки и не имевшими устойчивого текста; возникавшими по конкретному поводу, но читавшимися в самых разнообразных исторических обстоятельствах. Однако в деле изучения русского литературного наследия именно древней русской литературе принадлежит значительное место, которое определяется прежде всего тем, что она была начальным этапом развития великой русской литературы, приобретшей мировое значение.

Древнерусскую литературу характеризуют высокая идейность, ее живая связь с насущными вопросами общественной жизни. Эта литература по своей направленности была в основном публицистична и злободневна, так как принимала непосредственное участие в идейной и политической борьбе своего времени. Однако необходимо иметь в виду, что русская литература возникла не сразу. Специфика литературы как художественного творчества определилась постепенно, в течение ряда столетий. Она возникла отнюдь не в результате переноса к нам произведений византийской и болгарской литератур, отнюдь не по причинам механическим и случайным, отнюдь не как результат появления на Руси христианской образованности и не как простое продолжение переводной литературы. Она родилась из внутренних потребностей классового, феодального общества древней Руси. Появление ее было подготовлено развитием русского языка, развитием устного творчества, оно нашло себе «техническую» базу в создании русской письменности и было облегчено культурным общением с другими странами, и в первую очередь с Византией и Болгарией. Культурное

общение с другими странами лишь дополнило и расширило этот процесс развития, играя в нем не основную, а лишь второстепенную роль.

Периодизация древнерусской литературы. Процесс развития русской литературы X – XVII вв. совершался в очень своеобразных условиях: он охватывал всю письменность в целом и близко следовал за развитием исторических событий. Поэтому периодизация истории древней русской литературы не может строиться по литературным признакам, как это происходило в XVIII – XXI вв. Эта периодизация полностью совпадает с исторической, так же как совпадает с ней и периодизация истории искусства Древней Руси. Вся русская литература от своего начала (первого произведения – «Речи философа» конца X века) и до конца XVI века отличается чертами своеобразного средневекового *историзма*. Она в основном посвящена историческим темам, а ее действующие лица в той или иной степени – исторические. Литература развивается неуклонно и постоянно, она отнюдь не является косной и застойной. Но многие из ее памятников не могут быть датированы, еще большее количество безымянно (анонимно или псевдонимно), а это крайне затрудняет исследование историко-литературного процесса.

С конца XVI века появляются литературные памятники, созданные в демократических слоях, и прямой историзм литературы отходит на второй план. С начала XVII века литература в основном отделяется от деловой письменности, возникают новые жанры, вымирают некоторые традиционные формы.

При периодизации литературного процесса необходимо учитывать круг оригинальных и переводных памятников, появившихся в тот или иной период; характер идей, тем, образов, отразившихся в литературе; ведущие принципы отображения действительности и характер жанров, стилей, определяющих специфику литературного развития данного периода (такowymi для древнерусской литературы являются: *символизм, историзм, ритуальность (этикетность) и дидактизм*). В зависимости от жанра, времени создания произведения, степени талантливости его автора эти принципы получали различное соотношение и стилистическое выражение. Историческое развитие древнерусской литературы шло путем постепенного разрушения цельности ее метода, освобождения от этикетности, дидактизма и христианской символики.

В литературоведении установилась традиция выделять в развитии древней русской литературы три основных периода, которые, в свою очередь, дробятся на более мелкие:

1. литература древнерусского государства XI – XIII вв. или, как часто ее условно именуют, литература Киевской Руси;
2. литература периода феодальной раздробленности и объединения Северо-Восточной Руси (XIII – первая половина XV века);
3. литература периода создания Русского централизованного государства (вторая половина XV – XVII вв.).

В первый период происходит зарождение, формирование и развитие литературы, которая послужила основой в развитии литератур трех братских славянских народов – русского, украинского и белорусского. В этот же период создаются основные жанры светской и церковной литератур: летопись, воинская,

историческая повесть, житие, дидактическая и торжественная проповедь, хождение, апокрифы. В этот период письменность проникнута патриотическим гражданским пафосом, пафосом любви к «великой русской земле», публицистическим призывом к правящим верхам блюсти ее единство, резким осуждением княжеских усобиц. Широкое использование устного народного поэтического творчества придает ряду произведений небывалый эпический размах и героическое звучание.

Во второй период развитие литературы и культуры приобретает областной характер. В XIV – XV вв. на северо-востоке Руси происходит формирование великорусской народности, и в этот период можно уже говорить о зарождении литературы великорусской народности и формировании ее отдельных черт в литературе Московского княжества, Новгородской земли, Тверского, Смоленского и Муромо-Рязанского княжеств. Нашествие татар и установление монголо-татарского ига резко затормозило дальнейшее развитие литературы и культуры. Но формирование централизованного русского государства, собиравшее русские земли вокруг Москвы привело к появлению нового риторико-панегирического стиля в литературе, в котором особое внимание было сосредоточено на внутренних переживаниях человека, стремлении передать его психологическое состояние и дать психологическую мотивировку его поступков.

В третий период, в связи с созданием централизованного Русского государства, происходит процесс слияния областных культур в единую общерусскую культуру. Этот процесс завершается в середине XVI столетия. В XVII веке начинает постепенно дифференцироваться собственно художественная литература – литература формирующейся русской нации. Дифференциация художественной литературы связана с процессом так называемого обмирщения (секуляризации) культуры и литературы, с процессом освобождения от пут церковной идеологии и дальнейшей ее демократизации. Этому способствовало усиление роли посадского торгово-ремесленного населения городов в общественно-политической жизни страны. В литературу вновь широкой волной начинает проникать устное поэтическое творчество.

ЛИТЕРАТУРА КИЕВСКОЙ РУСИ

(вторая половина XI – XII вв.)

Одним из первых явлений древнерусской письменности стало **летописание**. Его возникновение в древней культуре было обусловлено целым рядом общественно-политических и культурных причин. Человек уже в то время начал испытывать потребность в осознании своего прошлого, в объяснении происхождения различных явлений, кроме того, он почувствовал необходимость запечатлеть настоящее, сохранить его для будущих поколений. В летописях различных областей эти потребности сказывались далеко не равномерно. В Киеве летопись возникает из исторических произведений о прошлом, которые дополняются записями о настоящем. В Новгороде уже в XI веке своевременно записывались события с указанием точных дат. Эти записи велись как своего рода деловые документы: кратко, деловито, систематично. Потребность же в обзоре

истории удовлетворялась сравнительно сложной литературной работой, заключавшей в себе значительные элементы художественности.

Обращение к историческому прошлому было продиктовано самой действительностью. Необходимо было составить произведение, которое с русской, а не с византийской точки зрения излагало бы церковную историю Руси, так как церковный вопрос имел большое политическое значение. Принятие христианства Русью имело обоюдоострый характер. Оно, с одной стороны, приносило русскому народу высокую византийскую культуру, поднимало русское государство до уровня византийской государственности, с другой стороны, – угрожало самостоятельности Руси, грозило превратить Русскую землю в провинцию империи. В годы княжения Ярослава Мудрого между молодым русским государством и Византией завязывается острая борьба. Русский князь всячески противится попыткам Империи лишить русских церковной самостоятельности и превратить русскую церковь в агентуру империи. Ярославу удается поднять международный авторитет Руси и на основе общего подъема народного самосознания в первой половине XI века заложить прочные основания русской политической и церковной самостоятельности, русской книжности, русской архитектуры и изобразительного искусства. Политические идеи эпохи Ярослава Мудрого вызвали к жизни интерес к русскому прошлому. Именно в это время, в обстановке патриотического подъема, в первой половине XI века закладывается основание русской летописи, ее высокой идейности и своеобразной литературной формы. Летопись, по мнению академика Б. Д. Грекова, – это один из самых ярких показателей высоты древнерусской культуры, это не просто погодная запись события, это законченный систематизированный труд по истории русского народа и тех нерусских народов, которые вместе с русскими были объединены в одно Киевское русское государство.

Происхождение русского летописания связывали с влиянием византийских хроник. Жанр русских летописных статей создавался далеко не сразу. Беря готовые образцы, под влиянием требований русской жизни, летописец изменял их, и произведение приобрело наконец ту характерную форму и особенности, которые составляют отличие русской хронографии от византийской и западноевропейской. Русское летописание родилось из постепенного присоединения совсем иных – народных в своей основе – сведений к этому церковному ядру, носившему еще традиционный для церковной письменности характер «патерика», но уже обладавшего элементами историзма, которые и привлекли к нему внимание и творческую инициативу жаждущих сведений о родной истории русских читателей.

Другой характерной особенностью русской летописи, которая резко отличает летописное изложение от изложения византийских и западноевропейских хроник, является обилие прямой речи, имеющей конкретно-жизненный характер, это не книжная, а живая, устная речь, близко отражающая действительно произнесенные слова. Русской летописи характерно также наличие диалога, употребленного живо, точно, сжато, к месту. Диалог, в отличие от прямой речи, зависел не только непосредственно от действительности, но и от фольклора.

Под влиянием самой жизни сложился и язык летописи: простой и доступный в основной своей части, он образовался на основе развитой традиции устного языка своего времени.

Возникнув под влиянием властных требований действительности, летопись в дальнейшем не оставалась неизменной по своей форме и содержанию. Под влиянием меняющейся действительности изменялась и летопись. Содержание и сама форма летописи менялись в зависимости от того, каким задачам она была подчинена. Летописи княжеские, посвященные восхвалению княжеской власти и личности самого князя (Галицкая летопись, отчасти Владимирская), выработали особую форму княжеских биографий, иногда соединяемых в единую цепь. Княжеские центры летописания стремились к иллюстрированию летописей миниатюрами (Владимирский свод 1212 г., отразившийся своими миниатюрами в Радзивиловской летописи, а впоследствии – в Лицевом своде XVI века). Но иллюстрирования не допускали летописи городские или монастырские. Потребности отдельных феодальных дворов вызывали появление личных, семейных и родовых княжеских летописей. Свои формы дает летописание Владимирского Успенского собора (летопись как собрание чудес Богоматери – покровительницы Владимира). Оригинальные формы летописания в XVI веке выработала Москва, в связи с теми задачами, которые встали перед ней как центром Централизованного русского государства.

Таким образом, летопись не обладает прочной, неизменяемой формой. Под общим понятием летописи кроются иногда различные явления. Формы летописания текучи и изменчивы и восходят к различным источникам.

В противоположность многим другим видам средневековой литературы, летопись гибко меняла свою форму. Она чутко отражала воздействие действительности, определялась действительностью в большей мере, чем литературной традицией. Летопись была целиком втянута в социальную борьбу своего времени, и именно это обстоятельство благотворно отразилось на ее развитии и позволило ей занять важное место в русской жизни. Именно в этом смысле мы можем говорить о летописи как об одном из ведущих (двигающих вперед литературу) жанров русской литературы раннего и развитого периода феодализма.

На рубеже XI – XII вв. составляет замечательный памятник русского летописания – **«Повесть временных лет»**, проникнутой единой мыслью о Русской земле, о необходимости единения перед лицом внешней опасности. В этот период Киевская Русь испытывает на себе наиболее тяжелые удары кочевников, ставшие жесточайшим народным бедствием. Напор степных кочевников на внешние границы Киевского государства вызвал целый ряд попыток приостановить процесс феодального дробления, объединить русских князей для решения внешнеполитических задач.

Памятники древнерусского церковного красноречия по их жанровой природе можно разделить на два разряда: дидактическое красноречие (Лука Жидята, Феодосий Печерский) и эпидиктическое (торжественное) красноречие (митрополит Иларион, Кирилл Туровский). В художественном отношении торжественные речи являли собой образцы высокого искусства, для них была

характерна определенная сложность образно-идеологического содержания и обобщения, отточенность композиционно-стилистической формы. Одним из самых ярких примеров эпидиктического красноречия является «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона.

Среди памятников древнерусской литературы XI в. особое место занимает «Поучение» Владимира Мономаха. Под этим общим заглавием объединяются три самостоятельных произведения, принадлежавших перу Владимира Мономаха: это собственно «Поучение», автобиография и «Письмо к Олегу Святославичу». Данный памятник был включен в третью редакцию «Повести временных лет» выдубецким летописцем и помещен под 1096 г., что можно объяснить тем, что именно 1096 г. было датировано письмо Мономаха Олегу Черниговскому, которое непосредственно примыкает к «Поучению». Сам же памятник был создан Владимиром Мономахом «сидя на санех», т. е. незадолго до смерти, где-то около 1117 г.

Владимир Мономах (1052-1125) был выдающимся государственным деятелем конца XI – начала XII столетия и своей политикой содействовал временному прекращению княжеских усобиц. Он прославился успешными походами против половцев, отбросив их далеко за Дон. Став в 1113 г. великим князем киевским, Мономах всячески содействовал упрочению единства Русской земли.

Агиография является еще одним важнейшим разделом древнерусской литературы, развитие которого было теснейшим образом связано с историей русской святости. Однако хронологические вехи первой и второй очень часто не совпадали. Например, первыми по времени жизни и христианского подвига русскими святыми были благоверная княгиня Ольга, мученики-варяги Феодор и Иоанн, равноапостольный князь Владимир. Однако так и остается неизвестным, когда же точно они были причислены к лику святых и когда на Руси началось их церковное почитание. Более того, память о них так и не была закреплена в настоящих, литературно полноценных житиях, их прославляли в других, сопряженных с агиографией, но вторичных по отношению к ней литературных формах, - богослужебных текстах, похвальных словах, кратких проложных сказаниях. Но опять-таки и сами эти формы памятословия возникли сравнительно поздно.

Возникновение агиографической литературы было обусловлено, в первую очередь, тем, что русская церковь стремилась к правовой и идеологической автономии от церкви византийской. С тех пор как в 1051 г. митрополитом был поставлен русский (духовник Ярослава Мудрого — Илларион), все более возрастал авторитет русских монастырей, и прежде всего Киево-Печерского. Русской церкви было чрезвычайно важно добиться канонизации собственных, русских святых, непременным условием которой было наличие жития. Таковы были внелитературные причины возникновения на Руси оригинальных житий. Но, несомненно, немалую роль играли и причины литературно-эстетические: знакомство с переводными византийскими житиями и патериковыми легендами также могло пробудить у русских книжников стремление попробовать свои силы в этом жанре.

Во второй половине XI в. создаются «Житие Феодосия Печерского» и два варианта жития Бориса и Глеба. Так, определились две главные группы агиографических сюжетов: одни жития были «целиком посвящены теме идеального христианского героя, ушедшего из «мирской» жизни, чтобы подвигами заслужить жизнь «вечную» (после смерти), тогда как герои другой группы житий стремятся обосновать своим поведением не только общехристианский, но и феодальный идеал».

Образцами другого типа жития — **маририи** (рассказа о святом-мученике) являются два жития, созданные на основе истории о смерти князей Бориса и Глеба. Одно из них, «**Чтение о житии и о погублении... Бориса и Глеба**», написано Нестором. Автор другого, именуемого «**Сказание и страсть и похвала святым мученикам Борису и Глебу**», неизвестен. Среди исследователей нет единого мнения о том, когда было написано «Сказание» (в середине XI в. или же в начале XII в.) и, следовательно, до или после несторовского «Чтения...». Ключевое положение занимает именно анонимное «Сказание», текст которого был наиболее популярным на Руси. К настоящему времени известно около 200 списков этого памятника и выявлены его разные редакции.

Внешним поводом для возникновения данных литературных памятников послужили конкретные события русской истории. В 1015 г. вследствие смерти Владимира Святославича пасынок последнего, Святополк Ярополчич, объявил себя великим киевским князем, и в общем это было законно и вполне согласовалось с тогдашним порядком престолонаследования. Но Святополк, стремясь укрепиться на престоле, убивает своих братьев – Бориса, Глеба и Святослава. Другой сын Владимира, новгородский князь Ярослав, выступает против Святополка и после длительной борьбы с ним сам становится великим киевским князем в 1119 г. Гибель Бориса и Глеба от руки святополковых наемников истолковывается многими как смерть мученическая, что подтверждается чудесными явлениями на местах их погребения, и это служит поводом для их особого почитания в народе.

Ярослав Мудрый актом канонизации укрепляет последнее в качестве национального культа и добивается признания святости князей со стороны Византийской Церкви. В связи с этими обстоятельствами и появляются литературные тексты о Борисе и Глебе. Создание церковного культа Бориса и Глеба преследовало две цели. Как утверждает Д. С. Лихачев, с одной стороны, канонизация первых русских святых поднимала церковный авторитет Руси, свидетельствовала о том, что Русь «почтена пред богом» и удостоилась своих «святых угодников». С другой стороны, культ Бориса и Глеба имел чрезвычайно важный политический смысл: он «освящал» и утверждал не раз провозглашавшуюся государственную идею, согласно которой все русские князья — братья, и в то же время подчеркивал обязательность «покорения» младших князей старшим [10]. Именно так поступили Борис и Глеб: они беспрекословно подчинились своему старшему брату Святополку, почитая его «*в отца место*», а он злоупотребил их братской покорностью.

Принятие христианства способствовало политическому и культурному росту Руси. Как мы уже успели убедиться, возникновение письменности и

появление литературных памятников связано с этим событием. И зарождение новых литературных жанров обусловлено в том числе и этим историческим фактом. Так, после принятия христианства в конце X века на Руси распространился обычай ездить на восток, в Палестину, для поклонения христианским святыням. Участников путешествий в Святую Землю на Руси называли по-разному: либо паломниками (на основании обычая приносить домой пальмовую ветвь), либо каликами (от латин. *caliga* – башмак). В Западной Европе для их обозначения использовался термин пилигрим (искаженное от латин. *peregrinus* – путешествующий).

Очень быстро стремление поклониться великим христианским святыням обрело на Руси настолько широкие масштабы, что уже в XII веке вызвало обеспокоенность Церкви. Паломники записывали свои впечатления о посещении святых мест, вследствие чего и возник жанр *хождения*.

Наиболее ранним, значительным и популярным памятником древнерусской литературы хождений является **«Житье и хождение Данила, Русьския земли игумена»**. Составлено произведение в начале XII века, сохранилось почти в 150 списках, древнейшие из которых относятся к XV веку. Об авторе известно только то, что он родился где-то в Южной Руси, был пострижником Киево-Печерского монастыря и затем нес послушание в каком-то из черниговских монастырей. В Палестине Даниил находился около 16 месяцев, в промежутке между 1106 и 1108 гг. Свое путешествие он осуществил в сопровождении соотечественников, имена некоторых из них автор даже называет. Свое «Хождение» Даниил написал, по-видимому, сразу по возвращении на родину (не позднее 1113 г., так как автор упоминает как живого великого киевского князя Святополка II Изяславича, который умер как раз в 1113 г.).

Величайшим памятником древнерусской литературы XII века является **«Слово о полку Игореве»**, созданное неизвестным нам поэтом между 1185 и 1188 годами. Дошло оно до нас в единственном позднем списке, который был приобретен известным любителем древнерусской письменности А. И. Мусиным-Пушкиным в конце XVIII века в городе Ярославле у архимандрита Спасо-Преображенского монастыря Иоила Быковского. Фонетические особенности найденной рукописи позволяют предположить, что этот список был сделан в Псковской или Новгородской области, а наличие в рукописи особенностей, характерных для орфографии XV—XVI веков, позволяет отнести ее именно к этому времени. Таким образом, найденная рукопись была не автографом, а довольно поздним списком, отделенным от оригинала по крайней мере тремя столетиями. С найденной рукописи в начале 90-х годов XVIII века была сделана копия для императрицы Екатерины II. В тот же период А. И. Мусиным-Пушкиным, Малиновским и Бантыш-Каменским была подготовлена еще одна копия памятника. В 1800 году «Слово о полку Игореве» впервые было опубликовано. В 1812 году, во время вторжения наполеоновской армии в Москву, погибла богатейшая библиотека древнерусских рукописей, принадлежавшая Мусину-Пушкину, и в том числе единственная древняя рукопись «Слова о полку Игореве». Таким образом, в настоящее время имеется лишь список «Слова», сделанный в конце XVIII века, и первое издание «Слова», вышедшее в 1800 году.

Все попытки найти второй древний список «Слова», предпринимавшиеся за последние полтора столетия, остались безрезультатными.

Исследованиями этого выдающегося памятника ученые занялись практически сразу после его открытия. Так в XIX веке его изучением занимались М. Максимович, Д. Дубинский, Н. С. Тихонравов, Потебня, П. Вяземский, В. Миллер, О. Огоновский, А. Смирнов, Е. Барсов; в XX веке эти исследования продолжили В. Н. Перетц, С. Шамбинаго, В. Ржига, Д. С. Лихачев, В. П. Андрианова-Перетц, Н. К. Гудзий, М. Г. Булахов и др. За прошедшие два столетия после открытия памятника было сделано множество стихотворных (А. Н. Майков, В. А. Жуковский, К. Д. Бальмонт, В. В. Капнист, Е. А. Евтушенко) и прозаических (Д. С. Лихачёв, Р. О. Якобсон, А. Ю. Чернов) переводов на русский, белорусский (Я. Купала, Р. Барадулин), украинский (О. Огоновский, Т. Шевченко, И. Франко), польский (Ю. Тувим, А. Белёвский) и многие другие языки. Мотивы и образы «Слова о полку Игореве» отразились в творчестве А. Н. Радищева, В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, К. Ф. Рыльева, Н. М. Языкова, А. Н. Островского, А. А. Блока, в поэзии Т. Шевченко, И. Франко, П. Тычины, М. Рыльского, Я. Коласа, живописцев (В. М. Васнецов, В. Фаворский, Д. Бисти), композиторов (А. П. Бородин).

Автор «Слова о полку Игореве» неизвестен, однако ученые неоднократно делали попытки определить его социальную и профессиональную принадлежность. Одна из популярных точек зрения на этот вопрос была высказана Е. В. Барсовым в XIX веке. Согласно ей автором «Слова» был княжеский дружинный певец, подобный Бояну. Однако автора «Слова» и Бояна можно сравнивать лишь в том отношении, что оба они входили в ближайшее окружение князя как люди, профессионально владеющие искусством слова.

В литературе по «Слову» не раз предпринимались попытки назвать имя автора этого произведения, отождествить его с определенным историческим лицом, известным по историческим источникам конца XII - нач. XIII в., но ни одна из точек зрения не может считаться доказанной.

В основе сюжета «Слова о полку Игореве» лежит история неудачного похода на половцев весной 1185 г. четырех русских князей во главе с князем Новгород-Северского Игорем Святославичем. Это поражение было неожиданным как для самого Игоря, так и для русских князей, в силу того что Игорь к тому времени снискал славу победителя половцев. К этому моменту на его счету было множество одержанных побед. Этот весенний поход Игоря на половцев был обусловлен не только тщеславием последнего, но и тем, что это была своеобразная попытка оправдаться перед киевским князем Святославом за неучастие в походе на половцев в феврале того же 1185 года, чему помешала гололедица, не позволившая дружине Игоря соединиться с дружиной Святослава. В марте Игорь отправился в поход без сговора со Святославом, за что и поплатился.

Однако «Слово» – это не просто повествование об этом походе, а публицистический и одновременно глубоко лирический отклик на него как на событие, дающее повод для рассуждений о трагических последствиях политической разобщенности русских князей, их междоусобиц. Сам поход Игоря

с его печальными результатами предстает в изображении автора произведения как одно из проявлений этой разобщенности, вина за которую лежит на всех русских князьях.

Переводная повествовательная литература Древней Руси. В связи с принятием христианства в Киеве развивается переводческая деятельность, достигающая своего расцвета в 30-40-ые годы XI века, о чем свидетельствует «Повесть временных лет» под 1037 годом. В соответствии с запросами времени, в первую очередь переводились богослужебные книги, сборники житий, творения «отцов церкви», церковно-исторические и естественно-научные произведения. Однако русские переводчики не прошли мимо светской литературы, которая по характеру своего идейно-художественного содержания соответствовала духу времени. Переводчики не ставили своей целью точную передачу оригинала, а стремились максимально приблизить его к запросам своего времени и своей среды. Поэтому переводные произведения подвергались редакционной правке – известной русификации.

В XI веке на древнерусский язык были переведены исторические хроники Иоанна Малалы Антиохийского, Георгия Синкелла, Георгия Амартола, излагавшие события мировой и византийской истории с христианской точки зрения. Популярностью пользовалась хроника Георгия Амартола, созданная в IX в. и дополненная Симоном Логофетом в X веке. В этой хронике преобладала церковно-дидактическая точка зрения на исторические события, изложение которых было доведено до 948 года. Материалы этой хроники служили не только назидательным чтением, они знакомили с событиями мировой истории, давали возможность русским летописцам правильнее уяснить место Русской земли в исторических судьбах мира.

Своеобразной средневековой «естественно-научной» энциклопедией являлись «Шестоднев» и «Физиолог». Большой популярностью в средневековой христианской литературе пользовались шестодневы, комментирующие краткий библейский рассказ о сотворении Богом неба, звезд, светил, земли, живых существ, растений и человека в течение шести дней. Это своего рода свод сведений о живой и неживой природе, которыми располагала тогда наука. На Руси были известны «Шестоднев» Иоанна, экзарха болгарского, «Шестоднев» Севериана Гевальского и «Шестоднев» Георгия Пизиды. «Шестоднев» Иоанна – это компилятивное сочинение, но используя множество источников, автор дополнил свой труд собственными рассуждениями. Произведение состоит из пролога и шести «слов», в которых рассказывается о небесных светилах, о Земле, об атмосферных явлениях, о животных, о растениях и о человеке. Все эти сведения, отражавшие естественнонаучные представления того времени, иногда откровенно фантастичные, пронизаны одной и той же идеей: восхищением перед мудростью Бога, создавшего такой прекрасный, многообразный, разумно устроенный мир. Описанию животных, как реальных, так и фантастических, посвящен «Физиолог». При этом истолкование давалось в духе христианского мировоззрения: описываемые свойства животных объяснялись как определенное состояние человеческой души. Каждый рассказ сообщал о свойствах существа или предмета, а затем давал символическое истолкование этим свойствам.

Отбор произведений, подлежащих переводу на древнерусский язык, определялся потребностями верхов феодального общества. Задачи упрочения христианской морали, новой религии стояли на первом плане, и это обусловило преобладание церковной переводной литературы над светской. Этими же задачами определялся выбор светской повествовательной литературы, которая в свою очередь содействовала выработке светского идеала.

Большой популярностью пользовалась повесть **«Александрия»**, посвященная жизни и подвигам прославленного полководца древности Александра Македонского. Повесть эта, созданная после смерти Александра (умер в 323 г. до н.э.), приписывалась перу ученика Аристотеля – Каллисфена. Но Каллисфен умер раньше Александра, поэтому эту древнюю редакцию называют псевдокаллисфеновой. На древнерусский язык повесть переведена в XI- XII вв. Русским читателем она воспринималась как чисто историческая, посвященная описанию жизни и деятельности реальной исторической личности. В ней рассказывалось о необычайном рождении Александра, о его подвигах, воинской доблести, завоеваниях земель, изобилующих всякими чудесами, о ранней его смерти. Повесть изображала Александра как героя, наделенного большим умом, мудростью, жаждой знаний и незаурядными физическими и душевными качествами.

Образ мужественного воина-христианина, защитника границ своего государства, стоит в центре переводной повести **«Девгениево деяние»**. Повесть состоит из двух самостоятельных частей, первая рассказывает о родителях Девгения: отец его арабийский царь Амир, а мать гречанка, похищенная Амиром, но выреченная своими братьями. Она выходит замуж за Амира после того, как тот принимает христианство. Вторая часть посвящена описанию подвигов Девгения, который изображается прекрасным юношей, отличавшимся необыкновенной силой с детских лет. В гиперболическом, чисто былинном плане подчеркивается мужество, сила, храбрость юного Девгения. Присутствует в повести и характерный для фольклора мотив змееборчества: Девгений побеждает четырехглавого змея. Подобно героям русской сказки, Девгений добывает себе невесту – прекрасную Стратиговну, побеждает ее отца и братьев. Вместе с тем Девгений – благочестивый христианский герой: все свои победы он одерживает благодаря постоянному упованию на Бога и божью силу.

В XI – XII вв. была переведена на древнерусский язык **«История Иудейской войны»** известного еврейского историка Иосифа Флавия под названием **«Повесть о разорении Иерусалима»**. Повесть охватывает большой круг событий – от 167 г. до н.э. до 72 г. н.э. Центральное место занимает описание борьбы восставшего еврейского народа против римских легионов. В переводе широко используются стилистические формулы воинских повестей, отсутствующие в греческом подлиннике. Вообще переводчики внесли свои дополнения, к которым относятся вставки об Иисусе Христе и Иоанне Крестителе, резкие выпады против римлян и отрицательная характеристика Ирода Великого. Древнерусского читателя повесть привлекала своим историзмом (она являлась как бы продолжением Библии) и красочностью описаний военных событий.

Популярность «Истории» была весьма велика и не только потому, что в ней повествовалось об одном из важных событий всемирной истории. Насыщенная боевыми эпизодами, она была созвучна русскому читателю, самому неоднократно испытывавшему тяготы войн и вражеских нашествий.

Средством пропаганды новой христианской морали служили дидактические переводные повести, к которым относятся **«Повесть об Акире Премудром»** и **«Повесть о Варлааме и Иоасафе»**.

«Повесть об Акире Премудром» – сирийская повесть. Центральное место в произведении занимает образ идеального советника царя, мудрого и добродетельного Акира. Деятельность его подчинена заботам о благе своего государства. Основную часть повести составляют нравоучения – небольшие притчи, завершающиеся афоризмами.

В русском переводе повесть была приспособлена к привычным формам христианской нравоучительной литературы. Нравоучительные притчи и афоризмы повести постепенно приобрели самостоятельное значение и впоследствии включены были в сборник «Пчела».

В «Повести» рассказывается о том, как Акир, советник царя Адорской и Наливской стран (т.е. Ассирии и Ниневию) Синагрипа, по божественному указанию усыновляет своего племянника Анадана. Он вырастил и воспитал его, научил всей премудрости и, наконец, представил царю как своего ученика и преемника. Однако Анадан начинает бесчинствовать в доме Акира, а когда тот пытается его обуздать, осуществляет коварный замысел: подделав почерк Акира, Анадан составляет подложные письма, которые должны будут убедить Синагрипа, что Акир замышляет государственную измену. Царь потрясен мнимой изменой своего советника, а Акир от неожиданности не может оправдаться и лишь успевает испросить разрешение, чтобы вынесенный ему по настоянию Анадана смертный приговор привел в исполнение старый его друг. Акиру удается убедить друга в своей невинности, друг казнит вместо Акира преступника, а самого Акира прячет в подземелье.

Египетский фараон, услышав о казни Акира, посылает послов к Синагрипу с требованием, чтобы кто-либо из его приближенных построил дом между небом и землей. Синагрип в отчаянии: Анадан, на которого он рассчитывал, отказывается помочь, говоря, что выполнение этой задачи под силу только богу. Тогда друг Акира сообщает царю, что опальный советник жив. Царь посылает Акира в Египет, где он отгадывает все хитроумные загадки, которые предлагает ему фараон. Акир принуждает фараона отказаться от требования о постройке дома: обученные Акиром орлицы поднимают в поднебесье мальчика, который просит подавать ему камни и известь, а египтяне, естественно, не могут этого сделать. Получив дань за три года, Акир возвращается к Синагрипу, приковывает Анадана у крыльца своего дома и начинает укорять его за содеянное зло. Напрасно Анадан молит о прощении. Не выдержав язвительных попреков Акира, он раздувается, «как кувшин», и лопается от злости.

Повесть эта интересна как остросюжетное произведение, где разоблачается коварство и торжествует правда и справедливость.

«**Повесть о Варлааме и Иоасафе**» прославляет победу христианства над язычеством. Повесть напоминала о недавних событиях, связанных с принятием христианства Русью и служила средством борьбы с пережитками язычества. Повесть убеждает (в лице Варлаама) в истинности христианского вероучения. Героем повести выступает сын индийского царя Авенира Иоасаф, который убеждается в суетности быстропреходящей земной жизни. Он начинает думать над вопросом – «есть ли иная жизнь». Разрешить этот вопрос помогает Иоасафу отшельник Варлаам. Он проповедует Иоасафу христианское учение и крестит его. Попытки Авенира отвлечь сына от новой веры оканчиваются неудачей, и сам Авенир вынужден признать правоту сына и принять христианство.

Если «Повесть об Акире Премудром» многими своими элементами напоминает волшебную сказку, то «Повесть о Варлааме и Иоасафе» тесно сближается с агиографическим жанром, хотя в действительности в основе ее сюжета лежит легендарная биография Будды, пришедшая на Русь через византийское посредство.

Обобщая вышеизложенное, можно отметить, что литература Киевской Руси в XI – XII вв. достигла необычайного расцвета. Этому способствовало множество причин: принятие христианства, возникновение письменности, развитие международных связей, обретение политической самостоятельности Руси и т.д. Создатели древнерусских литературных памятников стремились утверждать в своих произведениях идеал, к которому нужно было стремиться. Идеологическая составляющая произведений этого периода была направлена на решение актуальных проблем современности, как-то: укрепления церковного и государственного авторитета Руси, ее независимости, борьбы за единение, противостояния внешним врагам, воспитания молодого поколения и др.

ЛИТЕРАТУРА ПЕРИОДА ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ (XIII – XIV вв.)

К концу XII века феодальная раздробленность Руси достигает своего апогея. К этому времени обособляются Ростово-Суздальское, Муромо-Рязанское, Черниговское, Смоленское, Полоцкое княжества и выделяются две феодальные республики – Новгородская и Псковская. Внутри этих земель постепенно происходит процесс дробления. Центры этих феодальных земель становятся в свою очередь их культурными и литературными центрами, и литература в этот период приобретает областной характер. Однако до конца XII века Киев пытался удерживать свое главенствующее положение.

Также и литературные тенденции, возникшие в период процветания Киевской Руси, продолжают свое развитие. Внутри этих областных литературных школ развиваются традиционные церковные жанры, такие как патерики, жития, с другой стороны, новый толчок для развития получает жанр исторической и воинской повестей.

В этот период появляются и оригинальные по своему жанру произведения, в которых затрагиваются злободневные проблемы современности. Одним из таких произведений является «**Моление Даниила Заточника**». Основная идея этого

произведения – это идея сильной княжеской личности. Автор памятника заставляет своих читателей размышлять над вопросом о роли князя в жизни обществ, государства и конкретного человека.

Памятник был открыт и впервые частично опубликован Н. М. Карамзиным в примечаниях к его «Истории государства Российского». Изучение произведения было затруднено, так как он сохранился в списках XVI - XVII вв., которые не воспроизводят его первоначального текста.

Весь литературный процесс в Древней Руси вплоть до XVII века подчинен был, прежде всего, интересам Церкви. И примером тому может служить еще один памятник XIII в. «**Киево-Печерский патерик**», который окончательно оформился в первой четверти XIII в. в стенах Киево-Печерского монастыря. Этот памятник представляет собой сборник сочинений, написанных разными авторами и в разное время. Исследователи полагают, что первоначально в его состав входили два сочинения епископа Суздальского и Владимирского Симона (1214-1226 гг.): «Послание» к киево-печерскому иноку Поликарпу и «Слово» о создании Успенской церкви в Киево-Печерском монастыре, дополненные «Посланием» упомянутого Поликарпа к печерскому игумену Акиндину. Позднее в книгу был включен ряд других произведений: «Сказание о черноризцах печерских» из «Повести временных лет» (1074 г.), «Житие» преподобного Феодосия Печерского и посвященное ему «Похвальное слово».

Наряду с вышеперечисленными проблемами социального и политического толка, возникла проблема гораздо более значимая и страшная: именно в XIII в. начались набеги на Русь монголо-татар. 16 июня 1223 г. произошло первое сражение русских с этим новым врагом — знаменитая битва на реке Калке. В этом сражении русские потерпели сокрушительное поражение из-за княжеской розни и малочисленности своего войска. Монголо-татары опустошили несколько русских городов и вернулись в Азию. Но спустя 14 лет они вновь появились в русских землях. За это время монголы успели разорить Малую Азию, а также закрепиться в той части восточной Европы, которую они называли Кипчаком и которая была отдана в удел хану Батыю. Уже в 1229 г. Батый оказался близ Яика. Подвигаясь медленно, монголы в 1232 г. подошли к Волге, здесь они прокочевали около трех лет и только в 1236 г. завоевали волжских болгар. В декабре 1237 г. полки хана Батыя перешли Волгу и осадили окраинный русский город Рязань. Вскоре город был взят, полностью разрушен и сожжен, а его население почти все было перебито. Вслед затем войска Батыя опустошили северные русские города: Коломну, Москву, Владимир, Суздаль, Ярославль, Юрьев, Дмитров, Переяславль, Ростов, Тверь, а также все северное Поволжье. Разрозненные силы Северо-Восточной Руси тщетно пытались сопротивляться монголам. 4 марта 1238 г. на реке Сити произошла битва владими́ро-сузда́льцев с войсками Батыя. Русские потерпели сокрушительное поражение, а Батый в результате двинулся на Новгород Великий, и только весенняя распутица не позволила ему дойти до города-республики. На обратном пути монголы опустошили Смоленское княжество и Козельск. Затем они ушли на Дон воевать против половцев. В следующем году монголы появились уже в южной Руси, взяли Переяславль, Чернигов, Киев (1240 г.), галицкие и волынские города. После этого они

двинулись далее на запад. Весной 1241 года одна часть монголо-татарские войска под предводительством Бурундая двинулась на Польшу, а другая, под командованием самого Батыя, перейдя Карпаты, обрушилась на Венгрию. К началу 1242 года монголы начали уже чеканить в Венгрии собственную монету, рассчитывая, по-видимому, надолго остаться на Дунайской равнине. Действуя по заранее продуманному плану, весной того же года татары вторглись в Хорватию и Далмацию, разрушили Загреб и Котор, выйдя в окрестностях Дубровника на побережье Адриатического моря. Их ошеломляющие победы и быстрота продвижения на запад вызвали небывалую панику в Европе. Только благодаря новым воинским успехам русских монголы отказались от завоевания Западной Европы и вернулись назад, дабы защитить свой тыл на востоке ввиду неожиданно обнаружившейся военной мощи Руси, которая, казалось, была сломлена. Именно это и заставило Батыя внезапно повернуть назад и, удовлетвоваввшись получением регулярной дани с Русской земли, основать в заволжских степях свое татарское государство, получившее название Золотой Орды. Так началось монголо-татарское иго, которое тяготело над Русской землей более двух веков. Только в 1480 г. (через 100 лет после победы на Куликовом поле) великий московский князь Иван III смог отказаться от уплаты ежегодной дани татарам.

В первое время монгольской зависимости русское общество, по-видимому, пребывало в глубокой моральной депрессии. При таком состоянии народа именно Церкви принадлежала ведущая роль в укреплении в людях духовных сил. Русские книжники, подавленные тяжестью и неожиданностью случившегося с Русской землей, находили, прежде всего, религиозное объяснение этой катастрофе: порабощение Руси они объясняли наказанием Божиим за грехи. Бог дал победу врагам не потому, что он им покровительствовал, а потому, что таким образом самим русским указывал на путь покаяния и духовного совершенствования.

Произошедшее бедствие отразилось в целом ряде произведений повествовательного, проповеднического и житийного характера. Древнерусские летописцы оставили несколько замечательных описаний отдельных эпизодов, связанных с монголо-татарскими набегами на Русь.

Но самым первым откликом на монголо-татарское нашествие является **«Повесть о битве на реке Калке»**, сохранившаяся в ряде летописей.

Еще одна повесть, посвященная этим событиям, носит название **«Повесть о разорении Рязани Батыем»**. Она известна по двум спискам – XVI и XVII вв.

Разорение Русской земли татарами вызывало не только скорбь о ее бедствиях, но и надежды на избавление от гнета в будущем. Пробуждению этих надежд должны были служить воспоминания о прошлом процветании, о недавнем государственном могуществе Русской земли. В этом отношении любопытно одно небольшое произведение – **«Слово о погибели Русской земли»**. Это замечательное поэтическое произведение, впервые найденное только в конце 70-ых годов XIX века К.Г. Евлентьевым и опубликованное в 1892 году Х.М. Лопаревым. В конце 40-ых годов XX века В.И. Малышевым был обнаружен новый список этого памятника. В обращении к *«светло-светлой и прекрасно украшенной земле Русской»* автор прославляет красоты природы, материальные богатства и силы древней Руси. Вслед за этим называются многие племена,

определяются огромные пространства, покоренные Русским государством. Из князей особенно величественным показан Владимир Мономах. Текст обрывается на замечании о том, что «...в ты дни приключилась болезнь христианам», т.е. нашествие татар.

ЛИТЕРАТУРА ПЕРИОДА БОРЬБЫ РУССКОГО НАРОДА С МОНГОЛО-ТАТАРАМИ И НАЧАЛА ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА (вторая половина XIV – первая половина XV вв.)

Татаро-монгольское нашествие оказалось для Руси величайшим бедствием. Первое столкновение с врагом, произошедшее в 1223 году на реке Калке, завершилось жестоким поражением русских войск. Через четырнадцать лет, в 1237 году, татары во главе с Батыем предали «огню и мечу» большинство княжеств Руси. В течение нескольких столетий русская земля вынуждена была нести тяжелое бремя татарского ига. Но Русь существовала как определенная государственная формация феодальных княжеств, однако и она постепенно приближалась к осознанию необходимости образования централизованного государства для борьбы с внешними врагами. Процесс формирования такого государства ускорился именно в связи с борьбой с татарским игом. Наиболее ярким эпизодом этой борьбы явилась Куликовская битва, которая произошла в период княжения Дмитрия Ивановича (Донского) в 1380 году. Именно при этом князе позиции Москвы как центра усилились.

Золотоордынский хан Мамай, осознавая опасность, исходившую от Москвы, стремился ослабить это усиление, вследствие чего в 1378 году предпринял поход на Москву. Силами Мамаю руководил Бегич, а русскими – Дмитрий Донской. Битва произошла на реке Воже и окончилась поражением татар. Мамай начал готовить новый поход против Москвы. Дмитрий Донской сплотил вокруг Москвы силы многих русских княжеств, что усилило его позиции, и поход против Мамаю приобрел общерусский, общенародный характер. В союзе с Мамаем выступил литовский князь Ягайло Ольгердович и князь постоянно соперничающего с Москвой княжества Рязанского Олег.

20 августа 1380 года из Коломны русское войско, переправившись через Оку, пошло на юг, к истокам реки Дона. Местом боя было выбрано Куликово поле. Кровопролитная битва началась утром 8 сентября. Победа досталась русским тяжелой ценой: потери были чрезвычайно велики. Ягайло, узнав о поражении Мамаю, ушел в Литву, туда же бежал и Олег Рязанский. Мамай, вернувшись в Орду, снова собрал силы и хотел пойти на Москву, но в это время из-за реки Яика пришел хан Тохтамыш. На Калке между ними произошла битва, в результате которой Мамай потерпел поражение, а в Орде воцарился Тохтамыш.

Исход Куликовской битвы стал очень крупным политическим событием в истории Руси, поскольку это была первая значительная победа над татарами за 150 лет ига. Она возвысила и укрепила роль московского князя и самой Москвы.

Эта победа долго интересовала и волновала русских людей и после 1380 г. Этим объясняется и тот факт, что данному событию посвящен целый ряд

литературных памятников, созданных в разное время, которые переписывались и перерабатывались древнерусскими книжниками на протяжении нескольких столетий. Ученые объединяют их под названием (весьма условным) «Повести Куликовского цикла». В их состав входят ранние краткая **Летописная повесть** о 1380 годе, пространная **Летописная повесть**, **«Задонщина»** и **«Сказание о Мамаевом побоище»**.

Таким образом, Куликовская битва явилась знаковым событием в русской истории: она дала возможность русским почувствовать собственные силы и поверить в то, что татарское иго можно одолеть. С другой стороны, это событие повлияло и на подъем самосознания русского общества, который реализовался и в создании таких выдающихся памятников древнерусской литературы, как **«Задонщина»**, **«Сказание о Мамаевом побоище»** и летописные повести о Куликовской битве.

В XV веке продолжил свое развитие такой жанр древнерусской литературы, как житие. Однако и в этом традиционном жанре произошли некоторые изменения как на уровне формы, так и на уровне содержания. В этот период характер житийной литературы меняется: фактический, документальный материал отступает на второй план, и главное внимание обращается на его обработку. В житиях начинают появляться искусные литературные приемы, развивается целая система жестких правил. Посредством «второго южнославянского влияния», агиографов сербского и болгарского происхождения, на Русь проникает стиль византийского **«плетения словес»**. Книжники, придерживающиеся этой традиции, исходили из того, что слово неразрывно связано с тем лицом или предметом, которое оно обозначает. И потому назвать явление – значит, насколько возможно, его познать, прикоснуться к его вечной, а в случае агиографии – Божественной сущности. Отсюда проистекала риторическая **«неуемность»** этого стиля в агиографии, стремление подобрать целый ряд ярких синонимов, сравнений, торжественных словословий, чтобы приблизиться к пониманию тайны героя жития. Прежняя краткая «память» о святом преображается в обширное хвалебное церковно-историческое слово.

Личность агиографа, прежде скрывавшаяся, теперь выступает более или менее ясно, поэтому нередко в житии дается краткая биография автора. Местом составления жития становятся уже не только города, но и отдаленные от культурных центров монастыри. И потому в житиях этой поры много ценного с исторической точки зрения бытового материала.

Самыми известными книжниками этой эпохи стали Пахомий Логофет, оставивший 10 житий, 6 сказаний, 18 канонов и 4 похвальных слова святым, и Епифаний Премудрый. В своих произведениях, и, прежде всего в **«Житии Стефана Пермского»**, он продемонстрировал высокий уровень мастерства в области того риторического стиля, который сам называл «плетением словес».

В этот период продолжает развиваться и такой традиционный жанр древнерусской литературы, как историческая повесть. Характерные особенности древней русской повести конца XV – начала XVI века ярче всего обнаруживаются в выдающемся произведении муромо-рязанской литературы – **«Повести о Петре и Фeronии»**. Это наиболее интересная повесть по своим идейно-художественным

особенностям. В ней в довольно отчетливой форме наблюдаются признаки повести как определенного литературного вида на данном этапе его развития.

ЛИТЕРАТУРА XVI ВЕКА

Шестнадцатый век – это период крутого поворота в истории страны. Это было время, богатое драматическими событиями и глубокими социальными потрясениями. В этот период происходит дальнейшее развитие производительных сил страны и связанный с этим рост товарно-денежных отношений; усиление феодальной эксплуатации крестьянства, почти полное его обезземеление и закрепощение, сопровождавшееся ожесточенной классовой борьбой; обострение борьбы внутри самого класса феодалов (между боярством и молодым дворянством). Наблюдаются успехи централизации государственного управления и усиление самодержавной власти московского царя, поддерживаемого в его борьбе с реакционным боярством всеми прогрессивными силами страны. В этот период Россия начинает превращаться из национального в многонациональное государство. При этом ведутся непрерывные войны и походы, требующие огромного напряжения и стоящие великих жертв. Только перечисление всех этих знаменательных процессов показывает, что век, их породивший, есть век исторического водораздела.

Как уже отмечалось, к XVI веку Россия объединилась в сильное централизованное государство. Стимулом к этому послужила постоянно висевшая над русским народом внешняя угроза, опасность вторжения и погромов, главным образом со стороны восточных кочевников. По общественному своему строю Россия в описываемое время представляла собою феодальное государство на довольно высокой ступени развития с сильно развитыми ремеслами и торговлей. Главным и преобладающим источником народного дохода было земледелие, в основе всего общественного производства лежал труд крестьян. Но огромные массивы земли находились в руках монастырей, причем в XV и XVI веках наблюдается особенно бурный рост этого вида землевладения. К началу XVI века немало земель сохранилось еще во владении крестьянских общин, это так называемые черные земли. В течение всего XVI века, при энергичном содействии со стороны государственной власти, в центральных областях наблюдается массовая экспроприация этих земель. Вопрос о землевладении монастырей и их отношениях с крестьянами сильно занимает общественную мысль и стоит в центре русской публицистики XVI века. Превращение Московского княжества в Русское государство проходило в сложной внутренней обстановке, своеобразно отражавшейся в религиозном сознании русских людей. В некоторых памятниках русской литературы XIV-XV веков отразились различные идейно-религиозные течения, носившие характер антицерковной или внутрицерковной борьбы, хотя, в общем, течения эти имеют не столько литературное, сколько общекультурное значение.

Протест против церковной эксплуатации и обмана, против торгашества и разврата духовенства, облеченный в форму религиозного учения, назывался «ересью». Такие протесты назрели и проявились на Руси прежде всего в Пскове и

Новгороде, где зародились ереси «стригольников» (вторая половина XIV века) и «жидовствующих» (конец XV века).

Первым крупным религиозным движением, зародившимся еще в последней четверти XIV в. в Пскове и Новгороде и отчасти перекинувшимся в Москву, было так называемое **стригольничество**, связываемое с именем некоего Карпа, который возглавлял его и, видимо, был цирюльником – стригольником, отсюда и название ереси. В основе этой ереси лежало прежде всего отрицание церковной иерархии на том основании, что эта иерархия существует «на мзде», т.е. церковники добывают себе места за плату. Другой существенной особенностью стригольнической ереси было отрицание необходимости молитв за умерших. Такие молитвы обычно сопровождалась «вкладами по душе», часто разорявшими вкладчиков и потому, естественно, вызывавшими их сопротивление. Более влиятельной была ересь **жидовствующих**, прозванная так главным полемистом против нее – Иосифом Волоцким, в опровержение ее написавшим обширное сочинение, озаглавленное «Просветитель». Ересь получила название «жидовствующий», видимо, потому, что еретики отрицали прежде всего божественность Христа. Они утверждали, что Христос такой же человек, как и иудейский Моисей, они отрицали существование святых, почитание храмов и икон и, так же как и стригольники, не признавали иерархии. Поскольку последователями ереси было белое духовенство, т.е. духовенство низшее и среднее, затем примыкавшие к нему горожане, совершенно ясно, что пропаганда «жидовствующих» и самое существование их учения отражали борьбу, которую вело низшее и среднее духовенство в союзе с посадскими людьми с экономическим засилием официальной церкви в лице ее высшего духовенства. Ересь «жидовствующих» находила себе тайное, а иногда и явное сочувствие в Москве, так как они, отвергая церковную иерархию и ее экономические притязания, тем самым играли на руку государству, которое само стремилось к тому, чтобы умерить притязания иосифлянской церкви, противоречившие интересам светской власти. Но, в конце концов, иосифлянское духовенство, пойдя на ряд уступок государственной власти, окончательно склонило ее на свою сторону, и к началу XVI века ересь была ликвидирована. Многие еретики были сожжены, часть же сослана и заключена.

Ереси стригольников и жидовствующих имели большое культурное значение. Религиозные споры захватили широкие слои населения как «шатание умов». Ереси пробуждали общественную мысль, до сих пор подавленную авторитетом Священного писания. Борьба с еретиками заставила церковь обратить внимание на безграмотность церковных пастырей и населения, а также заняться составлением полного перевода Библии («Геннадиевская Библия» – 1499 г.). Также еретические учения использовались в идейной борьбе внутрицерковных группировок.

Публицистическая мысль переживает расцвет в бурный XVI век, оставивший глубокий след в истории Руси. На протяжении XVI века в России насчитывалось не менее 35 публицистов, которые в своих произведениях касались самых разнообразных вопросов своего времени. Это Нил Сорский, Иосиф Волоцкий, митрополит Даниил, Вассиан Косой, Максим Грек, старец

Филофей, митрополит Макарий, протопоп Сильвестр, Иван Пересветов, Ермолай Еразм, царь Иван Грозный, князь Курбский и др. Эти публицисты откликнулись на все жгучие вопросы современности, будили мысль, волновали умы, формировали общественное мнение, и мимо них не может пройти ни один историк русской культуры и русской общественной мысли.

В эпоху возвышения Москвы и укрепления княжеской власти происходила ожесточенная внутрицерковная борьба. Татарское иго усилило роль «утешительного» учения христианства. На протяжении XIII – XIV вв. заметно увеличилось число монастырей, владевших обширными землями и многочисленным крепостным населением. К концу XV в. в руках монахов была сосредоточена почти треть всех московских земель. Неудивительно, что интересы церковно-монастырского землевладения иногда сталкивались с интересами светских феодалов и государственной власти в целом. Так Иван III, чтобы обеспечить землей служилое дворянство, часть земель у монастырей отобрал, а расширение церковных земель ограничил рядом указов. Внутри церкви появились защитники и противники монастырского землевладения и вообще «стяжания». «**Иосифляне**», названные так по имени их идейного вождя Иосифа Волоцкого Санина (1439-1515гг.), игумена Волоколамского монастыря, отстаивали права монастырей владеть землей и обогащаться. Они требовали полного подчинения церкви государству, считая, что оно обязано поддерживать церковь. Такая позиция дала им возможность договориться с укрепившимся московским самодержавием. В своих произведениях, главным образом посланиях, Иосиф Волоцкий отстаивал законность крупного монастырского землевладения, ссылаясь на то, что монастыри являются значительной не только религиозной, но и политической силой.

Другое течение в области церковной мысли представлено было «**заволжскими старцами**» во главе с Нилом Сорским (1433-1508гг.). Заволжские старцы (монахи заволжских монастырей) выступали против монастырского землевладения и обогащения, проповедуя «нестяжание». Они выступали против иосифлян, стремившихся превратить церковь в государственное учреждение. С точки зрения Нила Сорского и заволжских старцев, задачей монаха были прежде всего подвижничество, аскетизм и полное отрешение от тех материальных забот и политических функций, которые брало на себя иосифлянское духовенство. Монах, по их мнению, должен обнаруживать критическое отношение к «писанию», чего совершенно не было у иосифлян, не умевших отличать авторитетного в этом «писании» от неавторитетного, внутренений его смысл от мертвой буквы. Заволжские старцы были выразителями интересов боярства, которое наиболее страдало от церковных притязаний, так как экономическое обогащение церкви, расширение ее земельных угодий отражались отрицательно на экономике бояр и на боярском землевладении.

Обе эти церковные группировки вступают в борьбу между собой, но в итоге победа оказалась на стороне иосифлян, которые сумели договориться со светской властью, и на протяжении всего XVI века культурное, идеологическое и литературное влияние их сказывается в полной мере. Они в конечном счете

политически смыкаются с дворянством и в значительной мере становятся его идеологами.

Превращение Московского княжества в Русское государство проходило в сложной международной и внутренней обстановке, своеобразно отразившейся в религиозном сознании людей. Важнейшим следствием этого процесса был подъем национального самосознания. После победы на Куликовом поле и особенно после окончательного свержения татарского ига, сознание народного и государственного единства у русских людей, естественно, поднялось. Подъем этот имел основания и во внешних событиях этого периода. Византия ослабевала в борьбе с турками и теряла свои владения в Азии и в Европе. Чтобы получить поддержку от западных (католических) государств и вызвать крестовый поход против магометан, византийская церковь заключила союз с римской католической церковью (Флорентийская уния – договор об объединении под главенством Папы римского православной и католической церквей, заключенный 5-6 июля 1439 года на Флорентийском соборе). Православная церковь была представлена византийским императором Иоанном VIII Палеологом, константинопольским патриархом Иосифом, эфесским митрополитом Марком, русским митрополитом Исидором; католическая – папой римским Евгением IV. При заключении Флорентийской унии преследовались различные цели: папство стремилось подчинить своей власти православное население Византии, славянские народы Балканского полуострова, церковь русского государства и укрепить свое положение в борьбе с Базельским собором (Базельский собор, вселенский собор католической церкви в 1431-1449 гг. сначала в Базеле, а с 1448 года – в Лозанне пошел на уступки чашникам (сторонники реформации в Чехии) в области культа. В 1414-18 гг. провозгласили верховенство соборов над Папой, однако папство отстояло верховную власть над соборами). Император Иоанн VIII Палеолог путем подчинения папе римскому в церковном отношении надеялся добиться военной помощи против турок. В сознании русских верующих, которые были воспитаны в духе ненависти к католицизму, уния была воспринята как измена чистой вере и отступничество от истинного благочестия. В 1453 году турки завоевали Царьград – Константинополь, и это было воспринято как наказание божье за решение «*богоотменного собора*». Флорентийская уния в жизнь проведена не была – официально расторгнута православной церковью в 1472 году. Сравнивая падение государственно-политической мощи Византии с подъемом Руси, не присоединившейся к унии, религиозное сознание приходило к выводу, что бог особенно милостив к Руси за то, что она не *«омрачится тмою латиньския ереси»*, а *«просветится светом благочестия»*.

В конце XV – в начале XVI века слагаются теории московского единодержавия. Самой популярной из них была теория, известная в формуле: **«Москва – третий Рим»**. Возникла она в недрах русской церкви. Наиболее ярким ее выразителем был старец Филофей, игумен псковского Елеазарова монастыря, который говорил о себе так: *«Я человек сельской и невежа в премудрости, не в Афинах родился, не у мудрых философов учился, ни с философы в беседе не бывал, учился есмь книгам благодатного закона»*. В послании против «звездочетов» (астрономов) Филофей поучает, что перемены в жизни людей и народов зависят

не от звезд, а от бога. Божий промысел наметил, что судьбы человечества завершатся возвышением и гибелью трех избранных им один за другим народов, трех мировых царств. Возвышает бог за благочестие, губит за грехи. Первым царством был Рим, вторым – Византия (Царьград), третьим является Москва. Два из этих царств уже погибли. Византию Бог предал туркам за союз с католичеством – «латинянством». «Латиняне» отпали от православия. И если Рим еще не взят врагами, то души «латинян» уже давно взяты дьяволом. В мире осталось только одно православное царство – Московское, один христианский царь – московский государь. Титул его Филофей украшает торжественными эпитетами: *«высокопрестольнейший», «пресветлейший», «вседержавный», «боговенченный»* и т.п. По мнению Филофея, все христианские царства *«приедеша в конец и снизошеся во едино царство нашего государя», «два убо Рима падеша, а третий стоит, а четвертому не быти»*. Эта патриотическая теория, заключавшая в религиозной оболочке гордость за свою Родину, веру в ее всемирно-историческое призвание и убеждение в ее равенстве с другими странами, отразилась во многих памятниках литературы XV – XVI вв.

Патриотические теории XV – XVI вв. оформлялись в условиях возобновления связей Руси с южнославянскими странами. После ослабления татарского ига, прервавшего культурно-литературные связи между русским народом и его славянскими братьями, связи эти возобновляются. Учащаются полонничества русских людей в Царьград и на святую гору Афон, старинный центр греческой и славянской церковно-христианской книжности, продолжаясь до захвата Константинополя турками (1453г.) С другой стороны, на Руси появляется ряд церковных деятелей из числа южнославянских выходцев. Возобновление этих связей приводило к тому, что на Русь разными путями стала вновь проникать сербо-болгарская письменность. В ее содержании и форме имелись своеобразные черты. Характерной особенностью стиля ряда литературных памятников этой поры является культивирование торжественной патетики, украшенной речи, избыточного панегиризма, часто переходивших в риторическое словоизвятие, объективно направленных, однако, к тому, чтобы повысить эмоциональную силу воздействия слова на читателя. Следует отметить, что вся эта стилистическая цветистость, перенесенная из южнославянских источников, была скорее во вред русской литературе, чем на пользу, поскольку часто самодовлеющие словесные ухищрения заслоняли собой и затрудняли непосредственное восприятие содержательной стороны произведения.

В середине XVI века возникает ряд больших историко-культурных памятников сводного, компилятивного характера. К числу таких обобщающих произведений эпохи Ивана Грозного относятся: летописные своды, свод житийной литературы («Великие Четьи-Минеи»), свод жизнеописаний князей («Степенная книга»), «Стоглав», устанавливающий государственные нормы общественной жизни, и «Домострой», утверждавший нормы жизни семейной. Общая цель каждого из этих сборников – подвести итоги прошлого развития на основе теории «Москва – третий Рим».

«Летописные своды» Московской Руси особенно интенсивно составляются со второй четверти XVI века. По заказу и под цензурой правительства начинается

вестись центральное московское летописание, объединявшее труды летописного дела Киевской, Ростово-Суздальской, Новгородской, Тверской и других областей. В 70-ых годах XVI века был создан в торжественном стиле «Никоновский лицевой свод» (около 20 тысяч страниц и 16 тысяч иллюстраций – «лиц»). Изложение в нем начинается с сотворения мира, включает все предшествующее летописание (в частности, воинские повести эпохи татарщины) и доходит до середины царствования Ивана Грозного. Целью летописи было показать величие «богоизбранного» Московского царства, как бы подготовленное историей всех предыдущих царств и народов.

«Великие Четьи-Минеи» (1552 год) – составлены одним из деятельных помощников Ивана Грозного – митрополитом Макарием. Содействуя государственно-политическому объединению религиозно-церковными средствами, митрополит *«всех Руси»* провел два церковных собора (в 1547 и 1549 годах), занимавшихся канонизацией русских святых. Число святых увеличилось вдвое, многие святые были объявлены общерусскими. Для канонизации писались новые жития и переделывались старые. Так были созданы «Великие Четьи-Минеи» в 12 томах, составляющие 27 тысяч страниц. Грандиозный объем книги как бы символизировал величие Московского православного царства. Все произведения отличались необычайной торжественностью и пышностью стиля. Это гиперболический и риторический стиль «плетение словес», доведенный до излишеств и крайности.

«Степенная книга» (или «Книга степенная царского родословия») составлена в 1563 году по инициативе митрополита Макария, видимо, царским духовником священником Андреем, в монашестве Афанасием, преемником Макария на митрополичьей кафедре. Располагая свой материал по степеням великокняжеских колен, автор ставил перед собой цель представить историю русских государей как благочестивых людей, действовавших со времени принятия христианства Русью, в единении с выдающимися представителями русской церкви, преимущественно митрополитами и епископами. Это написанные в хвалебном тоне жизнеописания русских князей вплоть до Ивана Грозного.

«Стоглав» – книга постановлений церковного собора 1551 года, разделенная на 100 глав. Содержит *«царские вопросы и соборные ответы о многообразных церковных чинах (порядках)»*. Главную цель собора, проходившего при деятельном участии митрополита Макария, определил Иван Грозный: нужно было *«утвердить древнее предание христианской истинной нашей веры, так как прежние обычаи поисшатались, и в самовластии учинено по своим волям, и прежние законы нарушены»*. В книге имеются живые картины, рисующие отрицательные стороны жизни XVI века. Члены собора (в основном иосифляне) обличают невежество и грубость духовенства, сообщают о церквях, где попы *«бьются и дерутся промежь себе»*, бичуют суеверие масс, верящих разным волхвам и чародеям, борются с остатками язычества в народных обрядах, разоблачают злые ереси и увлечение гадательными и астрологическими книгами, резко выступают против западных влияний. Что интересно, все эти бытовые и правоописательные подробности изложены простым разговорным языком.

«Домострой» - дидактический (поучительный) свод правил семейной жизни, составлен, вероятно, на основании поучений Библии, старых проповеднических сборников. Возник в Новгороде в первой половине XVI века. В Москве был отредактирован благовещенским попом Сильвестром, бывшим воспитателем и духовником Ивана Грозного. Указанное название памятнику дано Сильвестром, он же присоединил к книге особую, 64 главу, которая представляет послание Сильвестра к сыну его Анфиму, где идеи «Домостроя» иллюстрируются примерами из жизни самого автора.

«Домострой» связывает в едином монархическом мировоззрении семью, государство и церковь. Бог на небе, царь – образ Бога на земле, отец – образ государя в доме – вот главные основы домостроевской системы, определяющие и ее нравственные требования. Требования эти сводятся к «страху» и «чину». В устройстве семейного благополучия – «благочиние». «Домострой» подражает «чину» монастырских уставов и строгости государственных законов. Средством достижения основных целей – «душу спасти» и «дом свой добре строити» являются покорность Богу и властям, замкнутость и эгоизм по отношению к людям.

Произведение состоит из 63 глав, распадающихся на три части, не вполне четко отделенных друг от друга. В первой говорится о «строении духовном»; во второй – о «строении мирском»; в третьей – о «строении домовном», т.е. о домашнем хозяйстве. Большинство статей «Домостроя» написано живым, по-народному простым языком, в котором влияние старославянского сказалось не особенно сильно. Некоторые выражения по краткости и образности близки к пословицам. Близость языка «Домостроя» к просторечию видна также в употреблении уменьшительных форм. Довольно часто в произведении встречается и прямая разговорная речь. Таким образом, «Домострой» является сводом нравственно-бытовых правил целой эпохи русской жизни.

В конце XV и в XVI веках, в период укрепления русского централизованного государства, усиливается классовая борьба и борьба внутри класса феодалов – между старым боярством и поднимающимся дворянством. Правительство стало на путь удовлетворения требований дворянства, поддерживавшего все реформы царской власти. Сознание необходимости реформ достигло крайнего напряжения в царствование Ивана Грозного. Вот почему с предложениями разного рода социальных преобразований, с описанием идеальных государственных устройств, а иногда с нравственными наставлениями и «изобличениями злодейств» спешат обратиться к Грозному представители разнообразных групп господствующего класса. Вера в силу убеждения, в силу мысли, в возможность построения лучшего государства на разумных началах была в этих посланиях выражена с предельной силой. В дворянской публицистике пафос преобразования общества сочетается с идеей ответственности государя перед своими подданными за их благосостояние. Выдвигается идея, что царь должен править на основе правды и справедливости, он нравственно ответствен перед богом за судьбы своей страны и подданных. Этому действительному характеру дворянского мировоззрения лучше всего отвечали действенные формы деловой письменности, которая начинает активно проникать в литературу, способствуя ее

обогащению. Публицистическими памфлетами Максима Грека и Ивана Пересветова была создана политическая программа, которая частично была осуществлена Иваном Грозным.

Иван Грозный – политический деятель, тщательно доказывающий разумность и правильность своих поступков, стремящийся действовать силой убеждения не в меньшей степени, чем силой закона и приказа. И в его писательской деятельности не меньше, чем в государственной, сказалась его исключительная талантливость. Вряд ли существует в средневековье еще другой писатель, который бы так мало сознавал себя писателем, как Иван Грозный, но при этом каждое его литературное выступление обладало бы настолько властным авторитетом.

Все, что написано Грозным, написано по случаю, по конкретному поводу, вызвано политической действительностью. И собственно поэтому Грозный, отвечая злобе дня, нарушает все литературные жанры, все литературные традиции, если они становятся ему помехой. Он беспокоится лишь о том, чтобы высмеять или убедить своих противников, доказать то или иное положение. Все, написанное им, стоит на грани литературы и деловых документов, частных писем и законодательных актов. Неправильно мнение, что Грозный нарушал современные ему литературные каноны по невежеству, поскольку он был одним из образованнейших людей своего времени.

ЛИТЕРАТУРА СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

Начало XVII века ознаменовалось бурными историческими событиями, как-то: первая Крестьянская война под руководством Ивана Болотникова, польская и шведская интервенция, династический кризис, воплотившийся в переходе власти из рук в руки. Все эти, и некоторые иные события вошли в русскую историю по названию Смутное время.

После смерти бездетного царя Федора Иоановича прекращает свое существование династия Ивана Калиты, и на русский престол восходит Борис Годунов, который продолжает проводить политику Ивана Грозного по отношению к служилому дворянству и боярству. Эта политика вызвала резкую боярскую оппозицию, получившую поддержку польских магнатов, которые и выдвинули на престол своего претендента – Лжедмитрия I (Гришку Отрепьева). После смерти Годунова Лжедмитрию удалось занять Москву, но он не смог удержаться у власти и был низвергнут, а на московский престол боярство посадило Василия Шуйского, который и начал принимать решительные меры для подавления народного движения, которое было обусловлено окончательным закрепощением крестьян и экономическим кризисом. Вместо погибшего Лжедмитрия I шляхетско-панская Польша выдвинула нового авантюриста, известного под именем Лжедмитрия II, который в июле 1607 года прибыл из Речи Посполитой, где до того сидел в тюрьме. Главная ставка интервентов была устроена в 12 км от Москвы, в селе Тушине. Поэтому за Лжедмитрием II утвердилось прозвище «тушинский вор». Вскоре в Тушинском лагере оказалась Марина Мнишек, «признавшая» в новом самозванце своего покойного мужа

Лжедмитрия I. Однако фактическая власть в Тушинском лагере принадлежала «комиссии децемвиров», состоявшей из 10 польских шляхтичей.

Не будучи в силах овладеть Москвой, тушинцы приступили к ее блокаде. Правительство Шуйского, неспособное возглавить борьбу с интервентами, всё более и более теряло влияние в стране. Именно в этот период в ряде районов (Псков, Поволжье, Поморье, Западная Сибирь) развернулась борьба против крепостнического угнетения и олицетворявшего его правительства Шуйского. А тем временем Лжедмитрий II раздавал села и города своим приверженцам, подвергавшим население полному разорению. На насилия тушинцев горожане и крестьяне уже в конце 1608 года ответили стихийно поднявшейся народной войной. В 1609 году польский король Сигизмунд III, окончательно убедившись в том, что Лжедмитрий II не в состоянии овладеть Москвой, решил начать открытое вторжение в пределы Русского государства. Сигизмунд III предложил полякам, находившимся в Тушине, присоединиться к его войску. Часть польских отрядов ушла к королю. Боярская группа тушинцев пошла на сговор с Сигизмундом и заключила с ним 4 февраля 1610 года договор, по которому польский королевич Владислав должен был стать русским царем. Произошел полный развал тушинского лагеря. «Тушинский вор», как называли Лжедмитрия II, бежал в Калугу, где он был убит 11 декабря 1610 года одним из своих сообщников.

Польско-шведская интервенция подняла мощную волну национального освободительного движения. Инициатива в этом движении принадлежала торгово-ремесленному населению городов. Патриотическое движение возглавил нижегородский купец Минин. В этой борьбе русские одержали победу в 1613 году. В этот же год на престол взошел первый представитель династии Романовых – Михаил Романов.

Литература Смутного времени привнесла новые черты в русский литературный процесс и таким образом вполне органично вписалась в «переходный» XVII век, однако в каких-то аспектах в ней отразились и традиционные черты средневековой русской литературы.

В этот период усилился процесс жанровой трансформации древнерусской литературы, который был обусловлен как западным влиянием, так и внутренними закономерностями литературного развития.

Новой чертой литературы Смутного времени следует считать появление досиллабических виршей, в которых еще не было упорядоченности ни в количестве слогов, ни в количестве ударений в строке, однако наличествовала рифма (практически всегда парная, довольно часто – глагольная). Одним из самых ранних примеров таких стихов являются краткие вирши Герасима Смотрицкого, прилагаемые к Острожской Библии, напечатанной Иваном Федоровым в Остроге в 1581 г. Российско-польские контакты в эпоху Смутного времени способствовали чрезвычайно интенсивному проникновению досиллабических виршей из Украины, находившейся в то время под властью Польско-Литовского государства, на Русь. Вирши могли представлять собой самостоятельные произведения, но по большей части входили в состав традиционных прозаических (чаще всего риторических, ораторских или публицистических) произведений.

Еще одной новаторской чертой литературы начала XVII века, как полагал Д. С. Лихачев, является открытие литературой человеческого характера не только как общественно значимого, но и обычного, рядового, иногда даже заурядного.

К традиционным чертам литературы эпохи Смуты следует отнести идейную направленность, тематику, проблематику, жанровые характеристики и большую часть стилистических черт произведений этого времени.

Произведения о Смуте могут быть разделены на две группы. К первой относятся тексты, которые возникли до избрания на престол Михаила Романова и представляли собой непосредственный отклик на события Смуты. Их основная цель может быть определена как агитационная, в связи с чем сами произведения могут быть включены в группу публицистических. Во вторую группу входят тексты, написанные уже по окончании самого Смутного времени и представляющие собой попытку исторического осмысления происшедшего. И те, и другие апеллируют к древнерусской традиции, но, как правило, к разным ее аспектам. К первой группе произведений можно отнести такие памятники, как «Повесть о видении некоему мужу духовну», «Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском», «Плач о пленении о конечном разорении превысокого и пресветлейшего Московского государства» и др.; ко второй группе – «Сказание» Авраамия Палицына, «Временник» Ивана Тимофеева, «Словеса дней и царей и святителей московских» Ивана Хворостина, «Летописная книга» и др.

ЛИТЕРАТУРА XVII ВЕКА

В XVII веке повествовательные жанры переживают целый ряд трансформаций, которые изменяют их форму и содержание. Таким изменениям подвергаются традиционные для древнерусской литературы жанры, как историческая повесть, историческое сказание, житие. Процесс секуляризации литературы заставляет авторов интересоваться жизнью простых людей, появляются вымышленные сюжеты. К тому же, писать начинают выходцы из низших сословий, вследствие чего в литературу в большей степени, чем прежде, проникают мотивы и образы устного народного творчества. Так литература начинает переживать процесс демократизации.

Именно этот процесс можно наблюдать на примере исторической **«Повести об Азовском осадном сидении донских казаков»**. Это произведение возникло в казачьей среде. В нем запечатлен самоотверженный подвиг небольшой группы русских казаков, которые захватили в 1637 г. турецкую крепость Азов и сумели ее удержать в 1641 г., несмотря на значительно превосходившие силы врага.

Данный исторический эпизод был очень популярен в XVII в. и нашел свое отражение в документальной повести об осаде Азова, в сказочной «Истории об Азовском взятии и осадном сидении от турецкого царя Брагима донских казаков» и др. произведениях.

Процесс секуляризации и демократизации литературы сказался и на таком традиционно устойчивом церковном жанре, как житие, которое в XVII в.

постепенно превращается в бытовую повесть, а затем становится автобиографией-исповедью.

К числу таких житий относится **«Житие Юлиании Лазаревской» (Улиании Осорьиной)**, написанное в 20-30-ые годы XVII века ее сыном, муромским дворянином Калистратом Осорьиным. Жанр этого произведения определен как повесть, а не житие, скорее, это своего рода семейная хроника.

В XVII в. церковь оставалась единственным институтом феодального государства, нарушавшим принцип централизации. Этому способствовало установление в 1589 г. патриаршества. Патриарх подчинял себе все церковные организации и оказывал большое влияние на царя. Государство стремилось подчинить себе церковь, и первым шагом к этому было создание в 1649 г. Монастырского приказа, изымавшего из ведения церкви судопроизводство над людьми, живущими в церковных владениях. Постепенная утрата церковью былого авторитета в общественной и личной жизни, падение нравственности среди служителей культа вызывали тревогу правящих верхов. В связи с этим в 40-е годы XVII в. встал вопрос о проведении церковной реформы. При царском духовнике Стефане Вонифатьеве создается кружок *«ревнителей древлего благочестия»*, куда входят представители московского духовенства (Никон — архимандрит Новоспасский, Иван Неронов — протопоп Казанского собора, Федор Иванов — дьякон Благовещенского собора), представители светской власти (окольничий Ф. М. Ртищев) и провинциальные протопопы (Аввакум, Даниил, Логгин). Кружок ставил целью поднять религиозный и нравственный уровень духовенства, придать благообразие и чинность беспорядочной и суетной церковной службе. Ревнители *«древлего благочестия»* добились замены *«козлогласования»* единогласным пением и введения в церквях живой проповеди. В то же время «справщики» печатного двора пришли к мысли о необходимости исправления богослужебных книг по греческим подлинникам, и к этой работе приступили в 1650 г. прибывшие из Киева ученые-монахи. Однако часть участников кружка *«ревнителей»* считала необходимым исправить книги не по греческим образцам, а по старым русским рукописям и постановлениям Стоглавого собора.

В 1652 г. умер патриарх Иосиф, и на патриарший престол был избран деятельный, энергичный и властолюбивый митрополит новгородский Никон. Став патриархом, он провел церковную реформу, разослав по церквам 14 марта 1653 г. «память», где в соответствии с обрядами греческой церкви предписывал *заменить земные поклоны поясными, а двоеперстное крестное знамение троеперстным*. То есть реформа была сведена к внешней обрядовой стороне, хотя и ставила своей целью укрепление церковной феодальной организации.

Таким образом, реформа знаменовала новый этап подчинения церкви светской власти, поэтому ее активно поддерживало правительство Алексея Михайловича: окончательно она была закреплена постановлениями соборов 1654 и 1655 гг. Когда же Никон попытался противопоставить власть патриарха власти царя и выдвинуть доктрину — *«священство выше царства»*, он был низведен с патриаршего престола, осужден и выслан в 1666 г. в Ферапонтов монастырь.

Реформа вызвала появление мощного антифеодального, антиправительственного движения — раскола, или старообрядчества. В момент своего возникновения это движение носило демократический размах, который придавало ему активное участие крестьянства и посадского населения. Активное участие в движении приняло и сельское духовенство, страдавшее от постоянных притеснений светских и духовных властей. Примкнула к расколу и часть родовитого боярства (боярыня Ф. П. Морозова, ее сестра Е. П. Урусова, князя Хованский, Мышецкий, Потемкин, Соковнин), видевшая в реформе средство усиления царской власти.

Одним из виднейших деятелей раскола был протопоп Аввакум Петров (1621-1682) – сын простого деревенского священника, писатель, боровшийся с обрядовой стороной литературы, со всякого рода условностями. Творчество Аввакума, проникнутое элементами «реалистичности» (Д.С. Лихачев), имело прогрессивное значение, так как им была поколеблена незыблемость средневековой структуры литературы, расшатана ее условность.

Перу Аввакума Петрова принадлежит свыше восьмидесяти сочинений («Книга бесед», «Книга толкований», «Книга обличений», «Записки», челобитные и др.), причем подавляющая часть их написана в последние десятилетия его жизни, преимущественно в годы пустозерской ссылки. Именно письменное слово оказалось единственной возможностью продолжения борьбы, которой он отдал всю свою жизнь. Произведения Аввакума не были плодом досужих размышлений или созерцания жизни из «земляной» тюрьмы, а они были страстным откликом на действительность, на события этой действительности. **«Житие протопопа Аввакума им самим написанное»** было создано в 1672—1673 гг.

Отдаленное от нас почти на три столетия, «Житие» остается одним из шедевров русской и мировой литературы. «Житие» Аввакума считают «лебединой песней» житийного жанра, а Гусев назвал это произведение предтечей русского романа.

В XVII веке в древнерусской литературе появился новый жанр – **бытовая повесть**, в центре которой стояли морально-этические и социальные проблемы современности. К числу таких повестей следует отнести «Повесть о Горе-Злочасти», «Повесть о Савве Грудцыне», «Повесть о Фроле Скобееве», «Повесть о Карпе Сутулове» и др. Их герои являются обыкновенными людьми, купеческими и дворянскими детьми, которые по-разному проявляют себя в условиях патриархального быта.

Еще одним явлением в литературе переходного периода стало возникновение **демократической сатиры**, в которой обличаются типичные для того времени пороки феодального общества: засилье богатых, неправый суд, недостойное поведение духовенства. Эта литература создавалась и бытовала в демократической среде: в городском посаде и в деревне, в среде мелких купцов и ремесленников, низшего духовенства и приказных, в крестьянской среде. Основными новационными признаками сатирических повестей являются: решительный отказ от историзма (самого основного и определяющего принципа древнерусской литературы); появление героя нового типа (это не историческое лицо, а «бытовая личность», человек, никому не известный, судьба которого

интересна лишь в чисто бытовом плане); освобождение от религиозной опеки (религиозные сюжетные мотивы, даже в том урезанном и деформированном виде, в каком они встречаются в бытовых повестях, в ней совершенно отсутствуют, а в произведениях демократической сатиры, таких, например, как «Калязинская челобитная» или «Повесть о бражнике», религиозное ханжество, церковный или монастырский быт даже оказываются объектом беспощадного осмеяния); наличие вымысла (важным шагом на этом пути оказывается безымянность некоторых ее героев).

При этом нередко в качестве формы произведения авторы используют привычные жанры деловой письменности, например челобитные, лечебники, послания, отписки и даже тексты церковных песнопений.

К демократическим повестям можно отнести такие памятники древнерусской литературы, как «Повесть о Ерше Ершовиче», «Повесть о Шемякиной суде», «Азбука о голом и небогатом человеке», «Послание доверительное недругу», «Сказание о роскошном житии и веселии», «Повесть о Фоме и Ереме», «Служба кабаку», «Калязинская челобитная», «Повесть о попе Саве», «Сказание о куре и лисице», «Повесть о бражнике», «Сказание о крестьянском сыне», «Лечебник на иноземцев», «Роспись о приданом», «Слово о мужах ревнивых» и др.

Русская культура и литература в XVII в., особенно во второй его половине, значительно обогащается мирским содержанием и мирскими формами творчества. Россия в сфере общей и литературной культуры сближается с Западной Европой, но в тех случаях, когда она переносила на свою почву западный литературный материал, она использовала его не механически, а в зависимости от тех жизненных задач, какие диктовались всем ходом национальной истории и особенностями русского быта. Народно-поэтическая стихия и живой разговорный язык прочно укореняются в ту пору в большом количестве литературных памятников и в значительной мере определяют их стиль. Процесс демократизации литературы встречает ответную реакцию со стороны господствующих сословий. В придворных правительственных кругах насаждается искусственный нормативный церемониальный стиль, воспринявший элементы украинского **барокко**.

Этот термин был введен сторонниками классицизма в XVIII в. для обозначения искусства грубого, безвкусного, «варварского» и первоначально связывался только с архитектурой и изобразительным искусством. В литературоведение этот термин ввел в 1888 г. Г. Вельфлин.

С расширительным толкованием барокко выступил венгерский ученый А. Андьял в книге «Славянское барокко». Его точка зрения была развита А. А. Морозовым, который склонен относить всю литературу второй половины XVII и первой половины XVIII столетия к барокко, видя в этом направлении выражение национального своеобразия русской литературы. Точка зрения А. А. Морозова вызвала резкие возражения П. Н. Беркова, Д. С. Лихачева, чешской исследовательницы С. Матхаузеровой. В частности, Т. Н. Берков выступил с решительным отрицанием существования русского барокко и поставил вопрос о необходимости рассматривать русскую виршевую поэзию и драматургию конца

XVII в. как зарождение нового классицистического направления. С. Матхаузерова пришла к выводу о существовании в русской литературе конца XVII в. двух направлений барокко: национального русского и заимствованного польско-украинского. Д. С. Лихачев полагал, что *следует говорить о существовании только русского барокко, которое первоначально было заимствовано из польско-украинской литературы, но затем приобрело свои специфические особенности.* Несмотря на значительные расхождения во взглядах на барокко в русской литературе, исследователи установили наиболее существенные формальные признаки этого стиля. Для него характерно эстетическое выражение преувеличенного пафоса, нарочитой парадности, церемониальности, внешней эмоциональности, избыточное нагромождение в одном произведении казалось бы несовместимых стилевых компонентов подвижных форм, аллегоричность, орнаментальность сюжета и языка. Однако необходимо разграничивать два различных аспекта в содержании термина барокко: а) барокко как художественный метод и стиль, возникший и развивавшийся в определенную историческую эпоху; б) барокко как тип художественного творчества, проявлявшийся в разные исторические периоды.

Барокко как стиль сформировалось в России во второй половине XVII века и обслуживало зарождающийся просвещенный абсолютизм. По своей социальной сущности стиль барокко был аристократическим явлением, противостоящим демократической литературе. Поскольку переход к барокко в русской литературе осуществляется не от Ренессанса, как на Западе, а непосредственно от средневековья, этот стиль был лишен мистико-пессимистических настроений и носил просветительский характер; его формирование шло путем секуляризации культуры.

Писатели русского барокко, однако, не отвергали полностью религиозных взглядов, но представляли мир усложненно, считали его таинственным непознаваемым, хотя и устанавливали причинно-следственные связи внешних явлений. Отходя от старого средневекового религиозного символизма, они пристально всматривались в дела мирские, живую жизнь земного человека и выдвигали требования разумного подхода к действительности, несмотря на признание идеи судьбы и воли бога в сочетании с дидактизмом. На этой системе взглядов строился вымысел, система аллегорий и символов, а также сложная, порой изощренная структура произведений.

Стиль барокко в русской литературе конца XVII — начала XVIII в. подготовил появление русского классицизма. Он получил наиболее яркое воплощение в стиле виршевой поэзии, придворной и школьной драматургии.

Историю русской книжной поэзии начинают, как правило, с рубежа XVII столетия. Существует мнение, что в русской феодальной книжности не было специально стихотворных жанров, и если встречались в прозе ритмичность, рифмование или «напевность» — это шло от эпоса. Русских книжных стихотворений как самостоятельного рода не выработалось, по-видимому, до эпохи Московского государства.

Возникновение письменной поэзии в начале XVII века объясняется тем, что в это время фольклор стал уходить из города, поэтому «поэтическое чувство»

горожан искало удовлетворение в книге – как в «высокой», силлабической поэзии, так и в попадавшей по необходимости в письменность народной, в эпосе, сатире, лирической песне, духовном стихе. Другой фактор появления стихотворства – стремление усвоить достижения европейской культуры.

Силлабический стих утверждал себя в русской литературе XVII века постепенно. Сначала, по-видимому, он обслуживал лишь немногие жанры, в частности послания. В первой половине XVII века уже возникали целые сборники посланий, многие из которых становились образцовыми и попадали в письмовники, утрачивая конкретные приметы. В одном из таких сборников, в котором собраны стихотворения справщиков Печатного Двора – чернеца Савватия, Степана Горчака, Михаила Злобина, Михаила Татищева и др. – всего около пятидесяти посланий на разнообразные темы. Это и просьба о покровительстве, и порицания, и отповедь ученику.

Расцвет русской силлабической поэзии падает на последнюю треть XVII века и связан с именами Симеона Полоцкого, Сильвестра Медведева, Кариона Истомина и Андрея Белобоцкого.

Симеон Полоцкий (Самуил Емельянович Петровский-Ситнианович) родился в Полоцке в 1629 году. О днях его молодости нам известно только то, что он учился в Киево-Могилянской коллегии, крупнейшем тогда православном центре высшего гуманитарного и богословского образования. От 1648 года до нас дошел составленный им и собственноручно переписанный конспект теории поэзии, от 1653 года – сборник риторических упражнений на польском и латинском языках. В 1656 году, два года спустя после освобождения Полоцка русскими войсками, он принял монашество в Полоцком Богоявленском монастыре, а затем стал учителем в местной «братской» школе. В этом же году он впервые встретился со своим покровителем – царем Алексеем Михайловичем. В 1661 году принял решение навсегда переселиться в Москву, но решение это осуществил в 1664 году. Симеон Полоцкий еще до своего переезда в Москву в 1664 г., в Киево-Могилянской академии и в Полоцке, своем родном городе, стал известен как недюжинный поэт и ритор. Если его знаменитая декларация «Метры», которую он произносил перед царем Алексеем Михайловичем в 1656 году, почти буквально повторяет силлабическую «Просфониму», изданную во Львове в конце XVI века, то другое его произведение с тем же заглавием, читанное также во время посещения царем Полоцка, – это вполне самостоятельное произведение, яркий панегирик белорусской земле. Обращаясь к царю, поэт восхваляет его как освободителя Белоруссии:

Ты нас от нужды избавил,

Россию Белу на ноги поставил,

Прежде напастей бурю стемненну и оскорбленну.

В этих ранних произведениях уже достаточно ярко проявились характерные особенности творческой манеры Симеона Полоцкого. Если «Метры» написаны на белорусском языке, то в «Диалоге» сильна та «церковнославянская мова» – своеобразный сплав живых восточнославянских языков и языка церковных книг, которую Симеон Полоцкий ввел в русскую поэзию.

Московский период творчества поэта был самым длительным и плодотворным. Здесь он занял прочное положение при дворе, стал придворным учителем, стихотворцем и «премудрым философом», которому поручалось «состязание» со знаменитым Аввакумом, составление устава проектируемой академии, организация Верхней типографии, которая до самой его смерти в 1680 году находилась в его ведении. Здесь он создал свой колоссальный по объему и значению сборник «Вертоград многоцветный» (1678), выпустил печатный стихотворный перевод «Псалтыри царя и пророка Давида» (1680), снабженный превосходной гравюрой А. Трухменского по рисунку Симона Ушакова, а затем положенный на музыку композитором В.П. Титовым. Он работал над «Рифмологионом», который должен был включить все его панегирические стихотворения.

Значение Симеона Полоцкого не в том, что он «ввел» стихотворство в русскую культуру – силлабические вирши писали и до него, – а в том, что он отошел от представления о них как о забаве, обслуживающей лишь определенные потребности, что «рифмотворение» представлялось ему главным и, пожалуй, единственным способом создания новой словесной светской культуры. По словам Еремина, сборники Полоцкого производят впечатление своеобразного музея, на витринах которого расставлены в определенном порядке самые разнообразные вещи, часто редкие и очень древние. У Полоцкого есть и сюжетные произведения, и стихотворные анекдоты, и «приклады» вроде известного рассказа о рабе Андрокле, и поэтические зарисовки («День и ночь» в «Вертограде многоцветном»), и в особенности описание разных драгоценных камней, экзотических и фантастических птиц и животных. Поэт охотно прибегал к античной тематике. Но античный, раннехристианский и вообще исторический фон нужен автору лишь как орнамент стихотворения.

Полоцкий – это дидактический поэт, который в стихотворном воплощении всякой темы, всякого поэтического образа видел, в первую очередь, возможность «логической», морально-назидательной интерпретации. Поэтому так часты «лирические» отступления в сюжетном потоке – это риторическое восклицание, авторская ремарка, эмоциональная оценка. Симеон Полоцкий предпочитает вести непосредственный разговор с читателем, воздействовать не только поэтическим материалом, но и прямой сентенцией. Эти обращения адресованы либо к читателю вообще, либо к людям, для которых стихотворение, по мнению автора, должно представлять наибольший, чисто практический интерес.

*О, родители, чадам не вручайте,
Всех богатств ваших,
Сами обладайте.*

Поэзия Полоцкого в сущности замкнута в мире «вещей», к которым можно относить не только камни, предметы царского одеяния, но и одушевленных его героев. В отношении к мифологии и истории Полоцкий выступает как типичнейший представитель барокко: он не пользуется мифологией для постижения действительности, напротив – действительность он заключает в исторические и мифологические рамки. Ренессансная стройность оборачивается у Полоцкого, как и у других поэтов барокко, схематизмом. Его интересуют

внешние приметы вещей и явлений. А поскольку стихотворение для него тоже вещь, он увлекается графической его формой, пользуется изощренными акростихами и анаграммами, пишет стихи в форме креста, звезды, круга и т.д.

После смерти Симеона Полоцкого (1680г.) роль придворного стихотворца выполнял его ученик **Сильвестр Медведев**. Медведев не пользовался «славянской мовой» – искусственным языком, введенным в русскую поэзию Полоцким. Словарь Медведева – словарь русский, почти лишенный полонизмов и украинизмов. Пользуясь церковнославянизмами, Медведев иногда создавал стихотворения, по построению и поэтике напоминающие произведения народного творчества. В конце века стихи писали Карион Истомин и обрусевший поляк Андрей Белобоцкий.

Во второй половине XVII века развивается и русская **драматургия**. В этот период особой популярностью пользуется придворный и школьный театры.

Днем рождения русского **придворного театра** традиционно считается 17 октября 1672 г. – день, когда на сцене специально построенной «комедийной храмины» в селе Преображенском был показан спектакль **«Артаксерксово действо»** на сюжет библейской книги «Есфирь» о смиренной красавице Есфири, которая обратила на себя милостивое внимание персидского царя Артаксеркса, стала его женой и спасла свой народ. Автором пьесы был пастор лютеранской кирхи из Немецкой слободы магистр Иоганн-Готфрид Грегори. Пьеса была написана стихами по-немецки, затем ее перевели на русский язык, а после этого актеры-иноземцы, ученики школы Грегори, разучивали по-русски роли. Русский текст «Артаксерксова действия» был написан частью виршами и силлабическими, а в отдельных случаях силлаботоническими стихами, частью прозой, которая во многих местах может быть отмечена как проза ритмическая.

Исследователи репертуара русского придворного театра отмечали его разнообразие. Преобладали обработки библейских сюжетов: «Иудифь» («Олоферново действо») – о библейской героине, от руки которой погиб язычник Олоферн, предводитель войска, осаждавшего родной город Иудифи; «Жалостная комедия об Адаме и Еве», «Малая прохладная комедия об Иосифе», «Комедия о Давыде с Голиафом», «Комедия о Товии младшем». Наряду с ними встречались исторические («Темир-Аксаково действо» – о Тамерлане, победившем султана Баязета), агиографические («О Егории Храбром») и даже антично-мифологические («О Бахусе» и др.) постановки.

Первые пьесы русского придворного театра демонстрировали новое, дотоле неизвестное русскому читателю и зрителю отношение к прошлому. Если ранее о событиях давно минувших эпох рассказывалось, то теперь они показывались, изображались, оживали в настоящем.

Привыкнуть к сценической условности, овладеть ею было нелегко. Об этом говорят хотя бы сведения о костюмах и реквизите. Не театральная мишура, а дорогие настоящие ткани и материалы брались потому, что зрителям на первых порах было трудно понять сущность актерства, сущность настоящего художественного времени, трудно видеть в Артаксерксе одновременно и подлинного воскресшего государя, и ряженого немца с Кукуя.

Новая государева «потеха» была не только развлечением («комедия человека увеселити может и всю кручину человеческую в радость превратить»), но и школой, в которой «многие благие научения выразумети мочно, чтоб всего злодейства отстать и ко всему благу пристать».

Параллельно с придворным театром на Руси появляется и **школьный театр**, начало которого связано с именем Симеона Полоцкого – создателя двух школьных драм («Комедии о Навуходоносоре-царе» и «Комедии притчи о блудном сыне»). Наиболее известна последняя, которая является сценической интерпретацией известной евангельской притчи и посвящена проблеме выбора молодым человеком (т. е. новым поколением) своего пути в жизни. Эта тема была чрезвычайно популярна в литературе XVII века.

Содержание драмы довольно традиционно и представляет собой пересказ событий евангельской притчи, дополненный конкретно-бытовыми подробностями. Интересно, что в заключении пьесы Симеон оказывается перед довольно серьезной проблемой: он должен комментировать притчу, которую в Евангелии растолковал своим ученикам сам Христос. Однако толкование Симеона оказывается более «многослойным» и начинается с общедидактических выводов, которые должны сделать из этого сюжета представители разных поколений. Во-первых, эта пьеса обращена к молодежи:

*Юным се образ старейших слушати,
На младый разум свой не уповати.*

Во-вторых, мораль должно извлечь и старшее поколение:

*Старим – да юных добре наставляють,
Ничто на волю младых не спущають...*

И только лишь после этого говорится о том, что в Евангелии оказывается на первом – главном – месте, о прощении покаявшимся грешникам, в котором проявляется божественное милосердие:

*Наипаче образ милости явися,
В нем же Божья милость вобразися.*

После этого – по-барочному иронично и парадоксально – автор обращается к зрителям с призывом испробовать, хорошо ли они поняли преподанный им только что урок:

*Да и вы Богу в ней подражаете,
Покаявшимся удобь прощаете.
Мы в сей притчи аще согрешихом,
Ей, огорчители никого мыслихом;
Обаче молим – изволте простити,
А нас в милости господстей хранити.*

«Комедия притчи о блудном сыне» также построена в соответствии с барочным мировоззрением ее автора. Задача пьесы – как и задача стихотворных сборников Симеона – сочетание поучения с развлечением, о чем прямо говорится в Прологе:

*Изволте убо милость си явити,
Очеса и слух к действию приклонити:*

*Тако бо сладость будет обретенна,
Не токмо сердцам, но душам спасенна.*

Таким образом, силлабическая поэзия и театр явились своеобразным откликом, родившимся в аристократической среде, на процесс демократизации литературы. Эти две литературных тенденции (демократическая и аристократическая) отчасти друг другу противостоят, но, с другой стороны, обе свидетельствуют о полной секуляризации литературы.

Большую роль в развитии древнерусской литературы всегда играли **переводы** с различных языков — древних и новых. В XVII в. особое значение приобретают переводы с польского и латинского языков. Однако различия с предшествующими периодами были и в существе этой переводной литературы. В отличие от переводной литературы предшествующих веков, в основном она была светской. Эта была литература с занимательными сюжетами, с эмансипированными героями, литература, где люди пускались в путешествия, смело встречали различные происшествия, где описывались любовь, воинские доблести, прославлялись ловкость и сообразительность.

Среди переводных авантюрно-любовных произведений следует в первую очередь упомянуть **«Повесть о Бове Королевиче»**, белорусский перевод которой в начале XVII в., а может быть и несколько ранее, лег в основу русского текста. Бова был популярен в народной среде в течение трех веков — вплоть до XX в. В этой повести прославлялись личные качества героя — активность, богатырство, храбрость. Герой повести влюбляется, совершает подвиги, борется за справедливость. Русский вариант этой повести постепенно потерял черты рыцарского романа и приобрел элементы русской сказки.

Близкую литературную судьбу испытала и народная книга **«История о семи мудрецах»**. Она проникла на Русь из той же Польши через белорусское посредство в конце XVI — начале XVII в. и на русской почве обросла русскими сказочными чертами. Отдельные сюжеты этой книги получили распространение в русской литературе XVIII в. и перешли в сказку.

Наконец, огромной популярностью пользовалась в течение длительного времени **«Повесть о Еруслане Лазаревиче»**. Следует упомянуть также **«Историю о храбром рыцаре Петре Златых Ключей»**, **«Повесть о Василии королевиче Златовласом Чешския земли»**, **«Повесть об Оттоне цесаре римском»**, **«История о Милюзине королевне»**, **«Повесть об Аполлонии Тирском»**.

Во второй половине XVII в. появляются сборники новелл, получивших на Западе в эпоху Возрождения название «фацеций». В основу русского перевода фацеций лег польский сборник 1624 г. Фацеции отвечали возросшей потребности в занимательном чтении и вместе с тем резко снижали темы литературы, низводя их до уровня бытового анекдота, а стиль — к бытовому просторечию. Переводились и отдельные новеллы из «Декамерона» Бокаччо, из «Метаморфоз» Овидия. Были переведены с польского четыре книги **«кратких и нравоучительных речей»** Беняша Будного. Переводились и сборники рассказов с религиозно-нравоучительной тематикой: «Римские деяния», «Великое зеркало» и «Звезда пресветлая».

Так, дидактическое начало явно проявляется в новеллах «**Великого Зеркала**». В ряде случаев автор подробно расшифровывает читателю аллегорическое содержание того или иного рассказа. Например, рассказывая о блуднице, которую взял замуж «славный князь» и которую напрасно вызывают «свистанием» ее бывшие любовники, автор так комментирует этот и без того достаточно прозрачный текст: *«Блудница есть душа, любовницы суть греси, а князь Христос, дом его – церковь, а свистающие суть бесове, душа же верная всегда пребывает»*. В нескольких сюжетах дается аллегорическое истолкование адских мук. Чаще всего истолкователями в подобных ситуациях оказываются сами мучимые грешники, а истолкования напоминают прямую – именно аллегорическую – параллель между прегрешением и наказанием, уже давно знакомую русскому читателю. Так, клеветники в «Великом Зеркале» вынуждены вечно отгрызать и сплевывать свой язык, который постоянно отрастает заново; пьяницы – вечно пить из корчемной чаши смолу, огонь и серу. Может встречаться и аллегорическое толкование и небесных видений: так, один «*святой муж виде небо отверсто*», а у «*небесных врат*» – двух загораживающих проход «*великих и страшных змиев*». Аллегорическое толкование видения дается ангелом, появляющимся именно затем, чтобы прокомментировать его: «*Змиеве суть един нечистоты, а вторый суетное снискание славы*», которые «*входу в небесное царство не дают и затворяют врата небесная*».

Сборник поражает читателя огромным количеством самых разнообразных действующих лиц. Это небесные силы (Христос, Богородица, ангелы, апостолы, святые) и силы преисподней, духовные лица (епископы, монахи, отшельники, священники), представители практически всех общественных слоев (короли, купцы, судьи, воины, ремесленники, крестьяне, горожане), а также маргиналы (шуты, скоморохи, разбойники, нищие).

«Великое Зерцало» представляет несомненный интерес для исследователя древнерусской демонологии. Бесы выполняют в сборнике разные функции и восходят к разным литературным и фольклорным традициям. Бесы могут быть монументально-ужасающими или по-бытовому подвижными. Иногда бесы оказываются мощной силой и страшной угрозой, в других же случаях они, напротив, признают превосходство над ними людей. Наконец, иногда бесы оказываются превзойденными человеком в масштабе греховных помыслов и их реализации. В одной новелле дьявол, так и не сумевший поссорить мужа с женой, удивляется той легкости, с какой этой же цели достигла «*некая жена стара*»: «*тритцать бо лет сего исках и не получих, ты же сию брань не во многи дни сотворила еси*». В другой – обличает вора, крадущего репу и пытающегося перевалить ответственность на беса, якобы подучившего его. Может быть и совсем уж парадоксальная ситуация: в одной новелле дьявол ударяет «*по ланите*» монаха, не склонившего головы во время чтения Евангелия: «*И се слышиши ли, что.. тебе ради Бог человек быв? Аще бы сие мене ради сотворил, поклонялся бы ему непрестанно во веки*».

Сила покаяния неоднократно подчеркивается в новеллах «Великого Зеркала», однако внимание читателя акцентируется также и на многочисленных искушениях, подстерегающих искренне кающегося. В ряде случаев

рассказывается о том, как душа на время возвращается в тело – именно для того, чтобы принести покаяние и облегчить свою посмертную судьбу. На истинное покаяние оказывается не способным, пожалуй, только сам дьявол.

Одним из основных приемов, на которых строится и большая часть рассказов, и – шире – сборник в целом, является прием антитезы. Райское блаженство противопоставляется адским мучениям, праведники – грешникам, силы небесные – духам преисподней, кратковременность земной жизни – вечности за гробом.

Центр авторского внимания совершенно очевидно лежит в среде грешников. И оказывается, что посмертная судьба человека может развиваться по трем основным сценариям: 1) исповеданный грех перестает тяготеть над грешником, который после покаяния освобождается от мук; 2) грех остался не исповеданным и/или не прощенным, в результате грешник обречен на вечные муки и, как правило, сам просит тех, кому является, больше о нем не молиться; 3) грешнику дается надежда на прощение греха и освобождение от мук в будущем, в этом случае он, как правило, просит усиленных молитв о своей душе. Совершенно очевидно, что эти варианты органично укладываются в свойственные католичеству, а вовсе не православию представления о трехчастном устройстве загробного мира (рай – ад – чистилище) и являются следствием «латинского» происхождения сборника.

«Римские деяния» представляют собой сделанный в последней трети XVII в. на Руси перевод польского сборника «Historye Rzymskie», который, в свою очередь, представлял собой перевод чрезвычайно популярного в средневековых литературах разных народов латинского сборника «Gesta Romanorum», составленного в XIII в. неизвестным автором, по всей видимости, в Англии или Германии.

Темы, поднимаемые автором «Римских деяний», представляют собой подчас трансформации международных «бродячих сюжетов», подчас оказываются знакомыми ходами новеллистических сказок, однако рассказывается все это не с целью увлечь читателя тем или иным сюжетным ходом, а чтобы дать одну сторону раскрываемой во второй части – «выкладе» – аллегории. Аллегория же призвана сориентировать читателя в мире христианских грехов и добродетелей и помочь ему выбрать правильный путь.

Гордость, с точки зрения христианской этики – один из главных пороков человека, подвергается осуждению в первом же «прикладе», повествующем о гордом цесаре Евиниане. Сюжет строится на основе популярной в средневековье коллизии, связанной с мотивом переодевания: когда Евиниан купался, *«некоторый человекъ въ его образе, и въ походке, и во всемъ подобный, облекся въ его одеяние и, вседе на его конь, ехаль къ рыцаремъ»* и выдал себя за цесаря. Четырежды Евиниан пытается обратиться к людям, хорошо его знающим (рыцарю и пану, когда-то им облагодетельствованным; к своей жене и, наконец, к своему духовному отцу) и четырежды терпит поражение и отходит не только неузнанным, но и весьма ощутимо наказанным. Даже смиренный пустынный, не осуществляя физического наказания, упрекает его, сравнивая с дьяволом: *«неси бо ты цесарь, але злой духъ во образе человекчи»* и *«съ притости крепко оконце*

закрыль». Лишь такое наказание, увенчанное сравнением с врагом рода человеческого, заставляет цесаря задуматься о причинах неприятия и обращает к покаянию: *«вспомнилъ: коли на ложи лежалъ, вознеслося сердце его вспыхъ, глаголя, что «нестъ Бога иного крепчайшего, паче мене»*. Только осознав гордыню как грех, принеся покаяние своему духовному наставнику, Евиниан обретает путь к спасению: отшельник узнает его и приказывает идти во дворец, имея надежду, что и там уже все его узнают. Однако в итоге признание Евиниана истинным цесарем осуществляется по воле незнакомца, выдававшего себя за цесаря, который и объясняет собравшимся и недоумевающим рыцарям причины, побудившие его принять чужой облик: *«Але что не въ которое время вознеслося былъ въ гордость противъ Господа Бога, для котораго греха Богъ его скараль, отнял от него знаемость челоучю столь долго, дондеже за тот грехъ покаяние Господу Богу принесъ. А я есмь ангелъ Божий, хранитель души его, иже соблюдахъ панство его, дондеже онъ въ покаянии пребывал»*. Таким образом, мир людей и мир горних сил оказываются удивительно прозрачными, ангелы могут спокойно путешествовать по земле и принимать человеческий облик, что напоминает отсутствие границ между небесным, земным и преисподним мирами в религиозно-дидактических новеллах «Великого Зеркала».

Далее автор дополняет сюжетный текст толковательным «выкладом», превращая, таким образом, новеллу в притчу. Охота, на которую едет цесарь, в этом толковании оказывается суетой временного мира, а купание в реке – охлаждением горячности, возникшей в результате дьявольского искушения, *«въ водахъ сего света»*. Знаком отступления от веры является *«съседание съ коня»*. Не менее аллегорическими фигурами оказываются и не узнающие цесаря знакомые: рыцарь – это разум, пан – *«власное сумнение»* (голос собственной совести), привратник – человеческая воля, открывающая двери сердца, а жена – это, собственно, и есть душа. В рамках этих уподоблений и употребляемое к главному герою наименование «цесарь» тоже оказывается обозначением не социальной власти, а духовной категории – истинным цесарем оказывается добрый христианин, ибо только он и может *«царствовати в Царстве Небесном»*.

Достаточно много внимания уделено на страницах «Римских деяний» широко представленной в разных произведениях этой эпохи теме женской неверности, порочности женской природы, женским хитростям, при помощи которых они обманывают доверчивых мужей. Некоторые сюжеты о женских хитростях содержат набор бродячих мотивов, хорошо знакомых читателям новеллистических сказок. Таков «Приклад о хитрости женстей и заслеплении прелстившихся». В нем рассказывается о трех дарах, завещанных младшему сыну неким королем Дарием. Эти дары – *«перстень златый»*, который может исполнять любое желание, *«спонки»* (пряжки, застёжки), в одно мгновение доставляющие все, что только сердцу угодно, и *«сукно дорогое»*, которое может перенести сидящего на нем в любое место. Все три дара были выманены у доверчивого юноши ловкой *«фриеркой»* (вольной женщиной), после чего он был оставлен ею в уединенной долине *«зверемъ на снадение»*. Юноша выбирается оттуда и обретает славу искусного лекаря, благодаря чудом обретенным им мертвой и живой воде и чудесным фруктам, одни из которых вызывают проказу, а

другие лечат ее. Обладая такими чудесными дарами, юноша одерживает верх над обманщицей и возвращает себе отнятые дары.

Сюжет достаточно занимателен, и в нем обращает на себя внимание умелое использование автором сразу нескольких мотивов. Повествование явно распадается на две части, первая из которых содержит традиционный рассказ о незадачливом возлюбленном и хитрой обманщице, второй рассказывает о ловком человеке, умудряющемся перехитрить обманщика. В первой части нагнетается мотив незадачливости юноши: он оказывается обманутым трижды, совершенно одинаковым способом (хитрая женщина просит дать ей ценные вещи на хранение, а потом притворяется, что потеряла их), и трижды же его мать обращается к нему с призывом беречь отцовское наследство. Во второй части сюжет движется случайностями: случайно переходя ручей, герой обнаруживает, что вода *«мясо съ ногъ его даже до костей обьяла»*, и столь же случайно переходя другой ручей – что *«наросло ему опять мясо от нея (от воды) на ногах его»*; вкусив плоды одного дерева, он покрывается проказой, вкусив плоды другого – излечивается. И вновь случайно ему приходит в голову объявить себя искусным лекарем как раз перед тем, как коварная «фриерка» заболела и таким образом оказаться призванным к ней в качестве врача. Что интересно, исцеление не обещается в обмен на возвращение украденных даров (что, наверное, было бы характерно для новеллистической сказки). Для автора же исцеление физическое оказывается тесно связанным с исцелением болезней души, поэтому юноша говорит своей коварной возлюбленной: *«Некоторое лекарство тебе не поможет, аж бы се и первое исповедала греховъ своихъ»*. Еще больше усложняет момент чисто развлекательного восприятия изложенного сюжета следующий за ним выклад, согласно которому оказывается, что юноша символизирует собой доброго христианина, дары же – это *«перстень веры, спонки надежды и сукно любви»*, что подтверждается соответствующими цитатами из Евангелий от Матфея и Луки и из Послания св. апостола Павла к коринфянам. «Фриерка» же означает плоть, *«или похоти плотския, ибо плоть противляется души»*. Еще сложнее оказывается трактовка второй части приклада: вода, отделяющая мясо от костей, – это раскаяние, отделяющее *«плоть, то есть телесныя похоти, от... греховъ, которыми еси образилъ (оскорбил) Господа Бога»*; дерево, плоды которого делают явной проказу, – покаяние, выставляющее напоказ совершенные черные грехи; вода второго ручья – исповедь, возвращающая потерянные добродетели, плод же последнего дерева суть *«плодъ покаяния, молитвы, постъ и милостыня»*. Таким образом, сюжет о наказании воровки и обманщицы оборачивается историей возвращения блудного сына в лоно Церкви Христовой.

Таким образом, приклады «Римских деяний» представляли собой новую ступень беллетризации русской литературы. Сохраняя внешнюю связь с «выкладами» (на уровне композиции текста), они тем не менее в сознании читателей все больше и больше воспринимались как самостоятельные художественные произведения.

Обобщая вышесказанное, отметим, что переводная литература XVII в. не замкнулась рамками своего времени. Она была в основном широко популярна и в XVIII, и в XIX вв. Переработки переводных произведений XVII в. можно

встретить в XVIII в. у Чулкова, Левшина, Курганова. Отдельные сюжеты вошли в лубочные картинки и лубочную литературу, многие были обработаны в сказках. Некоторые сюжеты были использованы также В. Гаршиным, Л. Толстым, А. Толстым, а в XX в. — А. Ремизовым.

Возникнув в Средние века, по преимуществу в городской литературе, получив развитие иногда у Бокаччо, иногда у Шекспира, проникнув в разных вариантах в Россию, сюжеты переводной литературы XVII в. служили живой связью литератур и фольклора различных народов, связью между веками, между разнородными культурами, отвечая самым различным запросам национальных литератур в их движении к освобождению литературы от церковности, в укреплении прав личности в литературе и жизни.

Значение древнерусской литературы состоит, во-первых, в том, что она помогает нам понять достижения великой русской литературы XIX-XX вв. Древняя русская литература передала русской литературе нового и новейшего времени свою высокую идейность, свой огромный художественный опыт, гибкость и богатство литературного языка, образной системы.

Во-вторых, в древнерусской литературе есть произведения, которыми русский народ вправе гордиться независимо от того, насколько они оказались важны для дальнейшего развития русской литературы. К таким произведениям, ценность которых чрезвычайно высока, относятся, прежде всего, «Повесть временных лет» – первая русская летопись, «Поучение Владимира Мономаха», «Слово о полку Игореве», «Слово о погибели Русской земли», «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Повесть о Петре и Февронии», «Хождение за три моря Афанасия Никитина», «Житие протопopa Аввакума», «Повесть о Горе – Злочастии». Перечисленные произведения далеко не исчерпывают все то лучшее, что создала русская литература за семь веков.

Русской литературе XVII века принадлежит заметная роль в развитии русской литературы нового времени. Совмещение старого и нового, традиционного и преодолевающего традиции, наблюдается и в тематике произведений, и в миросозерцании писателей, и в литературных формах. Важное место занимает героика, тема защиты отечества звучит в произведениях «смутного времени», в повестях блестяще представлена ратная доблесть русских людей.

В этот период религия продолжает играть важную роль в жизни человека, что также находит свое отражение и в литературе: в религиозной оболочке предстают общественно-политические идеи века, вмешательством божественной и нечистой силы объясняются многие перипетии в судьбах героев, с проявлением божественной воли соотносится исторический процесс. Не играя такой значительной роли, как раньше, продолжают существовать и развиваться традиционные жанры. Сама литература остается, в основном, анонимной.

Русская литература XVII века обращена к будущему. Ей присущ острый критицизм по отношению к старым нормам жизни, обусловленный приобщением к творчеству демократических слоев населения. Произведения демократической сатиры и старообрядческой публицистики, наиболее полно отразившие классовые противоречия и протест народных масс, направлены против богачей, против

попов, феодального суда, пьянства. Наступательный, обличительный характер литературы находит выражение в таких способах сатирического изображения жизни, как ирония, гротеск, пародия, шутка. Критической направленностью литературы XVII века обусловлено появление вопроса о том, каким должен быть царь, что выразилось у Аввакума в гневном обличении царя-деспота, а у Симеона Полоцкого в создании идеального образа могущественного царя-просветителя. Именно в XVII веке в литературе для читателей открывается совершенно новая область художественного изображения – сфера частной жизни человека, мир человеческих чувств.

Именно в этот период происходит рождение литературы как самостоятельной области искусства. Она отделяется от деловой письменности и богослужебной литературы. Происходит осознание отдельными писателями их литературных позиций: Аввакум полемично избирает простоту и доходчивость стиля, Симеон Полоцкий тяготеет к формам барокко, первого литературного направления на Руси. Рождаются не только новые жанры, но и новые роды литературы – драматургия и поэзия, которым суждено будет играть основную роль в историко-литературном процессе XVIII века.

Раздел «История русской литературы XVIII века»

1. Жизненный и творческий путь А.П. Сумарокова (1717 – 1777)

Сумароков (Александр Петрович) – известный писатель. Род. в 1718 г., в Финляндии, близ Видьманстранда. Отец его, Петр Панкратьевич, крестник Петра Вел., был человеком по тому времени образованным, в особенности по части литературы, и принадлежал к искренним сторонникам реформаторской деятельности Петра. По заключении Ништадского мира он сам занялся воспитанием своих детей и пригласил к ним иностранца Зейксна (бывшего одно время учителем имп. Петра II), для преподавания «общей словесности», 14-ти лет С. был отдан в Сухопутный Шляхетный корпус, только что устроенный по прусскому образцу Минихом. Здесь С. вскоре выделился серьезным отношением к научным занятиям и в особенности влечением к литературе. Первыми произведениями С., написанными еще в корпусе, были переложение псалмов, любовные песни и оды; образцами для них служили французские поэты и вирши Тредьяковского. Систематического знакомства с французской литературой у С. не было; даже Расина он прочел уже по выходе из корпуса. Воспитанники корпуса читали друг другу свои сочинения

и переводы. Из них С. образовал «общество любителей российской словесности»; в числе участников его были известные впоследствии И. П. Елагин, И. И. Мелисисно, А. П. Мельгунов. Сочиненные С. в это время сентиментальные песни были положены на музыку Белиградским и имели большой успех даже при дворе. К этому же времени относятся и первые драматические опыты С. Впечатления театра были знакомы С. еще в раннем детстве; по его словам, когда ему не было еще и двенадцати лет, он «бывал на комедиях», исполнявшихся заезжими актерами немцами. Не заявив, по окончании ученья, желая служить в полку, С. был сначала причислен к военной канцелярии гр. Миниха, со званием адъютанта, затем продолжал службу у гр. Г. И. Головкина и гр. А. Г. Разумовского и дослужился до чина бригадира. Служба при гр. Разумовском доставила С. возможность бывать в высшем обществе столицы и привела к знакомству с наиболее выдающимися лицами того времени. Но честолюбие С. было направлено в иную сторону: он неутомимо работал на литературном поприще. В октябре 1747 г. С. обратился к президенту канцелярии академии наук, брату своего начальника, гр. К. Г. Разумовскому, с просьбой о разрешении напечатать трагедии «Хорев»: Уже в этом прошении определенно высказана мысль об общественном значении его авторства: «к тому, чтоб она была напечатана» – говорит С. – «меня ничто не понуждает, кроме одного искреннего желания тем, чем я могу, служить моему отечеству». Трагедия была напечатана в том же году. Успех, выпавший на её долю, содействовал распространению в русском обществе более правильного взгляда на театральное искусство и оказал несомненное влияние на основание постоянного русского театра. Приглашению в Петербург знаменитой ярославской труппы предшествовала постановка пьес С. в корпусе и во дворце: в 1750 г., кроме «Хорева» – трагедий «Гамлет», «Синав и Трувор», «Артистона», комедии «Чудовищи», «Трессотинеус», в 1751 г. – «Семира»; актерами являлись кадеты. Существование театра было упрочено указом императрицы сенату 30 августа 1756 г., и тогда же С. был определен директором его. Для облагораживания в глазах малообразованной публики звания актеров он выхлопотал последним дворянское отличие – право носить шпагу. Иногда придирчивый в своих требованиях, он с любовью следил за развитием талантов и навыков к сцене и был искренним другом талантливейших представителей своей труппы; известна, например, его трогательная элегия на смерть Шумского и Троепольской. Несмотря на недоброжелательство литературных противников С., старавшихся подорвать значение С. как драматурга, слава его росла с каждым новым произведением. Постоянный театр, с актерами, смотревшими на сцену как на свое единственное и высокое призвание, дал новую пищу творчеству С., встречавшему, притом, неизменное одобрение со стороны императрицы. Продолжая работать для театра, он в тоже время писал многочисленные оды, элегии, басни, сатиры, притчи, эклоги, мадригалы, критические статьи и т. д., стараясь завоевать прочное положение во всех родах и видах русской литературы. В 1759 г. С. основал журнал «Трудолюбивую пчелу», наполнявшуюся большей частью произведениями

своего издателя. Он имел успех, но скоро прекратился по недостатку средств. В 1755 г. С. поставил на сцену первую русскую оперу: «Цефал и Прокриса», музыка к которой была написана, в лирическом духе, придворным капельмейстером Арайя. К 1757 г. относится драма С. «Пустынник», к 1758 г. – трагедия «Ярополк и Димиза», где двое из действующих лиц носят имена «Крепостата» и «Силотела», по-видимому имевшие целью сообщить трагедии отсутствовавший в ней национально-исторический колорит. Quasi-исторические сюжеты имеют и следующие трагедии С.: «Вышеслав» – (1768), переносящий действие в языческую старину Новгорода, «Дмитрий Самозванец» (1771), «Мстислав» (1774). К 1768 г. относятся комедии С. «Опекун», «Лихоимец», «Три брата совместники», «Ядовитый», «Нарцис», к 1769 г. – «Пустая ссора», «Рогоносец по воображению», «Мать совместница дочери». С. сочинял и балеты, в которые вводил драматический элемент и намеки на современные события. Изящные декорации, музыка, пение, фантастическая обстановка – все это обеспечивало успех таким аллегорическим пьесам С., как «Новые лавры» (на победу над Фридрихом 1759 г.) или «Прибежище добродетели», или таким операм, как «Альцеста» (1759), с музыкой Раупаха. Быстрота, с которой С. создавал свои произведения, может быть охарактеризована его пометкой на комедии «Трессотиниус»: «зачата 12 января 1750 г., окончена января 13-го 1750». Крайне самолюбивый и строптивый нрав С. служил источником бесконечных ссор и столкновений, даже с ближайшими его родными. Подорвать литературный авторитет С. врагам его не удавалось, но в отношениях к нему многих лиц из высшего и литературного круга было немало несправедливого. У вельмож его дразнили и потешались его бешенством; Ломоносов и Тредьяковский донимали его насмешками и эпиграммами. Они жестоко напали на И. П. Елагина, когда тот в своей «сатире на петиметра и кокеток» обратился к С. в таких выражениях:

"Наперсник Буалов, российский наш Расин,
Защитник истины, гонитель, бич пороков"

С., с своей стороны, не оставался в долгу: в своих вздорных одах – он пародировал высокопарные строфы Ломоносова, а Тредьяковского изобразил в «Трессотиниусе», в лице тупого педанта, то читающего неуклюжие и смешные стихи, от которых все бегут, то рассуждающего о том, какое «твердо» правильные – о трех-ли ногах или об одной. Противниками С. на литературном поприще были еще Эмин и Лукин, но Херасков, Майков, Княжнин, Аблесимов склонялись перед его авторитетом и были его друзьями. С цензурой С. вел постоянную борьбу. В большинство случаев непримиримость С. объяснялась его неуклонным стремлением к истине, как он ее понимал. С сильнейшими вельможами своего времени С. так же спорил и горячился, как и с своими собратьями по перу, и ни шутом у них, ни льстецом не мог быть уже по самой своей; натуре. Отношения С. к И. И. Шувалову были проникнуты искренним и глубоким уважением. С. управлял театром не особенно долго: из-за каких-то в точности неизвестных столкновений с артистами и недоразумений или, вернее, интриг, С. был, в

1761 г., уволен от звания директора театра. Хотя это не охладило в нем страсти к сочинительству, но он был очень огорчен и с особенной радостью встретил воцарение Екатерины II. В похвальном слове, написанном по этому поводу, он в сильных выражениях нападал на невежество, укрепленное пристрастием и силой, как на источник неправды в жизни; он умолял государыню исполнить то, что смерть помешала исполнить Петру Вел. – создать «великолепный храм ненарушимого правосудия». Императрица Екатерина знала и ценила С. и, не смотря на необходимость подчас делать этой «горячей голове» внушения, не лишала его своего расположения. Все сочинения его печатались на счет Кабинета. Любопытно и для характеристики времени и нравов, и для определения взаимных отношений С. и императрицы, дело его с содержанием московского театра Бельмонти, которому он запретил играть свои произведения. Бельмонти обратился к главнокомандующему Москвы, фельдмаршалу гр. П. С. Салтыкову, и тот, не вникнув хорошенько в дело, разрешил ему играть произведения С. «Мои трагедии – писал по этому поводу С. – моя собственность... Я уважаю фельдмаршала, как знаменитого градоначальника древней столицы, а не как властелина моей музыки; она не зависит от него. По чреде, им занимаемой, я его почитаю; но на поприще поэзии я ставлю себя выше его». Вместе с тем С. пожаловался императрице на Салтыкова. «Вы лучше всех знаете – отвечала ему Екатерина, – какого уважения достойны люди, служившие со славой в убежденные сединами. Вот почему советую вам избегать впредь подобных прений. Таким образом вы сохраните спокойствие души, необходимое для произведений вашего пера. а мне всегда приятнее будет видеть представление страстей в ваших драмах, нежели в ваших письмах». Этот ответ немало подбавил горечи к последним годам жизни С., омраченной периодами тяжкого запоя. Враги смеялись над ним, дирекция театра отказывала ему в праве иметь бесплатное место на представлениях его пьес, сочинения его перепечатывались с целью искажения. Богач Демидов преследовал его по долговому обязательству в 2000 руб. и забавлялся его стесненным положением, требуя уплаты не только капитала, но и неустойки за просрочку. Не был счастлив С. и в семейной жизни. Он был женат три раза. Из четырех сыновей один умер в молодости; трое других утонули, стараясь спасти друг друга. С 1771 г. С. жил то в Москве то в деревне, изредка наезжая в Петербург, по делам или по вызову императрицы. С. умер в Москве, 59 лет от роду, и похоронен в Донском монастыре. При всех слабостях и странностях, С. имел доброе сердце и готов был последним поделиться с бедняком. Он никогда не упускал случая заступиться за гонимого, выразить резкий протест против поругания человеческого достоинства в крестьянине. Самомнение его было чрезвычайно велико: он называл Вольтера единственным, вместе с Метастазием, достойным своим совместником. Стихотворения С. вышли в свет в 1769 г.; затем все сочинения его были изданы Н. И. Новиковым дважды, в 1781 и 1787 гг. Всего больше выдаются из них драматические произведения, которыми С. стяжал у современников славу «отца российского театра» и «северного Расина».

Конечно, серьезно сравнивать С. с франц. трагиком нельзя; он уступал ему и по силе таланта, и по оригинальности. Образцом для С. служили Расин и Вольтер. Его трагедии отличаются всеми внешними свойствами ложноклассической французской трагедии – ее условностью, отсутствием живого действия, односторонним изображением характеров и т. д. С. не только перерабатывал, но прямо заимствовал из французских трагедий план, идеи, характер, даже целые сцены и монологи. Его Синавы и Труворы, Ростиславы и Мстиславы были лишь бледными копиями Ипполитов, Британников и Брутов французских трагедий. Современникам трагедии С. нравились идеализацией характеров и страстей, торжественностью монологов, внешними эффектами, яркой противоположностью между добродетельными и порочными лицами; они надолго утвердили ложноклассический репертуар на русской сцене. Будучи лишены национального и исторического колорита, трагедии С. имели воспитательное значение для публики в том отношении, что в уста действующих лиц влагались господствовавшие в то время в европейской литературе возвышенные идеи о чести, долге, любви к отечеству и изображения страстей облакались в облагороженную и утонченную форму. О характере переделок С. может дать понятие хотя бы следующее место из «Гамлета» (действие 1, явл. 2), где датский принц говорит:

Я бедствием своим хочу себя явить,
Что над любовью могу я властен быть.
Люблю Офелию; но сердце благородно
Быть должно праведно, хоть пленно, хоть свободно...

В 1-м явл. II действия Клавдий восклицает:

Когда природа в свет меня производила,
Она свирепствы все мне в сердце положила.
Во мне искоренить природное мне зло,
О воспитание! и ты не возмогло,
Се в первый раз во мне суровый дух стонает
И варварством моим меня изобличает...

Интересен разговор Полония и Гертруды, в котором поставлен и разрешен в духе времени вопрос о царской власти.

Полоний.

Кому прощать царя? – народ в его руках.
Он Бог, не человек, в подверженных странах.
Когда кому даны порфира и корона,
Тому вся правда власть, и нет ему закона.
Гертруда.

Не сим есть праведных наполнен ум царей:
Царь мудрый есть пример всей области своей;
Он правду паче всех подвластных наблюдает,
И все свои на ней уставы созидает,
То помня навсегда, что краток смертных век,
Что он в величестве такой же человек,

Рабы его ему любезные суть чады,
От скипетра его лиется ток отрады.

Комедии С. имели меньший успех, чем трагедии. И они, большей частью, переделки и подражания иноземным образцам; но в них гораздо больше сатирического элемента, обращенного к русской действительности. В этом отношении комедии С., из которых лучшая – «Опекун», вместе с сатирами, баснями и некоторыми эклогами, представляют богатый материал для изучения духа эпохи и общества. Цель комедии С. определил в одном из своих стихотворений; ее назначение – "издевкой править нрав; смешить и пользоваться прямой ее устав". В его комедиях богатейший подбор «презрительных вещей», которые безобразили русскую жизнь и происходили или от невежества, или от ложно понятого, поверхностно усвоенного европейского образования. Не стесняясь в выражениях падал С. и на темные стороны старого русского общества – на дворянскую спесь, ханжество, бездельничанье, самовластие помещиков, любовь к угодничеству и лести. Особенно же досталось от С. «крапивному семени», «хамову отродью», как он называл подьячих. и судей: их он без пощады преследовал за лицепрятие, взяточничество, казнокрадство. Сам С. много страдал от подьячих, еще в детстве ему пришлось однажды лично отвезти одному из них взятку в 50 руб., и он на всю жизнь не мог отделаться от впечатления этого визита. «Слово чернь – говорит он в одной из своих филиппик против московской публики – принадлежит низкому народу, а не слово подлый народ, ибо подлый народ суть каторжники и прочие презренные твари, а не ремесленники и земледельцы. У нас сие имя всем тем дается, которые не дворяне. Дворянин! великая важность! Разумный священник и проповедник величества Божия, или кратко богослов, естество слов, астроном, ритор, живописец, скульптор, архитектор и проч. по сему глупому положению члены черни. О несносная дворянская гордость, достойная презрения! Истинная чернь суть невежды хотя бы они и великие чины имели, богатство Крезово и влекли бы свой род от Зевса и Юноны, которых никогда не бывало». Большую часть своих комедий С. написал в Москве, и нападки его на современные нравы относятся преимущественно к московской публике. По его выражению, невежеством в Москве «все улицы вымощены толщиной аршина на три». Для исправления своего Москва не одного, а «ста Мольеров требует», – писал он Екатерине. Во всяком случае, общественная и критическая мысль С. шла впереди поэтического чувства: в его поэзии гораздо более рассудочного элемента, чем истинного вдохновения. Лучшая из его песен – та, где нашло себе выражение опятьтаки сатирическое чувство автора: «Хор к превратному свету». Оды С. напыщенны, вялы и лишены, в противоположность одам Ломоносова, исторического и общественного содержания. Но в баснях и эпиграммах живая, насмешливая, задорная натура С. сказалась вполне; не отличаясь высоким художественным достоинством, они любопытны по тем бесчисленным штрихам живой современности, которые рисуют эпоху ярче самых обстоятельных описаний. Новиков считал

басни С. «сокровищем российского Парнаса». Забота о внешней форме и об аллегории стояла в них на последнем плане; мораль также отступала перед широким сатирическим содержанием, взятым из условий окружающей жизни. Крылов не только знал и изучал басни С., но иногда заимствовал основные черты их сюжетов. Ябеды и крючкотворства С. не мог не задать даже в своих эклогах, посвященных «прекрасному российского народа женскому полу», где, в духе Фонтенеля, изображал перипетии сентиментальной любви, на лоне природы, при участии Аврор и Диан, нимф и зефиров. К эклогам близки идиллии С., в которых воспеваются тоска любовников, изнывающих друг по другу. Те же мотивы и в песнях романсах С., которые он тщетно пытался подделать под народный лад. В тяжелые минуты душой С. овладевало религиозное чувство, и он искал утешение от скорбей в псалмах; он переложил псалтырь в стихи и писал духовные сочинения, но в них столь же мало поэзии как и в его духовных одах. Его критические статьи и рассуждения в прозе имеют в настоящее время лишь историческое значение.

2. Творчество И.Ф. Богдановича

Богданович Ипполит Федорович (1743-1803) - поэт екатерининских времен, род. 23 декабря 1743 г. в Переволочне; десяти лет был записан в военную службу, но по окончании московского университета в 1761 году определен был надзирателем за классами в университет, а в 1762 г. в комиссию о строении триумфальных ворот, для которых сочинял надписи. В 1763 г. был прикомандирован в штат гр. П. И. Панина, а с 1764 начал службу в иностранной коллегии; с 1766 по 1769 г. был секретарем русского посольства при саксонском дворе. В 1799 г. переведен в департамент герольдии, а в 1780 г. членом в государственный архив, где с 1788 г. был председателем. 1 мая 1795 г. уволен от службы и в следующем году оставил Петербург. Умер в Курске 6 января 1802 года. Писать стихи начал в детстве и уже 14 лет печатал их, благодаря Хераскову и Мелиссино. В 1763 г. он познакомился с гр. Дашковой и принимал участие в журналах, выходивших при ее участии. Около 1775 г. сочинил вольную повесть в стихах - "Душеньку", подражая Лафонтену, заимствовавшему свой сюжет из Апулея; напечатана в первый раз была она в 1783 в Спб. и до 1841 г. выдержала 15 изд.; последнее в 1887 г. А. Суворина в "Дешевой библиотеке". Сочинение это доставило Б. известность и обратило на него внимание Екатерины II. По ее поручению он написал для эрмитажного театра: "Радость Душеньки" (1786 г.), "Славяне" (1787 год) - пьесы, не имевшие успеха. С сентября 1775 года он издавал "С. Петербургский Вестник", а с 1775 - 1782 гг. редактировал "Спб. Ведомости". Кроме того он написал: "Сугубое блаженство" (поэма Спб., 1765); "Добромысл", (др. пов. в стихах. М., 1805); "Блаженство народов" (поэма, М. 1810); "Берег" (Спб., 1812); "Русские пословицы" (3 ч. Спб., 1785; здесь народные пословицы переделаны в двустишия); "Лира, или собрание разн. соч." (Спб., 1773). Плодом его исторических занятий осталось:

"Историческое изображение России" (Спб., 1777) и переводы: "Малая война, описанная майором в службе короля Прусского" (с фр., Спб., 1768); "Сокращение из проекта о вечном мире Руссо(из Сен-Пьера)" (Спб., 1771) и "Вертоута, история о бывших переменах в Римской республике" (с фр. 3 ч. Спб., 1771 - 75). Б. оставил автобиографию (напечатана в "Отеч. Зап. ", 1853, j 4). Собрание его сочинений вышло в Москве в 1809 - 1810 гг., 6 ч.; 2е изд. - М. 1818 - 19 гг., 4 ч.; 3-е - Смирдинское, в 2 ч.. в 1848 г.

Из всего написанного Б. историко-литературное значение имеет только "Душенька". Она явилась довольно смелым диссонансом в поэзии XVIII в., занимавшейся производством торжественных надутых од. Современники были поражены новизною ее содержания и формы и произвели Б. в "гении". "Душенька" породила массу подражаний и переделок, как какое-нибудь "классическое" произведение. Смерть Б. вызвала массу эпитафий, в которых Б. превозносится, именно за написание "Душеньки":

Зачем нам надписями могилу ту чернить.

Где Душенька одна все может заменить говорится в одной из них. В наше время в "Душеньке" можно отметить легкость стиха и желание, насколько позволяет официальная и нравственная цензура, побеседовать о "клубничке", благодаря которой поэма, главным образом, и имела успех у современников (Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон Энциклопедический словарь).

3. Жизненный и творческий путь Г.А.Державина

Г.Р.Державин родился в июле 1743 г. в Казанской губернии. Его родители - Роман Николаевич и Фекла Андреевна - были небогатыми дворянами. Отец Державина служил в армии и семье часто приходилось переезжать в связи с его переводами по службе. В 1754 г. Роман Николаевич вышел в отставку и умер. Забота о детях и хозяйстве легла на плечи Феклы Андреевны.

Хорошее образование в то время было практически недоступно детям небогатых провинциальных дворян. Так и Державин до 16 лет получал отрывочные знания от случайных преподавателей. С 1759 г. по 1762 г. он учился в Казанской гимназии. За успехи был зачислен в инженерный корпус, но из-за путаницы с бумагами оказался солдатом лейб-гвардии Преображенского полка. Вскоре вместе с полком стал участником переворота, заменившего на российском троне Петра III Екатериной II. Вследствие бедности по службе Державин продвигался медленно и только в 1772 г. был произведен в прапорщики. К этому же периоду относятся его первые невеликие успехи в поэзии.

В 1773 г. мятеж под предводительством Пугачева принял масштабы, опасные

для государства. Для подавления восстания Екатерина II поручила руководство войсками генералу А.И.Бибикову. Державин, понимая что других шансов продвинуться по службе у него нет, добился назначения к Бибинову в следственную комиссию. При подавлении мятежа Державин

проявил себя храбрым и энергичным офицером, но неумение угодить начальству привело к тому, что наградами его обошли. Деревни Державиных были разорены во время восстания, да еще Гаврила Романович имел неосторожность выступить поручителем за своего приятеля, поручика Маслова, долги которого стали требовать с Державина. Спас положение выигрыш в карты сорока тысяч рублей. Попытки Державина добиться заслуженной награды закончились увольнением на гражданскую службу в чине коллежского советника и получением 300 душ крестьян в Белоруссии. Это было ничтожно мало по сравнению с другими офицерами, служившими хуже Державина. В эти годы Гаврила Романович как поэт перешел от переводов к творчеству, начал определяться его поэтический стиль.

Найдя покровительство у князя Вяземского, Державин в 1777 г. поступил на

службу в Сенат. В следующем году он женился на Екатерине Яковлевне Бастидон (1760-1794). К этому времени денежные дела улучшились и помимо сенатского жалованья у Державина стало более тысячи душ крестьян. В 1780 г. Гаврила Романович получил чин статского советника. Ода "Фелица", в которой восхвалялась Екатерина II, была напечатана в 1783 г. Стихотворение Державина расстрогало императрицу до слез и в награду поэту была послана усыпанная бриллиантами золотая табакерка с пятьюстами червонцев.

Конфликт с Вяземским, скрывавшим государственные доходы, привел к отставке

Державина с сенатской службы, но с 1784 г. по воле Екатерины II он назначается губернатором Олонецкого края. Борьба за законность с наместником генерал-губернатором Тутолминым закончилась поражением Державина, и года не пробывшего на этом посту. Последовало новое назначение - тамбовским губернатором. Державин успел много сделать для просвещения Тамбовского края, но попытки отстаивать справедливость и нежелание "ладить" с высшими вельможами привели к смещению с должности в 1788 г. За годы, проведенные на губернаторстве, поэтическая слава Г.Р.Державина возросла.

Стремясь ограничить власть Сената, Екатерина II в 1791 г. назначает

Державина своим кабинет-секретарем с задачей выявления нарушений закона в сенатских документах. Но и на этом посту его характер остался прежним: не угодив императрице, Державин в 1793 г. был отставлен от должности и назначен сенатором. При той малой роли, которую играл Сенат, это было знаком немилости. Награждение орденом Владимира II степени и присвоение чина тайного советника были слабым утешением. И в Сенате своим правдолюбием Гаврила Романович нажил себе много врагов.

В 1794 г. умерла жена Державина, Екатерина Яковлевна.

В 1795 г. Гаврила Романович женился второй раз, на Дарье Алексеевне Дьяковой (1767-1842). На сестрах Дьяковой - Александре и Марии - были женаты два других поэта того времени, Василий Васильевич Капнист и

Николай Александрович Львов, с которыми Державина связывали не только родственные отношения, но и дружба.

При царствовании Павла I Державин занимал должности правителя канцелярии

Сената, государственного казначея. После прихода к власти Александра I Гаврила Романович в 1802-1803 г.г. был министром юстиции. Уйдя в 1803 г. в отставку Державин много времени проводил в имении Званка (Новгородская губерния), купленном в 1797 г. на приданое Дарьи Алексеевны. На отдыхе поэт занялся работой над собранием своих сочинений, первые четыре тома которого были изданы в 1808 г. Державин участвовал в работе Беседы - общества любителей Российской словесности. В 1815 г. поэт был на экзамене в Царскосельском лицее и расстрогался, слушая Пушкина.

Умер Державин в июле 1816 г. в новгородском имении Званка и был похоронен в Петербурге

Г.Р.Державин начал печататься в 1773 г. в сборнике "Старина и новизна".

Его творчество можно разделить на три этапа. Первый (ранний) период продолжался с 1773 г. по 1779 г. В это время поэт пытался следовать традициям как М.В. Ломоносова (героическая поэзия), так и А.П. Сумарокова (интимная лирика).

Во второй период творчества (1779-1791) Державин создал свой стиль, нашедший наиболее яркое выражение в стихотворениях "Ода на смерть князя Мещерского" (1779), "Ода к Фелице" (1782, опубл. в 1783), "Бог" (1784), "Осень во время осады Очакова" (1788, опубл. в 1798), "Видение Мурзы" (1789, опубл. в 1791), "Водопад" (1791-1794, опубл. в 1798).

Основной жанр этого периода - торжественная ода. Поэтическое новаторство

Державина проявилось в разрушении чистоты классического жанра; он соединил элементы оды и сатиры в одном стихотворении.

В третий период (90-е г.г.) у Державина преобладает анакреонтическая лирика. Он декларирует отказ от торжественной оды и прославляет сельскую жизнь, интимные радости, мудрую умеренность. Здесь можно отметить стихотворения "Философы пьяный и трезвый" (1789, опубл. в 1792), "Храповицкому" (1793, опубл. в 1808), "К лире" (1794, опубл. в 1798), "Похвала сельской жизни" (1798, опубл. в 1808).

С начала XIX века творчество Державина клонится к упадку, хотя порой ему

удаются великолепные произведения: "Снегирь" (1800, опубл. в 1805), "Евгению. Жизнь званская" (1807). В последние годы жизни Державин обратился к драматургии. Начиная с 1804 г. он написал ряд трагедий ("Добрыня", "Пожарский", "Ирод и Мариамна", "Евпраксия" и др.).

С 80-х годов XVIII века Державин возглавлял литературный кружок, в который входили его друзья-писатели Н.А.Львов, В.В.Капнист, И.И.Хемницер. С 1811 г. Державин состоял в литературном обществе

"Беседа любителей русского слова". Здесь он своим авторитетом подкреплял литературных консерваторов, но в то же время благожелательно относился к В.А.Жуковскому и "заметил" юного Пушкина. Творчество Державина подготовило почву для поэзии К.Н.Батюшкова, А.С.Пушкина и др. поэтов.

Смерть и бессмертие в поэзии Державина

Тема смерти неотступно сопровождает поэзию Державина с его первых нам известных одических творений.

В старости, на покое, живописуя званские красоты и натюрморты, увенчанные голубым щучьим пером, поэт словно бы опять видит: "Где стол был яств, там гроб стоит" - и горько пророчествует: "Разрушится сей дом, засохнет бор и сад..."

В самые разные годы, в самых разных стихотворениях у поэта, умеющего так ярко воспеть радость жизни, то почти резонерски, то лирически страстно прорывается извечное "помни о смерти".

"На свете жить нам время срочно..." - замечает он "первому соседу".

Радуюсь выздоровлению мецената И. И. Шувалова, рисует Харона:

На брег из лодки вылезает

Старик угрюмый и седой.

И, озираясь, подпирает

Себя ужасною косою.

Вздыхает над гробом графини Румянцевой:

С убогим грузом иль богатым,

Всяк должен к вечности пристать.

Рядом с алмазной горой водопада Кивач поэт вновь возвращается к мучающей мысли:

Не зрим ли всякой день гробов,

Седин дряхлеющей вселенной?

Не слышим ли в бою часов

Глас смерти, двери скрыт подземной.

Так один из самых жизнелюбивых и бодрых русских поэтов оказывается и одним из самых замороженных видением смерти.

Державин был отважным человеком. Перед пугачевской разбойной вольницей, перед бушующим, захлестывающим утлую лодку Белым морем, перед вельможным и царевым гневом он не робел, не падал духом.

А каково не теряться перед начальством? Известно, что в коридорах власти подобострастно сгибались даже те, кто не кланялся и пулям на поле боя.

Волевая державинская отвага в стихах, в которых поэт вдохновенно переживал собственную жизнь (в каких бы формах это ни проявлялось), присутствовала и в неутомимом напоминании о дежурстве смерти рядом с живущим. Умение полнокровно, распахнуто жить и чувствовать, страстно переживать эту единственную жизнь в слове, может быть, и не давало ему отвести взгляд от смерти.

Но рядом с брэнной жизнью у Державина всегда бессмертие, в ней и над нею - Бог.

В своей удивительной оде он говорит о своем философско-религиозном понимании и жизни, и смерти, и бессмертия, обращаясь к Создателю:

Твоей то правде нужно было,
Чтоб смертну бездну преходило
Мое бессмертно бытие:
Чтоб дух мой в смертность облачился
И чтоб чрез смерть я возвратился,
Отец! - в бессмертие Твое.

В “Объяснениях” на собственные сочинения Державин в связи с одой “Бог” привел о себе (говоря о себе в третьем лице, как бы продолжая цезаревскую традицию, блестяще подхваченную у нас Денисом Давыдовым) следующий “анекдот”: “Родился он в 1743 году 3 июля, а в 1744 году, в зимних месяцах, когда явилась комета... то он, быв около двух годов, увидев одну и показав пальцем, быв у няньки на руках, первое слово сказал: “Бог”.

Рассказывая о своем младенчестве, о том, как его, хилого новорожденного, запекали, по обычаю, в хлеб, и о хвостатой комете, поэт делает в своих “Записках” примечание, где разъясняет, что два этих события, может быть, были Провидением, они предсказали поэту трудный жизненный путь и создание им поэмы “Бог”, “которая от всех похваляется”.

Из мыслей поэта о жизни и смерти ясно, что он все же дошел в своих исканиях до гармоничного постижения этих вселенских крайностей, дошел через веру в Спасителя. Созрев духом, Державин уже не только самому себе, но и другим людям сумел сказать слова утешения и надежды:

Почто ж терзаться и скорбеть,
Что смертный друг твой жил не вечно?
Жизнь есть небес мгновенный дар;
Устрой ее себе к покою
И чистою твоей душою
Благословляй судеб удар.

Итак, только в гармонии со всем сущим, включая рождение, жизнь и смерть, по Державину, утверждается связь дольного мира с Богом, достигается победа над злом и смертью, отнюдь не являющейся преградой на пути к вечной жизни души человеческой.

4. Добасенное творчество И.А.Крылова

Творчество К. делится на два этапа: сатирико-пародийное творчество 18 века и басенное творчество 19 века. Первый период является подготовкой ко второму.

Жизнь К. необычна во многих отношениях. По своему происхождению К. принадлежал к демократическим разночинным слоям. Его отец был выходцем из обер-офицерских детей, не имел вотчин и не пользовался дворянскими правами. Детство – на Урале, где его отец участвовал в военных действиях против Пугачева. В 1775 году Крыловы переехали в Тверь. В 1778

году отец умер. Мать за деньги читала молитвы над покойниками; писала прошение на имя императрицы с просьбой о помощи, однако помощи не получила. Образование К. оставляло желать лучшего: еще при жизни отца брал уроки у гувернера-француза (вынес немного), затем брал уроки в «приявленном семействе» Львовых, однако в большей степени был самоучкой (изучил французский и итальянский языки так, что через некоторое время смог зарабатывать переводами). После смерти отца, будучи подростком, начинает работать в том же губернском магистрате, где работал его отец. За ним постоянно наблюдают, поскольку вместо переписывания бумаг он часто читал книги. В 1783 году семья К. тайно (поскольку К. бросил службу без разрешения) уезжает в Петербург, где сразу без жалования служит чиновником петербургской казенной палаты, потом в Горной экспедиции. После смерти матери в 1788 году занимается (небезуспешно) воспитанием младшего брата Льва.

Первые литературные опыты Крылова относятся к тому периоду, когда он жил еще в Твери. Будучи 14-летним подростком, он переводит басню Лафонтена, а через год пишет комическую оперу **«Кофейница»** (несмотря на недостаток художественного мастерства, характеризуется правдивостью изображенных ситуаций, сценичностью; в пьесе заметны демократические воззрения автора, сочувствие крестьянам; выступает как антидворянский писатель). В 1793 году в журнале «Российский театр» появляется трагедия **«Филомела»** (была изъята цензурой, поскольку содержала протест против власти царя).

Сатиры **«Сочинитель в прихожей»**, **«Проказники»** (связаны образом поэта-льстеца Рифмохвата и антидворянской направленностью; в последней пьесе современники увидели памфлет на писателя-дворянина Княжина, который высокомерно относился к К. и его семье).

Одна из лучших комедий К. **«Модная лавка»** (1806). По тематике и стилю она продолжает традицию ранних пьес писателя, но по мастерству превосходит их. Чета провинциальных помещиков Сумбуровых, попавшая в Москву и смешная в незнакомой ей обстановке, рисуется автором в реалистической манере, несмотря на имена-характеристики.

Среди драматических произведений К. особое место занимает шуто-трагедия **«Подщипа»** или **«Трумф»** (1800). Это памфлет не только на царствование Павла I, но и на русское самодержавие вообще. Яркими фигурами в пьесе являются образы лежебок и обжор царя Викулы, полуидиота великого князя Слюня и немецкого принца Трумфа, образ которого является карикатурой на Павла I и его военные реформы. Здесь К. прибегает к комическому смещению стилей. В пьесе сочетаются принципы народного театра, народных игрищ с высокой поэтикой классицистской трагедии (для этой цели используется высокий «александрийский стих»). Пьеса была поставлена в домашнем театре оппозиционно настроенного генерала Галицына, цензурой в печать не пропускалась и была опубликована в России лишь в 1871 году.

Постепенно К. отходит от драматургии начинает участвовать в журнальной деятельности (повлияло знакомство и сотрудничество с прогрессивным издателем Рахманиновым). В 1789 году К. начинает издание собственного журнала **«Почта духов»**. Все выпуски этого журнала представляют собой как бы отдельные главы единой повести. Из одного выпуска журнала в другой кочуют фантастические персонажи – эльфы и гномы с говорящими или экзотическими именами: Буристон, Зор, Дальновид, Световид, Вестодав, Выспрепар. Все они пишут письма уважаемому ими волшебнику Маликульмульку, а издатель журнала случайно становится секретарем Маликульмулька и этим мотивирует публикацию писем. В переписке принимает участие и древнегреческий философ Эмпедокл. Необыкновенные корреспонденты сообщают Маликульмульку о своих наблюдениях над жизнью. Перед читателями предстает галерея персонажей, наделенных говорящими фамилиями: Ветродум, Расточителей, Плутан, Тихокрадов, Людомор, Старомысл и другие. В этих журналах обличались недостаток воспитания, невежество, грубость нравов, ложное образование, французские моды, роскошь, ветренность, крючкотворство, взяточничество.

Жанры, представленные в журнале, также весьма разнообразны. Например, ложные панегирики, сатирические очерки (по-классицистски дидактичны, персонажи в них изображаются однопланово, выделяется лишь их главный социальный или профессиональный признак, выводы подсказываются автором читателю). Идеи автора журнала выражает сальф Дальновид. Многократно высмеивает Крылов в «Почте духов» Екатерину 2 и ее придворных.

В 1792 году К. с товарищами начинает издавать новый журнал – **«Зритель»**, острота сатиры которого, по сравнению с предыдущим журналом, закрытым не по воле автора и издателя, была сглажена. Крылов заявляет о своем желании издать в журнале отвлеченную сатиру на пороки, «не дерзая нимало касаться личности, подобно как живописец, желая написать на своей картине различные страсти, рисует человека во всех правилах естества, но ничьего лица прямо не изображает». Однако в журнале были помещены произведения К. и других авторов, в которых содержались и острые намеки на лица, и на социальные недостатки.

В этом журнале К. напечатал свои сатирико-пародийные повести **«Ночи»** и **«Каиб»**.

Сюжет «Каиба» напоминает «Спасскую полость» Радищева. Повесть К. отличается выразительным языком и четкой композицией. Юмористическое описание роскошного дворца и ироническая характеристика самого калифа Каиба (развратника, стремящегося прослыть человеколюбцем и покровителем искусств) должны были вызвать у читателя ассоциации с Екатериной 2 и ее окружением. В сопровождении феи и побуждаемый ею Каиб отправляется в путешествие и видит подлинную жизнь людей, о которой не мог ничего узнать из лстивых рассказов придворных. И пелена обмана спадает с его глаз. Крылов здесь пародирует и зло высмеивает

сентиментальные идиллии (сцена с пастушком). Постепенно Каиб познает тщету славы и величия и находит прекрасную Роксану, на поиски которой его и направляла фея. Роксана становится женой поумневшего Каиба. Высмеивая сентименталистов и разоблачая деспотизм, К. отстаивает идеи социальной справедливости и гуманизма, однако его калиф не является просвещенным монархом.

В «Зрителе» также была опубликована нравоописательная сатирическая повесть «**Ночи**». Юмористические бытовые очерки группируются вокруг образа Мироброда – философа-созерцателя. Повесть, скорее всего, осталась незаконченной. Кроме большой вступительной части, в которой излагаются суждения автора о сущности сатиры и которая насыщена сатирическими сценками, произведение содержит еще 2 главы (ночь 1, ночь 2). Одним из центральных мест в повести является описание маскарада, что символизирует фальшь светского общества. Пародийные ассоциации произведения многоплановы. Вначале пародируются знаменитые «Ночные думы» Юнга, очень популярные в среде русских сентименталистов. А финал произведения – ядовитая пародия на плутовской роман, несовместимый с сентиментальными медитациями «Ночных дум». Составной частью повести является ложный панегирик (ироническая похвала) под названием «Похвальная речь в память моему дедушке, говоренная в присутствии его приятелей за чашею пунша». Главным пристрастием героя «речи» Звениголова была охота. Она изображается как война против зайцев. Ирония звучит уже и в том, что упоминается, что герой погиб «с неустрашимостью гонясь за зайцем». Перед нами вся жизнь дедушки героя – от рождения до смерти: в двухлетнем возрасте начал царапать глаза и кусать уши кормилице, чем заслужил восхищение отца; образование ограничилось букварем, ибо «барину знатному непристойно книги читать»; служба героя в столице свелась к посещению кабаков; потом начал играть в карты и в течение двух месяцев проигрался друзьям вчистую; его выручила смерть дяди – тот оставил наследство. Панегирическое слово в память Звениголова обрывается на полуслове, потому что «перепившиеся любезные слушатели» перепили и уснули.

Журнал «Зритель» просуществовал недолго и был закрыт в 1792 году. После этого К. с товарищами начинают выпускать новый журнал «Санктпетербургский Меркурий», где сатира занимает еще меньшее место, нежели в предыдущих журналах. Из своих сатирических произведений печатает лишь 2 свои речи: «Похвальная речь науке убивать время» и «Похвальная речь Ермалофиду», в которой видят сатирический выпад против Карамзина. В основном в этом журнале он печатает свои лирические стихотворения (жанр дружеского послания). Характеризуется отсутствие нравоучительности и непринужденностью тона, они проникнуты юмором и иронией. Классицистскому культу разума здесь противопоставлены прославление страстей, свобода проявления человеческих чувств. **«Послание о пользе страстей»:**

Они ведут: науки к совершенству,

*Глупца - ко злу, философа к блаженству.
Хорош сей мир, хорош: но без страстей
Он кораблю б был равен без снастей.*

Пишет К. также оды, эпиграммы, переложения псалмов и басни. Последние, однако, еще лишены аллегоризма и представляют собой пока фельетоны в стихах («Стыдливый игрок», «Недовольный гостями стихотворец»). Однако уже в этих произведениях мир четко делится на две части: честных и трудолюбивых простых людей и дворян-тунеядцев.

Например, ода «Утро» по своему содержанию представляет сатиру. Которая строится на противопоставлении идиллической жизни пастухов, не испорченных городской культурой, жизни развращенных горожан. Переложения псалмов явились для Крылова удобной завуалированной формой выражение все того же протеста писателя-разночинца против вельмож, писателей-дворян:

*Чем хвалишься во злобе, сильный,
Что мочен наносить ты вред?
Глагол твой, лестию обильный,
Как ядом растворенный мед;
Язык твой – бритва изощренны;
В груди кипит все злоб гена.
Ты лживость паче правды любишь
И злобу – паче доброты;
Скорбя, щадшь, - ликуя, губишь;
Блаженством ближних мучим ты...*

Не будучи очень талантливой, поэзия раннего К. наследует традиции Державина и прокладывает путь к «легкой поэзии» Батюшкова.

Творчество Крылова в 18 веке – разрозненное. Не собранное воедино и не очищенное от лишних деталей творчество будущего баснописца. Но когда в 19 веке это единство будет достигнуто, возникнет новое, более высокое качество, невозможное в литературе предыдущего века, - крыловский басенный реализм.

5. Творчество Я.Б.Княжнина

КНЯЖНИН, ЯКОВ БОРИСОВИЧ (1742 – 1791), русский драматург, поэт, переводчик. Родился 14 октября 1742 в Пскове, сын псковского вице-губернатора. Получил образование в гимназии при Академии наук и в частном пансионе. С 1757 – переводчик в Канцелярии от строений, с 1762 – на военной службе. По обвинению в растрате казенных денег был судим (1773), лишен дворянского звания и уволен со службы. Прощенный в 1778, стал секретарем видного деятеля эпохи Екатерины II И.И.Бецкого, главного попечителя просветительских и воспитательных учреждений. В эти годы Княжнин, начавший писать еще в школьные годы, с жаром отдается литературной деятельности: выступает в журналах, публикует переводы, сочиняет пьесы, с успехом идущие на столичной сцене. В 1783 избран

членом Российской Академии наук, участвовал в составлении Словаря Академии Российской.

Заявив о себе как о характерном представителе русского просветительского классицизма, Княжнин завоевал у современников широкий успех трагедиями из отечественной и мировой истории и мифологии (Дидона, 1769; Владимир и Ярополк, 1772; Росслав, 1784; Владисан, Софонизба, обе 1786; Титово милосердие, 1778; Вадим Новгородский, 1789, опубл. 1793, и др.), а также комическими операми, популярном европейском жанре 18 в. (Рыбак и дух, 1781; Хвастун, 1784–1785; Несчастье от кареты, 1779; Сбитенщик, 1783; Чудаки, 1790), мелодрамой Орфей и др.

«Переимчивый Княжнин», по определению А.С.Пушкина, заимствовал многие сюжеты своих драм у европейских авторов (Мольер, Ф.Детуш, Вольтер, П.Метастазιο, К.Гольдони), иногда усложняя при этом композицию и вводя, в подражание античности, в некоторые трагедии хор. Патриотический пафос и тираноборческие мотивы трагедий, узнаваемость образов, живость языка и злободневность тематики комедий, предвосхитивших творчество А.С.Грибоедова и Н.В.Гоголя, постановка назревших для русского общества проблем национального характера и новой трактовки идеи государственности, в которой следование кодексу сословной чести – символу дворянского избранничества – сменяется утверждением самосознания «российского гражданина», верность интересам не монарха, но отечества поставили Княжнина в ряд наиболее ярких драматургов своего столетия.

Переводчик поэмы Вольтера Генрияд (1777), трагедий П.Корнеля Сид, Цинна, Смерть Помпеева (все 1779), Родогуна (1788), Гораций и комедии Лжец (не опубл.), поэмы крупнейшего представителя европейского барокко Дж.Марино Избиение младенцев (1779), а также комедий Гольдони Хитрая вдова, Тщеславные женщины, Светский человек (не опубл.) и др., Княжнин ввел в культурный обиход наиболее актуальные для своего времени произведения литературы Запада. **Новаторским явилось употребление впервые в русской словесности белого стиха.**

В 1793 напуганная Французской революцией Екатерина II, автор пьесы Историческое представление из жизни Рурика (1786), в монархистски-верноподданническом духе трактующей летописную легенду о восстании древних новгородцев против варяжского князя, издала секретный указ, повелевающий публично сжечь «мятежную» трагедию уже покойного Княжнина «Вадим Новгородский», где герой-республиканец, боровшийся с великодушным монархом Руриком, предпочитает в итоге смерть унижительному подчинению (вновь опубл. в 1871, полная публ. 1914). Не последнюю роль в этом распоряжении сыграли доносительные инсинуации давнего недруга Княжнина И.А.Крылова. Указ императрицы способствовал возникновению двух версий о кончине драматурга 14 (25) января 1791 в Петербурге: от «простудной горячки» – либо (ее придерживался Пушкин) от попыток в Тайной канцелярии.

В 1780-е годы Княжнин был на вершине славы. В популярных литературных журналах его стихотворения соседствовали с поэзией самых именитых авторов: Г.Р. Державина, И.Ф.Богдановича, В.И.Майкова, в печати и на сцене появлялись его новые драматические произведения. 8 февраля 1784 года петербургские зрители, заинтересованные слухами о новой трагедии Княжнина «**Рослав**», спешили в те-атр, тем более, что в главной роли выступал известный актер И.А. Дмитриевский. *В образе Рослава Княжнин показал идеального представителя русского народа, для которого интересы отечества дороже собственной жизни. Восхищенные зрители рукоплескали не переставая и требовали, чтобы на сцену вышел автор. Скромный Княжнин опрометью бежал из театра.* Дмитриевский вынужден был благодарить публику от его имени. Так было положено начало новой традиции в русском театре вызывать на сцену автора любимейшей пьесы.

Несмотря на литературные успехи, Княжнин по-прежнему был очень стеснен в средствах. В сентябре 1789 года, преследуемый кредиторами, он вынужден был заложить в ломбард домашние вещи, которые смог выкупить только с помощью Опекунского совета. Бецкий терял зрение, становился все деспотичнее, и служба при нем тяготила Княжнина. Омрачали настроение и пересуды, вызванные ссорой с И.А.Крыловым. Однажды острая на язык Екатерина Княжнина посмеялась над тем, что начинающий писатель получал за свои переводы французских и итальянских опер лишь право на свободный вход в партер. Она назвала его «дешевым» писателем, «писателем за пять рублей». Оскорбленный Крылов ответил комедией «Проказники», в которой вывел Княжнина в образе самовлюбленного писателя Рифмокрада и безжалостно высмеял всю его семью. Княжнин получил репутацию подражателя, крадущего сюжеты у западноевропейских авторов («переимчивый Княжнин» — Пушкин). Репутацию несправедливую, ведь использование фабулы известного произведения, «склонение» ее на «русские нравы» было для того времени обычным явлением.

В 1789 году Княжнин принес в театр свою новую и последнюю трагедию «Вадим Новгородский», ставшую вершиной русской драматургии классицизма. В основе трагедии лежали исторические сведения о восстании в конце IX века новгородского посадника Вадима против князя Рюрика. Княжнин отказался от традиционных драматических ситуаций, от привычных сюжетных поворотов. Конфликт из области отвлеченных страстей, обретя общественно-политическое звучание, перерос в столкновение идеального монарха с идеальным республиканцем. Устами свободолюбивых персонажей «Вадима Новгородского» отвергался сам принцип самодержавия, так как, по их мнению, любой монарх неизбежно превращается в тирана.

Трагедия готовилась к постановке, главные роли репетировали известные актеры Я.Е.Шушерин и П.А.Плавильщиков. Но началась Французская революция. Предвидя возможные неприятности, Княжнин забрал трагедию из театра. Она была напечатана через два года после смерти автора, в 1793 году, и вызвала скандал. Екатерина II сделала выговор

президенту Российской академии Е.Р. Дашковой, которая дала согласие издать пьесу. По решению Сената экземпляры, конфискованные в книжных лавках, были сожжены на площади возле Александро-Невской лавры. Секретный указ Сената с требованием присылать из всех губерний в Петербург экземпляры трагедии для сожжения был повторен еще дважды: в 1794 и в 1798 годах. Судьба произведения способствовала возникновению версии, которая объясняла внезапную кончину его автора в 1791 го-ду. по словам сына Княжнина, она была следствием «злейшей горячки», приключившейся от «жесточайшей» простуды.

Однако по Петербургу ходили слухи, что Княжнин был засечен до смерти в Тайной канцелярии полицмейстером Шешковским. По рассказам, воспитанники кадетского корпуса даже сговорились отомстить палачу за своего любимого учителя и однажды, вооружившись тонкими длинными прутьями, попытались окружить его в саду во время прогулки. Но им это не удалось. Почувствовав опасность, Шишковский спешно уехал.

На Смоленском кладбище на могиле Княжнина установили простой камень с надписью:

Творенья Княжнина Россия не забудет.
Он был и нет его. Он есть и вечно
будет.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

Планы и методические указания по подготовке к практическим (семинарским) занятиям

Практическое занятие № 1

Древнерусская литература. Предпосылки появления и особенности развития

1. Исторические и культурные предпосылки возникновения литературы Киевской Руси.
2. Характерные черты древнерусской литературы (рукописный характер, анонимность, псевдонимность).
3. Особенности метода древнерусской литературы (историзм, этикетность, символизм, дидактизм).
4. Периодизация древнерусской литературы
5. Система жанров древнерусской литературы.
6. Тематическое разнообразие памятников древнерусской литературы.
7. Особенности стиля и языка древнерусских памятников (общая характеристика).

Литература

1. *Гудзий, Н. К.* История древней русской литературы: Учебник / Н. К. Гудзий. Вступ. ст. и коммент. А. М. Ранчина. – М.: Аспект Пресс, 2003.
2. *Кусков, В. В.* История древнерусской литературы / В. В. Кусков. – М.: Высш. школа, 2003.
3. Литература Древней Руси: Библиографический словарь / Под ред. О. В. Творогова. – М.: Просвещение, 1996.
4. Словарь книжников и книжности Древней Руси : в 3 вып. / отв. ред. Д.С. Лихачев ; АН СССР ; ИРЛИ. – Л.: Наука, 1987-1989.
5. *Юрганов, А. Л.* Категории русской средневековой культуры / А. Л. Юрганов. – М.: МИРОС, 1999.

Практическое занятие № 2

Русской летописание. «Повесть временных лет»

1. Истоки русского летописания.
2. «Повесть временных лет». Гипотезы формирования летописи (Рыбакова, Лихачева, Шахматова, Истрина).
3. Отражение в «Повести временных лет» общенародных интересов.
4. Жанровое своеобразие «Повести временных лет».
5. Фольклорные мотивы в «Повести временных лет».
6. Особенности языка и стиля «Повести временных лет».

Литература

1. Древняя русская литература. Хрестоматия / Сост. Н.И. Прокофьев. М., 1988.
2. *Еремин, И. П.* Лекции и статьи по истории древнерусской литературы / И. П. Еремин. – Л. – 2-е изд., дополн., 1987.
3. *Лихачев, Д.С.* Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. – М., 1979.
4. *Шахматов, А. А.* Разыскания о русских летописях / А. А. Шахматов. – М.: Академ. проект, 2001.

Практическое занятие № 3 **«Слово о полку Игореве» как величайший памятник** **литературы Киевской Руси**

1. История открытия и опубликования «Слова о полку Игореве».
2. Переводы и исследования памятника.
3. Проблема авторства «Слова о полку Игореве».
4. Тематика, проблематика, идейное своеобразие «Слова о полку Игореве».
5. Особенности жанра и композиции «Слова о полку Игореве».
6. Система образов в «Слове о полку Игореве».
7. Образ природы в «Слове о полку Игореве».
8. Связь «Слова» с устным народным творчеством.
9. Особенности языка и стиля «Слова о полку Игореве».

Литература

1. *Булахов, М.Г.* «Слово о полку Игореве» в литературе, искусстве, науке / М. Г. Булахов. – Мн., 1989.
2. *Гудзий, Н. К.* История древней русской литературы: Учебник / Н. К. Гудзий. Вступ. ст. и коммент. А. М. Ранчина. – М.: Аспект Пресс, 2003.
3. Литература Древней Руси: Хрестоматия / Сост. Л. А. Дмитриев; Под ред. Д. С. Лихачева. – М.: Высш. школа, 1990.
4. *Лихачев, Д.С.* Слово о полку Игореве и культура его времени / Д. С. Лихачев. – Л.: Худ. лит., 1985.
5. *Рыбаков, Б. А.* Петр Бориславич. Поиск автора «Слова о полку Игореве» / Б. А. Рыбаков. – М., 1991.

Практическое занятие № 4 **Повести Куликовского цикла**

1. Историческая основа повестей.
2. Сравнительная характеристика Летописных повестей о Мамаевом побоище (краткой и пространной).

3. Особенности отражения истории Куликовской битвы в «Задонщине». История открытия памятника. Значение.
4. «Задонщина» и «Слово о полку Игореве». Сходства и различия.
5. Стилистические и поэтические особенности «Задонщины».
6. Отражение идеи централизованного государства в «Сказании о Мамаевом побоище».
7. Особенности композиции, поэтики и стиля «Сказания о Мамаевом побоище».

Литература

1. *Водовозов, Н. В.* История древней русской литературы: Учебник для педагогических институтов / Н. В. Водовозов. - М. - Изд. 3-е., 1972.
2. Литература Древней Руси: Хрестоматия / Сост. Л. А. Дмитриев; Под ред. Д. С. Лихачева. - М.: Высш. школа, 1990.
3. *Лихачев, Д.С.* Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. - М., 1979.
4. *Пиккио Р.* История древнерусской литературы / Р. Пиккио. - М.: Кругъ, 2002.

Практическое занятие № 5 Публицистика XVI века

1. Исторические предпосылки возникновения публицистики XVI века.
2. Последователи иосифлянского и макарьевского стилей (творчество Максима Грека, Вассиана Патрикеева, митрополита Даниила, Ивана Пересветова).
3. Литературная деятельность Ивана IV (Грозного) (общая характеристика).
4. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Тематика, проблематика. 5. Послание Василию Грязному.
5. Публицистическое послание Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь.
6. Новаторство в языке и стиле произведений Ивана Грозного.

Литература

1. *Гудзий, Н. К.* История древней русской литературы: Учебник / Н. К. Гудзий. Вступ. ст. и коммент. А. М. Ранчина. - М.: Аспект Пресс, 2003.
2. История русской литературы X - XVII веков / Под ред. Д. С. Лихачева. - М. - 2-е изд., 1985.
3. *Каравашкин, А. В.* Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский / А. В. Каравашкин. - М.: Прометей, 2000.
4. Литература Древней Руси: Хрестоматия / Сост. Л. А. Дмитриев; Под ред. Д. С. Лихачева. - М.: Высш. школа, 1990.

Практическое занятие № 6 **Литература Смутного времени**

1. Смутное время (историческая справка). Жанровое своеобразие памятников Смутного времени.
2. Причины популярности видений в эпоху Смутного времени. «Повесть о видении некоему мужу духовну».
3. Использование форм деловой письменности в литературе Смутного времени. «Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском».
4. «Сказание» Авраамия Палицына. Традиции и новации.
5. Фольклорная основа «Повести о смерти и погребении князя Михаила Скопина-Шуйского».

Литература

1. *Гудзий, Н. К.* История древней русской литературы: Учебник / Н. К. Гудзий. Вступ. ст. и коммент. А. М. Ранчина. – М.: Аспект Пресс, 2003.
2. Слово древней Руси / Сост. О. В. Гладкова. – М.: Панорама, 2000.
3. *Плюханова, М. Б.* Сюжеты и символы Московского царства / М. Б. Плюханова. – М.: Акрополь, 1995.
- 4.

Практическое занятие № 7

Эволюция житийного жанра в древнерусской литературе (1)

1. Агиография. История появления жанра на Руси. Житийные каноны.
2. «Сказание о Борисе и Глебе» как первое русское мученическое житие.
3. Художественное своеобразие «Жития Феодосия Печерского».
4. «Житие Александра Невского». Традиции и новации.
5. Особенности житийной литературы XV века. «Плетение словес».
6. Творчество Епифания Премудрого. «Житие Стефана Пермского». «Житие Сергия Радонежского».

Литература

1. *Гудзий, Н. К.* История древней русской литературы: Учебник / Н. К. Гудзий. Вступ. ст. и коммент. А. М. Ранчина. – М.: Аспект Пресс, 2003.
2. Древняя русская литература. Хрестоматия / Сост. Н.И. Прокофьев. М., 1988.
3. *Федотов, Г. П.* Святые Древней Руси / Г. П. Федотов. – М., 2002.

Практическое занятие № 8

Эволюция житийного жанра в древнерусской литературе (2)

1. Секуляризация и демократизация литературы XVII века. Трансформация житийного жанра.
2. «Житие Юлиании Лазаревской» как семейная хроника.
3. Агиографические и фольклорные мотивы в «Сказании о явлении Унженского креста».
4. Раскол русской церкви. Литературная деятельность Аввакума.
5. Особенности жанра и композиции «Жития протопопа Аввакума, им самим написанного».
6. Тематика, проблематика, система образов «Жития протопопа Аввакума».
7. Традиции и новаторство в языке и стиле «Жития протопопа Аввакума».

Литература

1. *Гудзий, Н. К.* История древней русской литературы: Учебник / Н. К. Гудзий. Вступ. ст. и коммент. А. М. Ранчина. – М.: Аспект Пресс, 2003.
2. Древняя русская литература. Хрестоматия / Сост. Н.И. Прокофьев. М., 1988.
3. *Топоров, В. Н.* Святость и святые в русской духовной культуре / В. Н. Топоров. – Т. 2. – М. 1998.
4. *Федотов, Г. П.* Святые Древней Руси / Г. П. Федотов. – М., 2002.

Практическое занятие № 9 Бытовые повести XVII века

1. Демократизация литературы XVII века. Новый автор. Новый герой.
2. Тема поиска пути молодым поколением в «Повести о Горе-Злосчасти». Обобщенный образ героя. Связь с фольклором.
3. Проблема воспитания молодого поколения в «Повести о Савве Грудцыне». Тема двойничества. Традиции о новации в повести.
4. «Повесть о Фроле Скобееве» как плутовская новелла. Образ нового героя.
5. Проявление новой морали в «Повести о Карпе Сутулове».

Литература

1. *Кусков, В. В.* История древнерусской литературы / В. В. Кусков. – М.: Высш. школа, 2003.
2. Литература Древней Руси: Хрестоматия / Сост. Л. А. Дмитриев; Под ред. Д. С. Лихачева. – М.: Высш. школа, 1990.
3. *Лихачев, Д.С.* Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. – М., 1979.
4. *Черная, Л. А.* Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени / Л. А. Черная. – М., 1999.

Практическое занятие № 10 Демократическая сатира XVII века

1. Социальная направленность сатирических повестей. Обличение общественных и личных пороков в сатирических повестях.
2. Особенности образной системы «Повести о Ерше Ершовиче». Новации в области жанра, стиля и языка.
3. Фольклорная и книжные традиции в «Повести о Шемякином суде».
4. Обличение пороков духовенства в «Калязинской челобитной», «Повести о попе Саве» и «Сказании о куре и лисице».
5. Тематика и проблематика «Повести о бражнике» и «Службе кабаку». Особенности поэтики и стиля памятников.

Литература

1. *Гудзий, Н. К.* История древней русской литературы: Учебник / Н. К. Гудзий. Вступ. ст. и коммент. А. М. Ранчина. – М.: Аспект Пресс, 2003.
2. История русской литературы X - XVII веков / Под ред. Д. С. Лихачева. – М. – 2-е изд., 1985. – 378 с.
3. Литература Древней Руси: Хрестоматия / Сост. Л. А. Дмитриев; Под ред. Д. С. Лихачева. – М.: Высш. школа, 1990. – 544 с.
4. *Лихачев, Д.С.* Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. – М., 1979.

ВОПРОСЫ К ПРАКТИЧЕСКИМ ЗАНЯТИЯМ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА

Практическое занятие №1

Тема «Жизнь и литературная деятельность М. Ломоносова и Г. Державина»

1. Жизненный и творческий путь М. В. Ломоносова.
2. Реформа стихосложения М. В. Ломоносова.
3. Философские и эстетические взгляды М. В. Ломоносова («Разговор с Анакреоном»).
4. Утверждение идеала просвещенного монарха в одах М. В. Ломоносова («Ода на день восшествия на престол императрицы Елисаветы Петровны» 1774 года, 1750 и др.).
5. Научные и духовные оды М. В. Ломоносова.
6. Жизнь и литературная деятельность Г. Р. Державина.
7. Новаторство Г. Р. Державина в трактовке образа просвещенного монарха (ода «Фелица»).
8. Гражданская поэзия Г. Р. Державина («Вельможа», «Властителям и судьям»).
9. Философские оды Г. Р. Державина («На смерть князя Мещерского», «Бог», «Водопад»).

Сообщения:

1. **В. Г. Белинский о Ломоносове и Державине.**

2. Ода как жанр классицизма. Истоки жанра. Особенности русской классицистической оды.

3. Трактат Буало «Поэтическое искусство» как манифест классицизма.

Практическое занятие №2

Тема «Драматургия 60 – 90 г. XVIII века. Творчество Д. Фонвизина»

1. Драматургия 60 – 90 г. XVIII века (общая характеристика).
2. Жизненный и творческий путь Д. И. Фонвизина.
3. Разоблачение нравов дворянства в комедии Д. И. Фонвизина «Бригадир».
4. Обличение дворянской галломании в комедии Д. И. Фонвизина «Бригадир».
5. Традиции и новаторство комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль».
6. Образы помещиков-крепостников в комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль».
7. Тема воспитания и образования в комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль».
8. Образ Стародума как идеал гражданина. Обличительный характер речи героя.

Сообщения:

1. В. Г. Белинский о Д. Фонвизине.
2. Сравнительная характеристика принципов создания сатирических образов у Кантемира и Фонвизина.

Практическое занятие №3

Тема «Сентиментализм как литературное направление. Творчество Н. Карамзина»

1. Сентиментализм как литературное направление. Просветительский характер русского сентиментализма.
2. Особенности русского сентиментализма.
3. Творческий путь Н. М. Карамзина.
4. Психологизм повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза».
5. Предромантические повести Н. М. Карамзина.
6. Исторические повести Н. М. Карамзина.

Сообщения:

1. Особенности поэтики жанра сентиментальной повести в творчестве Н. Карамзина.
2. В. Г. Белинский о Н. Карамзине.

Практическое занятие №4

Тема «Жизнь и литературная деятельность А. Н. Радищева»

1. Жизнь и литературная деятельность А. Н. Радищева.
2. «Путешествие из Петербурга в Москву» как «энциклопедия русского Просвещения».

3. Идейный смысл, проблематика и художественное своеобразие произведения. Особенности жанра.
4. Образ путешественника в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева.
5. Обличение самодержавия в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева.
6. Образы купцов и чиновников в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева.
7. Образы помещиков в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева.
8. Образы крестьян в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева.
9. Проблема крестьянской революции в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева.

Сообщения:

1. «Бедная Анюта» А. Радищева и «Бедная Лиза» Н. Карамзина. Сходства и отличия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Учебники и учебные пособия

1. *Водовозов, Н. В.* История древней русской литературы: Учебник для педагогических институтов / Н. В. Водовозов. - М. – Изд. 3-е., 1972.
2. *Гудзий, Н. К.* История древней русской литературы: Учебник / Н. К. Гудзий. Вступ. ст. и коммент. А. М. Ранчина. – М.: Аспект Пресс, 2003.
3. Древняя русская литература. Хрестоматия / Сост. Н.И. Прокофьев. М., 1988.
4. *Еремин, И. П.* Лекции и статьи по истории древнерусской литературы / И. П. Еремин. – Л. – 2-е изд., дополн., 1987.
5. История русской литературы X - XVII веков / Под ред. Д. С. Лихачева. – М. – 2-е изд., 1985.
6. Истоки. Памятники древнерусской литературы / Сост. Т. А. Саламатова. – Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993.
7. *Истрин, В. М.* Очерк истории древнерусской словесности домосковского периода (XI - XIII вв.) / В. М. Истрин. – М. – Изд. 2-е., 2002.
8. *Кусков, В. В.* История древнерусской литературы / В. В. Кусков. – М.: Высш. школа, 2003.
9. Литература Древней Руси: Хрестоматия / Сост. Л. А. Дмитриев; Под ред. Д. С. Лихачева. – М.: Высш. школа, 1990.
10. *Лихачев, Д.С.* Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. – М., 1979.

11. *Пиккио Р.* История древнерусской литературы / Р. Пиккио. – М.: Кругъ, 2002.
12. Повести и сказания древней Руси / Ред. Д. С. Лихачев. – М.: Диля, 2001.
13. Словарь книжников и книжности Древней Руси: в 3 вып. / отв. ред. Д.С. Лихачев ; АН СССР ; ИРЛИ. – Л.: Наука, 1987-1989.
14. Слово древней Руси / Сост. О. В. Гладкова. – М.: Панорама, 2000.
15. *Сперанский, М. И.* История древней русской литературы / М. И. Сперанский. – СПб. – Изд. 4-е. , 2002.

Дополнительная литература

1. *Адрианова-Перетц, В. П.* Сюжетное повествование в житийных памятниках XI-XIII вв. / Истоки русской беллетристики. – Л., 1970.
2. *Булахов, М.Г.* «Слово о полку Игореве» в литературе, искусстве, науке / М. Г. Булахов. – Мн., 1989.
3. *Еремин, И. П.* Литература Древней Руси (Этюды и характеристики) / И. П. Еремин. – М., Л., 1966.
4. Из истории русской культуры. Том II. Книга 1. (Киевская и Московская Русь) / Сост. А. Ф. Литвинова, Ф. Б. Успенский. – М.: Языки славянской культуры, 2002.
5. *Зибров, В. К.* Русское летописание XI – XVIII веков / В. К. Зибров. – СПб: Филологич. фак. СПбГУ, 2002. – 512 с.
6. *Каравашкин, А. В.* Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский / А. В. Каравашкин. – М.: Прометей, 2000.
7. *Левшун, Л. В.* История восточнославянского книжного слова XI – XVII веков / Л. В. Левшун. – М.: Эконом пресс, 2001.
8. Литература Древней Руси: Библиографический словарь / Под ред. О. В. Творогова. – М.: Просвещение, 1996.
9. Литература и культура Древней Руси: Словарь-справочник / Сост. О. М. Анисимова, В. В. Кусков, М. П. Одесский и др. – М., 1994.
10. *Либан, Н. И.* Литература Древней Руси: Лекции-очерки / Н. И. Либан. – М., 2000.
11. *Лихачев, Д. С.* Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV – начало XV в.) / Д. С. Лихачев. – М.: АН СССР, 1962.
12. *Лихачев, Д.С.* Слово о полку Игореве и культура его времени / Д. С. Лихачев. – Л.: Худ.лит., 1985.
13. *Лихачев, Д.С.* Человек в литературе Древней Руси / Д. С. Лихачев; [отв.ред. С. О. Шмидт]; Археографическая комиссия РАН. – 3-е изд. – М.: Наука, 2006.
14. *Панченко, А. М.* Русская история и культура / А. М. Панченко. – СПб: Азбука, 2000.
15. *Панченко, А. М.* Русская стихотворная культура XVII века / А. М. Панченко. – Л., 1973.

16. *Плюханова, М. Б.* Сюжеты и символы Московского царства / М. Б. Плюханова. – М.: Акрополь, 1995.
17. *Робинсон, А.Н.* Борьба идей в русской литературе XII века / А. Н. Робинсон. – М., 1974.
18. *Рыбаков, Б. А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи / Б. А. Рыбаков. – М., 1963.
19. *Рыбаков, Б. А.* Петр Бориславич. Поиск автора «Слова о полку Игореве» / Б. А. Рыбаков. – М., 1991.
20. *Сазонова, Л. И.* Поэзия русского барокко / Л. И. Сазонова. – М., 1991.
21. *Синицын, С. В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV-XVI века) / С. В. Синицын. – М., 1998.
22. *Топоров, В. Н.* Святость и святые в русской духовной культуре / В. Н. Топоров. – Т. 1. – М. 1995.
23. *Топоров, В. Н.* Святость и святые в русской духовной культуре / В. Н. Топоров. – Т. 2. – М. 1998.
24. *Федотов, Г. П.* Святые Древней Руси / Г. П. Федотов. – М., 2002.
25. *Черная, Л. А.* Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени / Л. А. Черная. – М., 1999.
26. *Шахматов, А. А.* Разыскания о русских летописях / А. А. Шахматов. – М.: Академ. проект, 2001.
27. *Шенк, Ф. Б.* Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой / Ф. Б. Шенк. – М.: Historica Rossica, 2007.
28. *Юрганов, А. Л.* Категории русской средневековой культуры / А. Л. Юрганов. – М.: МИРОС, 1999.

Электронные ресурсы

1. Каталог «Литература и культура средневековой Руси»: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=2532548>.
2. Древнерусская литература. Антология. Историко-литературный сайт: <http://old-ru.ru/>.
3. Древняя Русь - Россия. Русская история, древнерусская литература: <http://www.bibliotekar.ru/rus/>.
4. Древнерусская литература: http://lib.rus.ec/g/antique_russian.
5. Исследования по древнерусской литературе: <http://www.lhachev.ru/nauka/literatura/biblio/3858/>.

Литература по разделу «История русской литературы 18 века»:

1. Русская литература XVIII века: Словарь-справочник / Под ред. В. И. Федорова. М., 1997.
2. Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. Л., 1988.
3. Берков П. Н. История русской комедии XVIII века. Л., 1977.
4. Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века. М., 1999.

5. Канунова Ф. З. Из истории русской повести: Историко-литературное значение повестей Н. М. Карамзина. Томск, 1967.
6. Кочеткова Н.Д. Литература русского сентиментализма: Эстетические и художественные искания. Л., 1994.
7. Кузнецов Г. Б. Творческий путь М. Ломоносова. М., 1961.
8. Лотман Ю. М. Карамзин. СПб, 1997.
9. Лотман Ю. М. Ломоносов, Радищев. Карамзин // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста. СПб, 1997.
10. Москвичева Г. В. Русский классицизм. Л., 1978.
11. Орлов П. А. Русский сентиментализм. М., 1977.
12. Тарановский К. Из истории русского стиха XVIII века. Одическая строфа в поэзии Ломоносова// Тарановский К. О поэзии и поэтике. М., 2000.
13. Топоров В. Н. «Бедная Лиза» Карамзина: Опыт прочтения. М., 1995.
14. Тынянов Ю. Н. Ода как ораторский жанр// Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
15. Светлов Л. Б. Радищев. М., 1958.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ПРОМЕЖУТОЧНОГО И ИТОГОВОГО КОНТРОЛЯ

Тест 1.

Определите название произведения и автора (по возможности) по нижеприведенным цитатам:

1	Так же и эти славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие - древлянами сели в лесах, а другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели назвались полочанами, по речке, впадающей в Двину, именуемой Полота, от нее и назвались же славяне, которые сели около озера Ильменя, назывались своим именем - славянами, и по и назвали его Новгородом. А другие сели по Десне, и по Сейму, и по Суле, и назвались с так разошелся славянский народ, а по его имени и грамота назвалась славянской.
31	Бражникъ начя у вратъ рая толкаться. И приде ко вратомъ царь Соломонъ: «Кто есть толкаецца у вратъ рая?» — Азь есть бражникъ, хошу с вами в раю быти». Рече царь: «Бражникомъ здѣ не входимо!» Бражникъ рече: «Кто еси ты? Глас твой сълышу, а имени твоего не вѣмъ». — «Азь есмь царь Соломонъ». Отвещавъ бражникъ: «Ты еси Соломонъ! Егда ты был во адѣ, и тебя хотѣлъ господь богъ оставити во адѣ, и ты возопиль: «Господи боже мои, да вознесетца рука твоя, не забуди убогихъ своихъ до конца! А се еще жены послушалъ, идоломъ поклонился, оставя бога жива, и четьредесять лѣтъ работал еси имъ! А я, бражникъ, никому не поклонился, кромѣ господа бога своего. О чемъ ты в рай вшелъ?» И царь Соломонъ отиде посрамленъ.
32	Рождение же мое в нижегородских пределах, за Кудмою рекою, в селе Григорове. Отец ми бы Петр, мати — Мария, инока Марфа. Отец же мой прилежаше пития хмельнова; мати же м молитвенница бысть, всегда учаше мя страху божию. Аз же некогда виде у соседа скотину нощи, восставше, пред образом плакався довольно о душе своей, поминая смерть, яко и м тех мест обыкох по вся нощи молиться. Потом мати моя овдовела, а я осиротел мол соплеменник во изгнании быхом. Изволила мати меня женить. Аз же пресвятей богородиц даст ми жену помощницу ко спасению. И в том же селе девица, сиротина ж, беспрестанно об церковь, — имя ей Анастасия. Отец ея был кузнец, именем Марко, богат гораздо; а егда умре

	<p>истошилось. Она же в скудости живяше и моляшеся богу, да же [17] сочетается за меня с брачным; и бысть по воли божии тако. Посем мати моя отыде к богу в подвизе велице. Аз же переселихся во ино место. Рукоположен во диаконы двадесяти лет с годом, и по дву поставлен; живый в попех осмь лет, и потом совершен в протопопы православными епископами двадесеть лет минуло; и всего тридесять лет, как имею священство.</p>
2	<p>Когда мы были слепы и истинного света не видели, но во лжи идольской блуждали, к тому же были глухи к спасительному учению, помиловал нас Бог, и воссиял в нас свет разума, чтобы познать Его, по пророчеству: "Тогда отверзнутся очи слепых и уши глухих услышат". И когда мы претыкались на путях погибели, последуя бесам, и пути, ведущего к жизни, не ведали, тому же бормотали языками нашими, молясь идолам, а не Богу своему и Творцу, - посетил нас человеколюбие Божие. И уже не последуем бесам, но ясно славим Христа, Бога нашего, по пророчеству: "Тогда вскочит, как олень, хромой, и ясен будет язык гугнивых". И когда мы были подобны зверям и скотам, не разумели, (где) десница, (где) шуйца, и земном прилежали, и нимало о небесном не заботились, послал Господь и нам заповеди, ведущие Жизнь Вечную, по пророчеству Осии: "И будет в день оный, говорит Господь, завещаю и Завет с птицами небесными и зверьми земными, и скажу не Моему народу: "вы Мой народ", он скажет Мне: "Ты Господь Бог наш!". И так, будучи чуждыми, мы людьми Божиим нарекались и, бывшие врагами, мы сынами Его прозывались. И не хулим по-иудейски, но по христиански благословляем, и не собираем совет, чтобы распять (Его), но чтобы Распятому поклониться. Не распинаем Спасителя, но руки к Нему воздеваем. Не прободаем ребр, но они источник нетления. Не тридцать сребреников наживаем на Нем, но друг друга и весь живот наш Ему предаем. Не таим Воскресения, но во всех домах своих возглашаем: <i>Христос воскрес из мертвых!</i></p>
3	<p>И соединились они телами, а сверх того и душами, пребывая у Владыки, Царя всех, радости бесконечной, в свете неизреченном и подавая дары исцеления Русской земле и всех приходящих с верою из иных стран исцеляя: хромым давая ходить, слепым давая прозрение, болящим выздоровление, закованным освобождение, темницам отвержение, печальным утешение, гонимым избавление. Заступники они за Русскую землю, светильники сияющие и вечно молящиеся Владыке о своих людях. Вот почему и мы должны достойно восхвалять страстотерпцев этих Христовых, прилежно молясь им со словами: "Радуйтесь, страстотерпцы Христовы, заступники Русской земли, подающие исцеление приходящим к вам с верою и любовью. Радуйтесь, небесные обитатели, были вы ангелами во плоти, единомысленными служителями Богу, единообразной четой святым единокорной; поэтому и подаете вы исцеление всем страждущим.</p>
4	<p>Если вам бог смягчит сердце, пролейте слезы о грехах своих, говоря: «Как блудницу разбойника и мытаря помиловал ты, так и нас, грешных, помилуй». И в церкви то делайте то же: ложась. Не пропускайте ни одной ночи, — если можете, поклонитесь до земли; если вам занеможется, то трижды. Не забывайте этого, не ленитесь, ибо тем ночным поклоном молитвой человек побеждает дьявола, и что нагрешит за день, то этим человек избавляется. Если и на коне едучи не будет у вас никакого дела и если других молитв не умеете сказать, то «господи помилуй» взывайте беспрестанно втайне, ибо эта молитва всех лучше, — нежели думать безлепицу, ездя.</p>
5	<p>Яко же и властелинъ града того, видевъ отрока въ такомъ съмерении и покорении суща, възлюби и зело и повеле же ему, да пребываетъ у него въ църкѣви, въдасть же ему и одежу светящую, да ходитъ въ ней. Блаженны же Феодосии пребысть въ ней ходя мало дньи, яко некую тяжесть на себе нося, тако пребываше. Таче съньмъ ю, отдасть ю нищимъ, самъ же въ худыя пърты обълкъся, ти тако хожаше. Властелинъ же, видевы и тако ходяща, и паки ии въздасть одежу, вящщю първыя, моля и, да ходитъ въ ней. Онъ же съньмъ и ту отьда. Сиче же многашьды сътвори, яко же судии то уведевъшю, большимъ начатъ любити и, чюдяся</p>

	<p>смирению его. По сих же божествыни Феодосии шедь къ единому от кузньць, повеле ем железо съчепито съковати, иже и възьмь и препоясая имь въ чресла своя, и тако хожаше. Железу же узьку сущю и грызущюся въ тело его, онъ же пребываше, яко ничсо же скърбна о него приемля телу своему.</p>
6	<p>От Царьграда по заливу иди триста верст до Средиземного моря, до лимана Петали на острове Мармара сто верст. Это первый остров на Мраморном морс. Здесь добрый лиман город Эрекли, где миро выходит из глубины морской и многие святые мученики были потоплены мучителями. От Петали до Галлиполи сто верст, а от Галлиполи до города Абидос восемьдесят верст. Против этого города покоится прах святого Евфимия нового. Оттуда до острова Крита двадцать верст, тут выход на Средиземное море, налево путь в Иерусалим направо на Афон, к Селуню и к Риму. От Крита до острова Тенедос тридцать верст. Это первый остров в Средиземном море на пути, здесь покоится прах святого мученика Авудима.</p>
7	<p>А в другом месте святая увидела мужа, подвешенного за ноги и за руки с четырех сторон, зрая концы ногтей его. Он сильно исходил кровью, а язык его от огненного пламени скрутился, и не мог он ни вздохнуть, ни сказать: «Господи, помилуй меня». Глядя на него, пресвятая богородица сказала: «Господи, помилуй» — трижды — и сотворила молитву. К ней подошел ангел, владеющий муками, чтобы освободить этому человеку язык. И спросила его святая: «Кто этот бедный человек, который так мучается?» И сказал ангел: «Это эконом и служитель церкви, он не волю божию творил, но продавал сосуды и церковную утварь и говорил: «Кто работает в церкви, тот от церкви и питается», поэтому он и мучается здесь». И сказала святая: «Что заслужил, то и получает». И ангел снова связал ему язык.</p>
8	<p>На седьмом веке Трояни врьже Всеслав жребий о девицу себе любу. Той клюками подпрься оконися и скочи к граду Киеву, и дотчеша стружием злата стола Киевскаго. Скочи от него лютым зверем в полночи из Белаграда, обесися сине мъгле; утръ же возни стрикусы, отворив врата Новуграду, разшибе славу Ярославу, скочи волком до Немиги с Дудуток. На Немиз снопы стелют головами, молотят чеши харалужными, на тоце живот кладут, веют душу о тела. Немизе кровави бреже не бологом бяхуть посеяни - посеяни костью руских сынов. Всеслав князь людем судяше, князем грады рядяше, а сам в ночь волком рыскаше; из Киев дорискаше до кур Тмутороканя, великому Хорсови волком путь прерыскаше. Тому в Полотске позвониша заутреню рано у святых Софеи в колоколы, а он в Киеве звон слыша. Аще и вещь душа в дерзе теле, но часто беды страдаше. Тому вещей Боян и первое припевку, смысленый рече: "Ни хытру, ни горазду, ни пытьцю горазду суда божиа не минути".</p>
9	<p>Гусли ведь настраиваются перстами, а тело крепится жилами; дуб силен множеством корней так и град наш — твоим управлением. Ибо щедрый князь — отец многим слугам: многие ведь оставляют отца и мать и к нему приходят. Хорошему господину служба, дослужиться к свободе, а злому господину служба, дослужиться еще большего рабства. Ибо щедрый князь — как река текущая без берегов через дубравы, поит не только людей, но и зверей; а скупой князь — как река в берегах, а берега каменные: нельзя ни самому напиться, ни коня напоить. Боярин щедрый — как колодезь с пресной водой при дороге: многих напавает; а боярин скупой — как колодезь соленый.</p>
10	<p>Два брата беста по духу, Евагрий диакон, Тит же поп. Имяста же любовь велику нелицемерну межи собою, яко всемъ дивитися единоумию их и безмерней любви. Ненавидя же добра диавол; иже всегда рыкаеть, яко лев, ища кого поглотити, и сътвори им вражду. И такоу ненависть вложи има, яко в лице не хотяху видети друг друга и уклоняхуся друг от друга. Многажды братиа моливше ею, еже смиритися има межи собою, они же ни слышати хотяху. Егда же стояше Евагрий в церкви, идущу Титови с кадилем, отбегаше Евагрий фимиана; егда же ли не бегаше, то премиковаше его Тит, не покадив. И пребыста много время в мраце греховнемъ; Тит убо служаше, прощения не възьма, Евагрий же комкаше гневаася. На се врагъ въоружившу их.</p>

11	<p>Это зло сотворилось от татар месяца июня в 16 день, в лето 1223. Дошли татары до Новгород Святнопольческого. Люди, не знавшие коварства татар, выходили им навстречу с крестами. Они же убивали всех.. Бог, ожидая покаяния христиан, обратил татар вспять на земли Таногтскую и иные страны. Тогда же и Чингисхан их убит был. Это за грехи наши бог вложил недоумение в нас, и погибло без числа много людей. И был вопль, и воздыхание, и печаль по всем городам и по волостям. Об этих же злых татарах не знаем, откуда они пришли на нас, куда опять делись, только бог весть.</p>
12	<p>И стал разбирать князь Ингварь Ингваревич тела мертвых, и взял тела братьев своих великого князя Юрия Ингваревича, и князя Давыда Ингваревича Муромского, и князя Глеба Ингваревича Коломенского, и других князей местных - своих сродников, и многих бояр, воевод, и ближних, знаемых ему, и принес их во град Рязань, и похоронил их с честью, а тела других тут же на пустой земле собрал и надгробное отпевание совершил. И, похоронив так, пошел князь Ингварь Ингваревич ко граду Пронску, и собрал рассеченные части тела брата своего благоверного и христоролюбивого князя Олега Ингваревича, и повелел нести их во град Рязань, а честную главу его сам князь великий Ингварь Ингваревич до града понес, и целовал ее любезно, и положил его с великим князем Юрием Ингваревичем в одном гробу. А братьев своих, князя Давыда Ингваревича да князя Глеба Ингваревича, положил в одном гробу близ могилы тех. Потом пошел князь Ингварь Ингваревич на реку на Воронеж, где убит был князь Федор Юрьевич Рязанский, и взял тело честное его, и плакал над ним долгое время. И принес в область его к иконе великого чудотворца Николы Корсунского, и похоронил его вместе благоверной княгиней Евпраксией и сыном их князем Иваном Федоровичем Постником в едином месте. И поставил над ними кресты каменные. И по той причине зовется великий чудотворца Николы икона Заразской, что благоверная княгиня Евпраксия с сыном своим князем Иваном сама себя на том месте "заразила" (разбила).</p>
13	<p>Егда прииде князь Александръ Ярославичъ ко граду Пскову, и сретоша его со кресты игумены и попове въ ризахъ, народъ многъ предъ градомъ, подавающе хвалу богови, поюще пѣснь славу государю, великому князю Александру Ярославичю: «Пособивый, господи, кротком Давиду победити иноплеменники и вѣрному князю нашему Александру оружиемъ крестнымъ свободити градъ Псковъ отъ иноязычныхъ рукою Александровою». О невѣгласи плесковичи аще забудете князя Александра и мужи новгородцовъ и до правнучатъ Александровыхъ уподобитесь жыдовомъ, ихъ же господь препитѣ въ пустыни манною и крастельми печеными, сихъ всѣхъ забыша бога своего, изведшаго ихъ отъ работы изъ Египта. И начаша слышати имъ великаго князя Александра Ярославича по всѣмъ странамъ и до моря Египетского и до горъ Аравитскихъ обону страну Варяжскаго и до Рима.</p>
14	<p>Помышляли же про себя Олег Рязанский и Ольгерд Литовский, говоря так: "Когда услышишь князь Димитрий о приходе царя, и о ярости его, и о нашем союзе с ним, то убежит из Москвы в Великий Новгород, или на Белоозеро, или на Двину, а мы сядем в Москве и в Коломне. Когда же царь придет, мы его с большими дарами встретим и с великою честью, и умолим его, возвратится царь в свои владения, а мы княжество Московское по царскому велению разделим меж собою - то к Вильне, а то к Рязани, и даст нам царь Мамай ярлыки свои и потомка нашим после нас". Не ведали ведь, что замышляют и что говорят, как несмышленные малы дети, не ведающие божьей силы и господнего предначертания. Ибо воистину сказано: "Если кто к богу веру с добрыми делами и правду в сердце держит и на бога уповаует, то таково человека господь не предаст врагам в уничижение и на осмеянье".</p>
15	<p>Запели птицы жалостные песни - запричитали все княгини и боярыни и все воеводские жены по убитым. Жена Микулы Васильевича Марья рано поутру плакала на забралах сте</p>

	<p>московских, так причитая: "О Дон, Дон, быстрая река, прорыла ты каменные горы и течешь землю Половецкую. Принеси на своих волнах моего господина Микулу Васильевича ко мне! И жена Тимофея Волуевича Федосья тоже плакала, так причитая: "Вот уже веселие мое поникло в славном городе Москве, и уже не увижу я своего государя Тимофея Волуевича живым!" А Андреева жена Марья да Михайлова жена Аксинья на рассвете причитали: "Вот уже для нас обоих солнце померкло в славном городе Москве, домчались к нам с быстрого Дона горестные вести, неся великую печаль: повержены наши удалыцы с борзых коней на суженом месте на поле Куликовом, на речке Непрядве!"</p>
16	<p>Сиде убо сий злый влхв, чародеевый кудесник, зело взгрдевся, на раба Божия и на Бога хулный глаголы впуская, укаряше и унижаше веру христианскую, и проповедь евангельскую похуляше, и людем с гневом глаголаше: Аз вашего дидаскала Стефана не боюся супротивленья и суесловья и сущих в нем ученик его. И един аз на всех вооружаюсь. Ни во что же ми суть яже от тех глаголемая, аще и мнятся мудри быти. Аз же мню, яко борз низложу я: якоже колеблемо листви и ветром трясомо, тако низпадут. Не могут бо стати предо мною, ниже пред лицом моим прити не стерпят, но яко воск противу пламени велики приближився, и истает, нежели словесы сопретися со мною смеють на гаданья, пренья, и истязанья.</p>
17	<p>В то время Варфоломей хотел принять пострижение монашеское. И призвал он к себе пустыньку священника, игумена саном. Игумен постриг его месяца октября в седьмой день, на память святых мучеников Сергия и Вакха. И дано было имя ему в монашестве Сергий. Он был первым иноком, постриженным в той церкви и в той пустыни. Порой его смущали демонские козни и ужасы, а иногда зверей нападения, - ведь много зверей в этой пустыни тогда жило. Некоторые из них стаями выли и с ревом проходили, а другие не вместе, но по два или по три или один за другим мимо проходили; некоторые из них вдалеке стояли, а другие близко подходили к блаженному и окружали его, и даже обнюхивали его.</p>
18	<p>И тут есть Индийская страна, и люди ходят все наги, а голова не покрыта, а груди голы, а волосы в одну косу заплетены, а все ходят брюхаты, а дети рождаются на всякий год, а детей у них много. А мужики и жонки все наги, а все черны. Яз куды хожу, ино за мною людей много, а дивуются белому человеку. А князь их - фота на голове, а другая на гузне; а бояре у них - фота на плеще, а другая на гузне, княини ходят фота на плеще обогнута, а другая на гузне. А слуги княжие и боярские - фота на гузне обогнута, да щит, да меч в руках, а иные с сулицами, а иные с ножи, а иные с саблями, а иные с луки и стрелами; а все наги, да босы, да болкаты, а волосы не бреют. А жонки ходят голова не покрыта, а сосцы голы; а паропки да девочки ходят наги до семи лет, сором не покрыт.</p>
19	<p>Нашли гроб её наверху земли цел и не поврежден. И недоумевали, чей он, ибо многие годы не погребали тут никого. Женщины же... открыли гроб её и увидели, что он полон миром благовонного... Мы же, услышав о том, изумились и, открыв гроб, увидели всё так, как женщины говорили... Наполнили малый сосуд мы тем миром и отвезли в город Муром соборную церковь. И если смотреть миром днём, то словно квас свекольный, а к ночи сгущается, как масло багряновидное. Тела же её... не смели мы всего осмотреть, только видели ноги её и бёдра - невредимые... В ту ночь многие слышали в церкви звон. И, думая, что пожар, прибежав, ничего не увидели, только благоухание вокруг исходило. И многие о том слышали, приходили и мазали себя миром и облегчение от разных болезней получали. Когда же было роздано миром, начала выходить около гроба пыль, подобная песку. И до сего дня приходят сюда больные недугами разными и натираются этим песком и облегчение находят.</p>
20	<p>И мы не запираемся, что ты у нас в приближение был; и ради приближения твоего тысячи двести рублей дадим, а до сих пор такие и по пятьдесят рублей бывали, а ста тысяч выкупа ни за кого, кроме государей, не берут, и не дают такого выкупа ни за кого, кроме государей. А если бы ты...</p>

	<p>объявил себя маленьким человеком, то за тебя бы в обмен Дивея не просили. Про Дивея хот хан и говорит, что он человек маленький, да не хочет взять за тебя ста тысяч рублей вместе Дивея: Дивей ему ста тысяч рублей дороже; за сына Дивеева он дочь свою выдал; а нагайский князь и мурзы - все ему братья</p>
21	<p>Увы мне, грешному! Горе мне, окаянному! Ох мне, скверному! Кто я такой, чтобы покушаться на такое величие? Молю вас, господа и отцы, ради Бога, откажитесь от этого замысла. Я братом вашим называться недостойн, но считайте меня, по евангельскому завету, одним из ваших наемников. И поэтому, припадая к вашим святым ногам, умоляю, ради Бога, откажитесь от этого замысла. Сказано ведь в Писании: "свет инокам - ангелы, свет мирянам - иноки". Так подобает вам, нашим государям, нас, заблудившихся во тьме гордости находящихся в смертной обители обманчивого тщеславия, чревоугодия и невоздержания просвещать. А я, пес смердящий, кого могу учить и чему наставлять и чем просветить? Сам вечно в пьянстве, блуде, прелюбодеянии, скверне, убийствах, грабежах, хищениях ненависти, во всяком злодействе, как говорит великий апостол Павел: "Ты уверен, что ты путеводитель слепым, свет для находящихся во тьме, наставник невеждам, учитель младенцам, имеющий в законе образец знания и истины: как же, уча другого, не учишь себя самого? Проповедуя не красть, крадешь? Говоря "не прелюбодействуй", прелюбодействуешь; гнушаясь идолов, святотатствуешь; хвалишься законом, а нарушением его досаждаешь Богу? И опять тот же великий апостол говорит: "Как, проповедуя другим, сам останусь недостойным?"</p>
22	<p>Юноша же той не разуме глагол ея, дивляшеся, зря и слыша вещь подобну чудеси, и глагола девицы: "Внидох к тебе, зря ты делающу и видех заець пред тобою скача и слышу ото остр твою ²⁹ глаголы странны некаки и сего не вем, что глаголеши. Первые бо рече: "нелепо ест быти дому безо ушю и храму безо очю". Про отца же своего и матерь рече, яко "идоша заим плакати, брата же своего глаголя "чрез ноги в нави зрети", и ни единого слова от теб разумех!" Она же глагола ему: "Сего ли не разумеши, прииде в дом сии и в храмину мою вниде и видев мя сидящу в простоте? Аще бы был в дому наю пес и чюв ты к дому приходяща лалял бы на тя: се бо есть дому уши. И аще бы было в храмине моеи отроча и видев ты в храмине приходяща, сказало бы ми: се бо есть храму очи. А еже сказах ти про отца и матерь про брата, яко отець мой и мати моя идоша в заем плакати - шли бо суть на погребени мертваго и тамо плачют. Егда же по них смерть приидет, инии по них учнуть плакати: се ест заимованный плач. Про брата же ти глаголах, яко отець мой и брат древолазцы суть, в лесе б мед от древиа вземлют. Брат же мой ныне на таково дело иде и яко же лести на древо высоту, чрез ноги зрети к земли, мысля, абы не урватися с высоты. Аще ли кто урвется, се живота гонзнет ³⁰; сего ради рех, яко идет чрез ноги в нави зрети.</p>
23	<p>И заплакала горько мать его родимая и в слезах говорит ему слово жалостное: «Дитя мое сыночек, князь Михаил Васильевич! Почему ты так рано и быстро со званого пира уехал? Или твой богоданный крестный сын принял крещение без радости? Или тебе в пиру место было не по отчеству? Или тебе кум и кума подарки дарили не почестные? А кто тебя на пиру честн упоил честным питьем? С этого питья тебе вовек теперь будет не проспаться! Сколько раз тебе, дитятко, в Александрову слободу наказывала: не ездь в город Москву, опасны в Москве звери лютые, пышут ядом змеиным, изменническим».</p>
24	<p>нача, и живши она без мужа своего многое время, и та ко издержала денги остатки. И минувши уже тому 3 года, какъ поедет мужъ мой, она же шеть ко другу мужа своего, ко Афанасию Бердову, и рече ему: «Господине другу моему, друже мужа, мужа моего! Дажь ми сто рублев денегъ до мужа. А муж мой Карпъ, когда поехал на куплю свою и наказал,— наказал: «Егда до меня не станеть денегъ на потребу на что купити, и ты пойдь моимъ словомъ к</p>

	<p>другу моему, ко Афанасию Бердову, и возми у него на потребу себѣ брашна денегъ сто рублевъ». И ты же нынѣ пожалуй мнѣ на потребу на брашна денегъ сто рублевъ до мужа моего. Егда мужъ мой приедет от купли своей, и тогда все тебѣ отдасть». Онъ же на ню зр очима своима и на красоту лица ея велми прилежно, и разжигая к ней плотию своею, глаголаша к ней плотию своею: «Азь дамъ тебѣ на брашна денегъ сто рублевъ, толко лягъ со мною на ночь». Она же о том словеси велми засумневашася и не ведаеть, что отвещати, и рече ему: «Азь не могу того сотворити без повеления отца своего духовнаго»; и рече ему: «Иду вопрошу отца своего духовнаго, что ми повелитъ, то и сотворю с тобою».</p>
25	<p>И судии спрашивали у Ерша: «Скажи, Ершь, есть ли у тебя на то Ростовское озеро пути данные и какие крепости?» И Ершь так говорил: «Господа, скажу я вам, были у меня пути данные и всякие крепости на то Ростовское озеро. И грех ради моих в прошлых, господа моих годех то Ростовское озеро горело с Ыльина дни да до Семеня дни летоначатъца, а гатить был в тое поры нечем, потому что старая солома придержалася, а новая солома в тое пору не поспела. Пути у меня и данные згорели».</p>
26	<p>Да в прошлом, государь, годе весна была красна, пенка росла толста. И мы, богомольцы твои радев дому святому, меж собою присоветовали, что ис тое пенки свить веревки долги да толсты, чем ис погребов ночью бочки с пивом волочить да по крылоским кельям возить, а келей бы двери завалить, чтоб будильника не пустить, не мешали б нам пива пить, а к церкви нам не ходить. А как мы пиво допьем, так и к церкви скоро пойдём. И он, архимарит догадался, нашего челобитья убоялся, приказал пенку в веревки свивать да вчетверо загибать да на короткие палки навязать, а велел их шелепами называть, а слугам приказал высоко подымать, а на нас, богомольцев твоих, тяжело опущать, а сам, стоя, конархает и нам богомольцам твоим, лежа, и кричать не поспеть, потому что за плечми телу нужно, а по шелепами лежать душно. И мы, богомольцы твои, от тое его, архимаритовы, налоги поневоле в церковь ходим и по книгам чтем и поем. И за то он нам ясти не дает, а заутреню и обедню не едчи поем, и от тое мы изморы скоро помрем.</p>
27	<p>И приидоша оба до некоего села, не доходя до города. Богатый прииде начевати к попу того села, понеже ему знаем. Убогий же прииде к тому же попу и, пришед, ляже у него на полати. А богатый нача погибель сказывать своей лошади, чего ради в город идет. И потом нача попу богатым ужинати, убогова же не позовут к себе ясти. Убогий же нача с полатей смотрети, что поп з братом его ест, и урвася с полатей на зыпку и удави попова сына до смерти. Поп также поезде з братом в город бити челом на убогова о смерти сына своего.</p>
28	<p>Государи вы, люди добрыя, скажите и научите, как мне жить на чужей стороне, в чужих людех и как залести мне милых друзей?" Говорят молотцу люди добрыя: "Доброй еси ты и разумный молодец, не буди ты спесив на чужей стороне, покорися ты другу и недругу, поклонися стару и молоду, а чужих ты дел не объявляй, а что слышышь или видишь, не сказывай, не лсти ты межъ други и недруги, не имей ты упатки вилавья не вейся змиєю лукавою, смирение ко всем имей!</p>
29	<p>И случится по некоторому времени тому столнику Нардину-Нащекину ехать в гости з женою своею. И приказывает дочери своей: «Ежели пришет по тебя из Москвы сестра корету и</p>

	возниками, то ты поезжай к ней». А сам поехал в гости. И Аннушка просила мамки своей, ка можно, пошла Фролу Скобееву и сказала ему, чтоб он, какъ можно, выпросил корету и возниками и приехал сам к ней и сказался, бутто от сестры столника Нардина-Нашекин приехал по Аннушку из Девичьева монастыря. И та мамка пошла ко Фролу Скобееву и сказал ему все по приказу ея.
30	Той же Бажен Второй стар сый, и имея у себя жену, третиим браком новоприведенную, девою пояту сущу. Ненавидя же добра роду человеку супостат диавол, виде мужа тог добродетельное житие и хотя возмутити дом его, абие уязвляет жену его на юношу онаго скверному смешению блуда и непрестанно уловляше юношу онаго лстивыми словесы падению блудному. Вестъ бо женское естество уловляти умы младых к любодеянию. И так той Савва лестию жены тоя, паче же рещи от зависти диаволи, запят бысть, падеся в сет любодеяния с женою оною и ненасытно творяше блуд и безвременно во оном скверном дел пребывая с нею. И ниже бо воскресения день, ниже праздники помняше, но забывши стра Божий и час смертный, всегда бо в кале блуда яко свиния валяюшеся. И в таковом ненасытно блужении многое время яко скот пребывая.

Тест 2. Определите название и автора произведений по нижеприведенным цитатам:

<p>1. «Амур, Амур, веселий бог! За что ко мне суров и строг? Давно ли все меня искали? Давно ли все меня ласкали? В победах я вела часы, Могла пленять, любить по воле; За что теперь в несчастной доле? К чему полезны мне красы? Беднейшая в полях пастушка Себе имеет пастуха: Одна лишь я не с кем не дружка Не быв дурна, не быв лиха! Одной ли мне любить зазорно? Но если счастье толь упорно И так судили небеса, То лучше мне идти в леса, Оставить всех людей отныне И кончить слезу жизнь в пустыне!»</p>
<p>2. Лишь в дом я только вшел, нашел жену без кос, А матушку прошиб от ужаса понос: Она без памяти в избушке пребывала И с печи в дымовник, как галочка, зевала, Перебирая всех по памяти святых: Всех пятниц, семика, сочельников честных, Чтобы обоих нас в сраженьи сохранили И целых к ней домой с Илюхой возвратили; Однако ж по ее не сталося сие: Отгрызли ухо прочь у дитятка ее, А с нею и сего рок пуший совершился:</p>

Лишь только вошел я в дом, безмерно утрашился,
Увидя мать мою лежащую в кути;
Она, увидевши меня, ворчит: «Прости,
Прости, мое дитя, я с светом расстаюся», —
Она сие ворчит, а я слезами льюся.
Приходит мой и брат с войны окровавлен,
Смерть матерня и вой обеих наших жен
Ко жалости сердца и наши преклонили;
Крепились мы, но ах! и мы, как бабы, взвыли;
Уж тело старое оставила душа,
А тело без души не стоит ни гроша,
Хотя б она была еще и не старуха;
Я плачу, плачет брат, но тот уже без уха.
И трудно было всем узнать его печаль,
Старухи ли ему, иль уха больше жаль;
Потеря наша нам казалась невозвратна,
Притом и мертвая старуха неприятна.

3. Восходящее солнце озарило первыми лучами своими на лобном месте посадницу, окруженную народом. Она держала за руку ирослава и говорила: "Народ! Сей витязь есть небесный дар Великому граду. Его рождение скрывается во мраке таинства, но благословение всевышнего явно ознаменовало юношу. Чем небо отличает своих избранных, когда сей вид геройский, сие чело гордое, сей взор огненный не есть печать любви его? Он питомец отечества, и сердце его сильно бьется при имени свободы. Вам известны подвиги Мирославской храбрости... (Марфа с жаром и красноречием описала их.) Сograждане! - сказала она в заключение. - Кого более всех должен ненавидеть князь московский, тому более всех вы можете верить: _я признаю Мирослава достойным вождем новгородским_!.. Самая цветущая молодость его вселяет в меня надежду: счастье ласкает юность!.." Народ поднял вверх руки: Мирослав был избран!.. "Да здравствует юный вождь сил новгородских!" - восклицали граждане, и юноша с величественным смирением преклонил голову. Бояре и люди житые осенили его своими знаменами.

4. Чтобы облегчить немного груз моей памяти, намерен я сообщить любезным читателям одну былль или историю, слышанную мною в области теней, в царстве воображения, от бабушки моего дедушки, которая в свое время почиталась весьма красноречивою и почти всякий вечер сказывала сказки царице NN. Только страшусь обезобразить повесть ее; боюсь, чтобы старушка не примчалась на облаке с того света и не наказала меня клюкою своею за худое риторство... Ах нет! Прости безрассудность мою, великодушная тень, - ты неудобна, к такому делу! В самой земной жизни своей была ты смирна и незлобна, как юная овечка; рука твоя не умертвила здесь ни комара, ни мушки, и бабочка всегда покойно отдыхала на носу твоём: итак, возможно ли, чтобы теперь, когда ты плаваешь в море неопisanного блаженства и дышишь чистейшим эфиром неба, - возможно ли, чтобы рука твоя поднялась на твоего покорного праправнука? Нет! Ты позволишь ему беспрепятственно упражняться в похвальном ремесле мараить бумагу, взводить небылицы на живых и мертвых, испытывать терпение своих читателей и, наконец, подобно вечно зевающему богу Морфею, низвергать их на мягкие диваны и погружать в глубокий сон...

5. Я оборотился назад, но мальчик, провожатый мой, скрылся. Ворота хлопнули за нами, мост загредел и поднялся. Через обширный двор, заросший кустарником, крапивою и полынью, пришли мы к огромному дому, в котором светился огонь. Высокий перистиль в древнем вкусе вел к железному крыльцу, которого ступени звучали под ногами нашими. Везде было мрачно и пусто. В первой зале, окруженной внутри готическою колоннадою,

висела лампада и едва-едва изливала бледный свет па ряды позлащенных столпов, которые от древности начинали разрушаться; в одном месте лежали части карниза, в другом отломки пиластров, в третьем целые упавшие колонны. Путеводитель мой несколько раз взглядывал на меня пронизательными глазами, но не говорил ни слова. Все сие сделало в сердце моем странное впечатление, смешанное отчасти с ужасом, отчасти с тайным неизъяснимым удовольствием или, лучше сказать, с приятным ожиданием чего-то чрезвычайного.

6. Все радовались в Эльвирином замке, все готовились к брачному торжеству. Ее родственники любили меня - Андалузия долженствовала быть вторым моим отечеством! Уже розы и лилии на алтаре благоухали, и я приблизился к оному с прелестною Эльвирую, с восторгом в душе, с сладким трепетом в сердце, уже священник готовился утвердить союз наш своим благословением - как вдруг явился незнакомец, в черной одежде, с бледным лицом, с мрачным видом; кинжал блистал в руке его. Вероломная! - сказал он Эльвире. - Ты клялась быть вечно моею и забыла свою клятву! Я клялся любить тебя до гроба: умираю... и люблю!.. Уже кровь лилась из его сердца, он вонзил кинжал в грудь свою и пал мертвый на помост храма.

7. Друзья! в отечестве ль моем я вижу вас?
Уже заря верхи тех башен освещает,
Которые Новград до облак возвышает.
Се зрим Перунов храм, где гром его молчит,--
В недействии Перун, злодейства видя, спит!
И се те славные, священные чертоги,
Вельможи наши где велики, будто боги,
Но ровны завсегда и меньшим из граждан,
Ограды твердые свободы здешних стран,
Народа именем, который почитали,
Трепещущим царям законы подавали.
О Новград! что ты был и что ты стал теперь?

8. Нет, прешел мой век спокойный.
Что сталося со мной? Зафира!.. Недостойный!..
Когда отечество зрю и пагубной судьбе,
Я млею!.. Я горю!.. Я гнусен сам себе!..
Мне, в сердце чувствуя порочное полненье,
Во устах ощущать любовно утешенье!
В разлуке с сей страной мне горесть обретать!
Мне вольности моей хотеть и трепетать!..
Россия! я твои в сей час внимаю пени:
Ты больше не Росслав, Росслава нет и тени!
Оставь терзаючи меня мечты сии --
О долг! отечество! о боги вы мои!
Не будет вредно вам Рославово смущенье.
Его страсть -- новое вам жертвоприношенье...
Но трепещу! -- кто? я! который брани в час
Без робости внимал ужасный смерти глас;
Который на ее окровавленном лоне,
Стремясь возлюбленных граждан ко обороне,
Спокоен, лютоści ее одолевал
И к гибели с мечом, как к пиршеству, ступал.
Я ныне трепещу, от страха содрогаюсь
И жертвовать, увы! любовью ужасаюсь...
Чтобы спастись или чтоб меньше хоть страдать,
Мне должно от очей Зафиры убежать;

Я зрю ее; беги, беги, Рослав несчастный!
Се твердости твоей единый враг опасный.

9.   Российский я народ с престола презираю
             И власть тиранскую неволей простираю.
             Возможно ли отцем мне быть в той стране,
             Котора, мя гоня, всего противней мне?
             Здесь царствуя, я тем себя увеселяю,
             Что россам ссылку, казнь и смерть определяю.
             Сыны отечества - поляки будут здесь;
             Отдам под иго им народ российский весь.
             Тогда почувствую, последуя успеху,
             Я сан величества и царскую утеху,
             Когда притом и то я в добычь получу,
             Что я давно уже иметь себе хочу.
             А ежели сие, мой друг, не совершится,
             Димитрий множества спокойствия лишится.
             Грызеньем совести я много мук терплю,
             Но мука мне и то, что Ксению люблю.

10. Брамарбас. Как, у друга моего Оронта в доме шум! Какие вы люди?

Тресотиниус. Я титулярный учитель арапского, сирского и халдейского языков, к услугам вашим.

Бобембиус. А я профессор антиквитетов, которые были еще до сотворения мира.

Брамарбас. А я капитан, который был на шестидесяти баталиях, на шестидесяти приступах, в шестидесяти партиях, друг Оронтов, и хочу у него жениться на дочери, так смеете ли вы у невесты моей шуметь!

11.   "О богиня! так-ты-то сама удостоила скрытно
             Быть руководницей сыну, с любви к отцу Одиссею!
             Коль лучезарна! кольми ж изменилась от-Ментора! яве
             Бывша споспешника мне и-во-всем наставника свята!
             Коль-же моя и-надежда вся на-успех путешествий,
             Помощи от твоея, блажайша, зависела твердо!"
             Больше хотел провещать, но-ему вдруг гласа не-стало.
             Тщетно устне его к изъявлению силились мыслей,
             Спешным стремлением из глубины исходящих сердечны:
             Там присуща божественность онога преутесняла;
             Был он как человек, в сне отягощенный толико,
             Что ни-дышать не-имеет сил, а-вращанием трудным
             Уст своих не может уже проглаголать ни-слова.

12.   Большую часть цветущих моих лет препровед в беспрестанных злоключениях, наконец, прибыл я в сей град, надеясь в оном желанное сыскать спокойствие. Но когда несчастных надежда совершается? Без сродственников, без друзей и без благодетелей бедному человеку везде жить горестно и едва сносно до тех пор, доколе его способность не отворит ему пути к началу какого-либо благополучия. Признаюсь искренно, что временем я роптал противу лютости моего рока; иногда безрассудно порочил и ту землю, в которой не мог получить того, чего желал; а иногда, извиняя землю, гнушался народом, чужих несчастий не чувствующим. Такое безумие свойственно почти всем изрядно воспитанным, просвещенным и после того несчастливым людям. Они, находя в себе некоторые достоинства и в горчайшем бедстве погруженны, к высочайшей благополучия степени мысли свои воздвигают; а когда их намерения вожделенных не имеют успехов, тогда ропщут противу своей участи, противу земли, в которой пребывают, и противу народа, с которым обращаются. Какие странные и противные разуму и в просвещенном человеке нетерпеливость производит рассуждения! За что вина ненавидеть народ, о нашей

честности, достоинствах, намерениях и способности ничего не знающий? Мало ли было таких нечестивых и по всему свету скитающихся обманщиков, кои, чрез дерзость свою получа великие благодеяния, наконец неблагодарностию, а чаще того бездельством привели в раскаяние благодетелей, им, недостойным, всевозможное вспоможение оказавших? Виноват ли тому народ, ежели и праведным теперь не скоро верить начинает, будучи толикократно лжецами обманут, а особливо в такое время, когда и истина часто ей неприличную на святое свое лицо ухищренного притворства надевает маску?

Такие рассуждения, притом привычка к злополучию, способен вовали мне терпеливо сносить бедность, от недостатка происходящую. Тогда я начал позабывать мое рождение, мое воспитание а счастье, к которому, мне казалось, что рождение меня назначило; рассуждал беспрестанно, что хотя природа нас почитает за законных своего настоящего благополучия наследников, однако всею природою властвующая судьба часто ее опровергает право, делает то, что ей угодно, препоручая чужое счастье бедному, а чужую бедность счастливому. Все сии рассуждения укрощали лютость бедствия моего, и я по нужде начал философствовать; принял намерение включить себя во общество низжайшей степени, думая, что, чем меньшим буду во обществе человеком, тем больше нужного к пропитанию моему сыскать могу и буду жить спокойно. Такое мое намерение весьма было скоропостижное, и весьма скоро я оное исполнил, сделавшись слугою некоторого господина; но еще скорее оно начало меня делать несчастным в той жизни, которую я прежде почел за спокойную. Не трогало меня то, что я отправлял самую грубую работу; но не мог я без внутреннего страстей волнения слушать частой брани, ни природе, ниже тогдашнему моему состоянию приличной потому, что я ни в чем пред моим господином не был виноват, -- разве в том, что я был слуга, а он господин.

13. И минувших семи днех, как корабли из Голландии поплыли, воста велия и некротимая буря, яко всему морю разлитися, с песком смутитися, и корабли все врознь разбишася. И на котором корабле был Василий, и оной корабль волнами разбит, и люди все утопаша. Токмо божию помощию единого Василия на, доске корабельной прибило к некоему великому острову. И от великого ужаса пав на землю, яко мертв. А как волны утишилися, два корабля, видевшя, что корабль, на котором был Василий, разбит был весь, и чаяли, что и Василий утопаша в волнах морских, возвратишася назад в Голландию и поведоша гостю о приключившемся несчастий. Слышав же, гость вельми нача плакат и тужить не о кораблях и не о товаре, но о Василии Кориотском...

14. Слуга (к Простакову, запыхавшись). Барин, барин! солдаты пришли, остановились в нашей деревне.

Простаков. Какая беда! Ну! разорят нас до конца.

Правдин. Чего вы испугались?

Простаков. Ах ты, отец родной! Мы уж видали виды. Я к ним и появиться не смею.

Правдин. Не бойтесь. Их, конечно, ведет офицер, который не допустит ни до какой наглости. Пойдем к нему со мною. Я уверен, что вы робеете напрасно.

Скотинин. Все меня одного оставили. Пойти было прогуляться на скотный двор.

15. Советник (с Добролюбову). Так дело твое уже решено?

Добролюбов. Решено, сударь.

Бригадир. О! Чорт их побери! Который раз принимаюсь, да не дадут кончить!

Советница. Что ж вы, сударь?

Бригадир. Матушка! Это не такое дело, о котором бы я говорил при вашем сожителе. (Выходя,) Я с досады тресну.

16. Глагол времен! металла звон!

Твой страшный глас меня смущает,

Зовет меня, зовет твой стон,
Зовет - и к гробу приближает.
Едва увидел я сей свет,
Уже зубами смерть скрежещет,
Как молнией, косою блещет
И дни мои, как злак, сечет.
Ничто от роковых когтей,
Никая тварь не убегает:
Монарх и узник - снедь червей,
Гробницы злость стихий снедает;
Зияет время славу стерть:
Как в море льются быстры воды,
Так в вечность льются дни и годы;
Глокает царства алчна смерть.

17. А я, проспавши до полудни,
Курю табак и кофе пью;
Преображая в праздник будни,
Кружу в химерах мысль мою:
То плен от персов похищаю,
То стрелы к туркам обращаю;
То, возмечтав, что я султан,
Вселенну устрашаю взглядом;
То вдруг, прельщаяся нарядом,
Скачу к портному по кафтан.

18. Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство сел, градов ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокруг тебя цветы пестреют
И класы на полях желтеют;
Сокровищ полны корабли
Дерзают в море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.

19. БЕРЕЖЛИВОСТЬ
Из области Смоленской
Мужик иль житель деревенский,
Как серп поля их вытер,
Пришел к нам в Питер.
Не города смотреть, не с дамами водиться,
Не летнею порой на шлюпке веселиться,
Не в оперы ходить, не в рощах здесь гулять:
Пришел он работать.
И мыслит с кем-нибудь помесечно рядиться;
Нашел хозяина, работает, трудится,
Хозяин рад,
Что бог дал клад.
Крестьянин отдыху и лености не знает,
И точно, как осел, с усердьем работает.
Скончался год, работник деньги взял,
И новый он кафтан купити предприял,
Понеже тот худенек,

А платья не дают в Санктпигере без денег,
Так должно с деньгами для платья расставаться.
Пошел он торговаться
Смотрел и сторговал;
Но денег не давал...

20. Может быть, никто из живущих в Москве не знает так хорошо окрестностей города сего, как я, потому что никто чаще моего не бывает в поле, никто более моего не бродит пешком, без плана, без цели - куда глаза глядят – по лугам и рощам, по холмам и равнинам. Всякое лето нахожу новые приятные места или в старых новые красоты. Но всего приятнее для меня то место, на котором возвышаются мрачные, готические башни Си...нова монастыря. Стоя на сей горе, видишь на правой стороне почти всю Москву, сию ужасную громаду домов и церквей, которая представляется глазам в образе величественного амфитеатра: великолепная картина, особливо когда светит на нее солнце, когда вечерние лучи его пылают на бесчисленных золотых куполах, на бесчисленных крестах, к небу возносящихся! Внизу расстилаются тучные, густо-зеленые цветущие луга, а за ними, по желтым пескам, течет светлая река, волнуемая легкими веслами рыбачьих лодок или шумящая под рулем грузных стругов, которые плывут от плодоноснейших стран Российской империи и наделяют алчную Москву хлебом.

21. от первое письмо, любезный и премудрый Маликульмульк, которое я к тебе пишу после нашей разлуки; я было хотел тебя поздравить с новым годом; но не знаю, которому ты веришь календарю: Юлианскому ли, или древнему Римскому, а может быть, ты и того мнения, что год со всякого нового дня начинается. Я бы желал уверить тебя о моем к тебе дружестве, но мы с тобою столько знакомы, что можем оставить для других такие учтивости, которыми ныне почти все письма наполняются; итак, лучше скажу тебе новость, и какая ужасная перемена делается в аде! Вчера сь минул срок полугодовому отсутствию Прозерпинину. Плутон с нетерпеливостию ожидал ее возвращения; вдруг предстала пред него одна тень, одетая в скороходское платье, и докладывала, что Прозерпина прибыть изволила. Минуту спустя богиня сама входит в нынешнем французском платье, в шляпке с перьями и в прекрасных башмачках, которых тоненькие каблучки придавали ей вершка три росту. Бедный Плутон оледенел, увидя ее в сем наряде; мы сами несколько оторопели; некоторые из нас говорили очень тихо: конечно, она сошла с ума, а другие кричали во все горло: богиня еще прекраснее, но все с нетерпеливостию ожидали, чем все это кончится.

22. Бедные барышни! то-то, чай, натерпелись они русского-то языка!..

Даша

Это еще не конец. Чтоб и между собой не говорили они иначе, как по-русски, то приставил к ним старую няню Василису, которая должна, ходя за ними по пятам, строго это наблюдать; а если заупрямятся, то докладывать ему. Они было сперва этим пошутили, да как няня Василиса доложила, то увидели, что старик до шуток не охотник; и теперь, куда ни пойдут, а няня Василиса с ними; что слово скажут не по-русски, а няня Василиса тут с носом, так что от няни Василисы приходит хоть в петлю.

23. И аз такую

Радость имех; но нини инну во мне чую
Измену: сон мя некий устршил до зела.
Некиим черним мужем изведен от тила
Мнихся быти и ведом сквозе дебр пустинну,
Потом ввержен в дол темний, потом же ко инну
Месту свитлу и злачну, но не вем, коего
Страха полну приведен, — доселе моего
Покоити не могу сердца. К тому громи
Зелние слишах, потом весь от огня жгомий

Люте бех; отвсюду же пси лаяху мнози.

Боюся, да не гнив свой поощрают бози.

24. Уме недозрелый(2), плод недолгой науки!
Покойся, не понуждай к перу мои руки:
Не писав летящи дни века проводити
Можно, и славу достать, хоть творцом(3) не слыти.
Ведут к ней нетрудные в наш век(4) пути многи,
На которых смелые не запнутся ноги;
Всех неприятнее тот, что босы проклали
Девять сестр(5). Многи на нем силу потеряли,
Не дошед; нужно на нем потеть и томиться,
И в тех трудах всяк тебя как мору чужится,
Смеется, гнушается. Кто над столом гнется,
Пяля на книгу глаза, больших не добьется
Палат, ни расцвеченна мраморамиб саду;
Овцу не прибавит(7) он к отцовскому стаду.

25. В губернии нашей жил один дворянин, который за несколько уже лет оставил службу. Вот его послужной список. Начал службу свою при дворе истопником, произведен лакеем, камер-лакеем, потом мундшенком {Камер-лакей - старший придворный лакей. Мундшенк - придворный служитель, ведающий напитками (виночерпий).}, какие достоинства надобны для прехождения сих степеней придворныя службы, мне неизвестно. Но знаю то, что он вино любил до последнего издыхания. Пробыв в мундшенках лет 15, отослан был в герольдию {Герольдия - учреждение, ведавшее делами о дворянах, чиновниках, титулах, гербах.}, для определения по его чину. Но он, чувствуя свою неспособность к делам, выпросился в отставку и награжден чином коллежского асессора, с которым он приехал в то место, где родился, то есть в нашу губернию, лет шесть тому назад. Отличная привязанность к своей отчизне нередко основание имеет в тщеславии. Человек низкого состояния, добившийся в знатность, или бедняк, приобретший богатство, сотрясши всю стыдливости застенчивость, последний и слабейший корень добродетели, предпочитает место своего рождения на распростертые своея пышности и гордыни. Там скоро асессор нашел случай купить деревню, в которой поселился с немалою своею семьею.

ВОПРОСЫ К ЭКЗАМЕНУ

по дисциплине

«История русской литературы и литературной критики»

(разделы «Древнерусская литература» и «История русской литературы 18 века»)

1. «Повесть Временных лет» как образец русского летописания. Гипотезы формирования, жанровое своеобразие, особенности языка и стиля памятника.
2. Жанры церковного красноречия (дидактическое, эпидиктическое). «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона как образец эпидиктического красноречия.
3. Агиография как жанр древнерусской литературы. «Сказание о Борисе и Глебе» и «Житие Феодосия Печерского» как образцы ранней русской агиографии.

4. «Поучение Владимира Мономаха». Отражение политических и этических взглядов автора в произведении. Жанровые и поэтические особенности памятника.
5. Жанр хождения в древнерусской литературе. Тематическое и поэтическое своеобразие «Хождения игумена Даниила в святую землю» и «Хождения за три моря» Афанасия Никитина.
6. «Слово о полку Игореве» как выдающийся памятник литературы Киевской Руси. История открытия и опубликования памятника. Идейное, жанровое и поэтическое своеобразие произведения.
7. Тематическое и художественное своеобразие «Слова Даниила Заточника» («Моления Даниила Заточника»).
8. «Киево-Печерский патерик» как образец церковной литературы XIII века. Особенности композиции и поэтики.
9. Тема общенародного единства и героизма в «Повести о битве на реке Калка».
10. «Повесть о разорении Рязани Батыем». Тематика, проблематика, особенности композиции и поэтики.
11. «Житие Александра Невского». Традиции и новации в памятнике.
12. Отражение идеи централизации государства в «Сказании и Мамаевом побоище». Отличие произведения от других повестей Куликовского цикла.
13. Повести Куликовского цикла. «Задонщина». Тематическое и стилистическое своеобразие. Связь со «Словом о полку Игореве».
14. Плетение словес. «Житие Стефана Пермского» и «Житие Сергия Радонежского» Епифания Премудрого как образцы средневековой русской агиографии.
15. Изменение канонов житийного жанра в литературе XVI века. «Повесть об Улиании Осорьиной» (особенности жанра, композиции и поэтики).
16. Публицистика XVI века. Новаторство в области языка и стиля в произведениях Ивана Грозного («Послания Андрею Курбскому», «Послание Василию Грязному», «Послание в Кирилло-Белозерский монастырь»).
17. «Повесть о Петре и деве Февронии»: особенности жанра, композиции и поэтики. Связь с устным народным творчеством.
18. Литература Смутного времени. Жанровое и стилистическое разнообразие.
19. Тематика и проблематика «Повести об Азовском осадном сидении». Новый тип героя в произведении. Связь с устным народным творчеством.
20. Традиции и новаторство в «Повести о смерти и погребении князя Михаила Скопина-Шуйского». Связь с устным народным творчеством.
21. Бытовые повести XVII века. Тематика и проблематика. Новый тип героя. Жанровое, композиционное и стилистическое своеобразие.
22. «Повесть о Горе-Злосчастии» как образец бытовой повести. Обобщенный тип героя. Связь с устным народным творчеством.
23. Проблема воспитания молодого поколения в «Повести о Савве Грудцыне». Особенности композиции и поэтики памятника.

24. “Повесть о Фроле скобееве” как плутовская новелла. Образ нового героя. Особенности композиции и поэтики памятника. Языковая характеристика персонажей.
25. Сатирические повести XVII века. Тематика и проблематика. Новый тип героя. Жанровое, композиционное и стилистическое своеобразие.
26. Тематика и проблематика “Повести о Шемякинском суде” и “Повести о Ерше Ершовиче”.
27. Обличение духовенства в сатирической повести “Калязинская челобитная” и “Повести о куре и лисице”.
28. Тематика и проблематика “Повести о бражнике” и “Службе кабаку”. Композиционные и языковые особенности.
29. Церковная реформа XVII века. Литературная деятельность протопопа Аввакума.
30. Традиции и новаторство в области языка, жанра и стиля в «Житии протопопа Аввакума».
31. Общая характеристика литературы XVIII века. Периодизация. Основные литературные направления (классицизм, сентиментализм, предромантизм). Литературные персоны эпохи.
32. Литература Петровской эпохи. Основные тенденции развития лирики. Театр Петровской эпохи. Переходный характер повествовательной литературы («Гистория о российском матросе Василии Кариотском»).
33. Просветительская и литературная деятельность Феофана Прокоповича.
34. Тематика и проблематика сатир А.Д.Кантемира.
35. Классицизм как первое литературное направление в России. Истоки и своеобразие. Представители русского классицизма.
36. Литературная деятельность В.К.Тредьяковского. Реформа стихосложения. Переводы.
37. Творческий путь М.В.Ломоносова. Художественное своеобразие научных и философских од («Утреннее размышление...», «Вечернее размышление...», «Письмо о пользе стекла», «Разговор с Анакреонтом»).
38. Утверждение идеала просвещенного монарха в торжественных одах М.В.Ломоносова (на примере анализа «Оды на день восшествия на престол императрицы Елисаветы Петровны» 1747 года).
39. Тематика, проблематика и художественное своеобразие трагедий А.П.Сумарокова (на примере анализа 2-3 произведений).
40. Тематика, проблематика и художественное своеобразие комедий А.П.Сумарокова (на примере анализа 2-3 произведений).
41. Журнальная сатира 1769-1774 гг. Журналы Н.Новикова.
42. Тематика, проблематика и художественное своеобразие комедии Д.И.Фонвизина «Бригадир».
43. Традиции и новаторство комедии Д.И.Фонвизина «Недоросль». Тематика, проблематика и поэтика. Система образов.
44. Тематика и проблематика трагедий Я.Б.Княжнина («Вадим Новгородский», «Рослав»).
45. Художественное своеобразие комедии В.Капниста «Ябеда».

46. Эпические поэмы М.М.Хераскова.
47. Волшебно-сказочная поэма И.Ф.Богдановича «Душенька» и ее роль в развитии русской поэмы.
48. Литературная деятельность Г.Р.Державина. Гражданская поэзия («Вельможа», «Властителям и судьям»)
49. Философские оды Г.Р.Державина («На смерть князя Мещерского», «Бог», «Водопад»).
50. Новаторство Г.Р.Державина в трактовке образа просвещенного монарха (на примере анализа оды «Фелица»).
51. Сентиментализм как литературное направление. Просветительский характер русского сентиментализма.
52. Литературная деятельность Н.М.Карамзина. «Бедная Лиза» как образец сентиментальной повести.
53. Предромантические повести Н.М. Карамзина («Остров Барнгольм», «Сиерра-Морена»).
54. Исторические повести Н.М. Карамзина («Наталья – боярская дочь», «Марфа-Посадница, или покорение Новгорода»).
55. Литературная деятельность А.Н.Радищева. «Путешествие из Петербурга в Москву» как энциклопедия русского Просвещения». Идеи, жанровое и художественное своеобразие произведения.
56. Система образов в «Путешествии из Петербурга в Москву». Тема крестьянской революции в произведении.
57. Добасенное творчество И.А.Крылова. Проблематика комедий и художественное своеобразие комедий «Урок дочкам» и «Модная лавка».
58. Антикрепостническая направленность повести И.А.Крылова «Каиб».
59. Сатирический журнал И.А.Крылова «Почта духов».
60. Творчество И.И.Дмитриева.

ВСПОМОГАТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ УЧЕБНАЯ ПРОГРАММА

СОДЕРЖАНИЕ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА

РАЗДЕЛ 1. ИСТОРИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Тема 1.1. Предпосылки возникновения древнерусской литературы

Предпосылки возникновения древнерусской литературы. Особенности древнерусской литературы. Ее связь с философией, наукой, религией, культурой. Основные темы.

Тема 1.2. Жанровая система литературы Древней Руси

Жанровая система литературы Древней Руси. Влияние византийской и болгарской культур и литератур. Общая характеристика некоторых церковных канонических книг.

Тема 1.3. Литература Киевской Руси

Литература Киевской Руси. Первые произведения оригинальной древней литературы. Роль фольклора в формировании литературы. Тема единства русской земли в литературе XI - XII вв. Основные жанры.

1.3.1. Летописание

Летописные списки и своды. Типы почерков. Художественное оформление древнерусских рукописей.

"Повесть временных лет" - выдающийся исторический и литературный памятник. Гипотезы формирования «Повести временных лет» акад. А.Шахматова, Д.С.Лихачева и Б.А.Рыбакова.

Сказания и предания в "Повести временных лет". Их основные идейные тенденции и художественные особенности. Влияние традиций мирового эпоса. Композиция повести. Характеристика стиля летописи. Литературный этикет в летописи. Значение "Повести временных лет" в развитии областных и общерусских летописных сводов XV - XVI вв.

Торжественное и учительное красноречие. Сочинения отцов церкви - богословов и проповедников. "Слово о Законе и Благодати" митрополита Иллариона. Патриотизм. Прославление Руси среди всех государств мира. Стиль памятника. Связь "Слова" со всей культурой эпохи Ярослава.

1.3.2. Агиографическая (житийная) литература

"Сказание о Борисе и Глебе". Историзм повествования. Обличение княжеских междоусобиц. Эмоциональность стиля.

"Житие Феодосия Печерского", написанное Нестором, как ранний образец отечественной биографии. Жанр, композиция, историко-литературное значение. Абстрагированность в житийной литературе.

«Поучение» Владимира Мономаха как пример политического и морального наставления в древнерусской литературе. Личность автора в произведении. Жанровая оригинальность "Поучения".

"Хождение" игумена Даниила. Жанр "хождений" в древнерусской литературе. Цель путешествия игумена Даниила и характер повествования о "святых местах". Широта интересов, патриотизм Даниила. Апокрифические легенды и реальные события в памятнике. Язык "Хождения".

Переводная литература: Апокрифы(ветхозаветные, новозаветные и эсхатологические) "Как сотворил Бог Адама", "Хождение Богородицы по

мукам", жития: "Житие святого человека божия Алексия"; воинские повести "Александрия", "Девгениево деяние" и др.

1.3.3. Литература XII-XIII вв. «Слово о полку Игореве»

«Слово о полку Игореве» как выдающийся памятник восточнославянской культуры XII в. История открытия и опубликования. Летописные повести о походе Игоря Святославовича в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях. Идеино-политическая направленность "Слова" и идея единения Руси. Сюжет и композиция, система образов. Жанр "Слова". Связь с устным народным творчеством. Гипотезы Б.А.Рыбакова, А.Н.Робинсона и других ученых и переводчиков об авторе памятника. Переводы, исследования, монографии о "Слове". Вклад белорусских писателей и ученых в переводы и исследования памятника.

Тема 1.4. Литература периода феодальной раздробленности (XIII - XIV вв.)

Распад Киевского государства и возникновение новых культурных центров (Владимир-Залесский, Владимир-Волынский, Полоцк, Смоленск, Туров, Галич). Литература и культура. Белокаменное зодчество Владимиро-Суздальского княжества.

"Слово" и "Моление" Даниила Заточника. Две редакции памятника. Споры ученых о социальной принадлежности Даниила. Оригинальность жанра. Влияние книжной литературы и "мирских притч". Скомороший стиль и средства сатиры в памятнике. В.Г.Белинский о Данииле.

"Киево-Печерский патерик". Древнейший русский сборник о жизни монахов Киево-Печерского монастыря. Литературное и идеологическое значение патерика. Традиционные патериковые мотивы. Отражение взаимоотношений монахов с князьями. Житийные сюжеты. А.С. Пушкин о памятнике.

"Повесть о битве на реке Калке" (1223 г.). Тема единства и героизма в защите Русской земли.

Тема 1.5. Литература периода борьбы русского народа с монголо-татарами и начала формирования централизованного государства

Татаро-монгольское нашествие. Борьба русского народа с врагом. Летописные повести, отразившие исторические события.

"Повесть о разорении Батыем Рязани". Краткая справка о Рязанском княжестве. Расцвет ремесел, искусства и культуры до разорения Батыем Рязани. "Повесть о разорении Батыем Рязани" - выдающийся образец жанра воинской повести. Прославление всенародного мужества и героизма в борьбе с врагом. Осуждение княжеских разногласий, отсутствия единства в борьбе с врагом. Народный богатырь Евпатий Коловрат, его близость к образам былинных богатырей. Народно-эпические элементы в повести. Жанровые и стилистические особенности.

"Слово о погибели Русской земли" - лирический отклик на события татаро-монгольского ига. Образ Русской земли в "Слове". Связь "Слова о погибели Русской земли" со "Словом о полку Игореве".

"Житие князя Александра Невского". Сочетание житийного жанра и воинской повести. Образ Александра Невского - государственного деятеля и великого полководца. Автор-рассказчик в повести.

Формирование Русского централизованного государства. Объединение русских земель вокруг Москвы. Куликовская битва (1380 г.), ее значение. Отражение этого исторического события в литературе и искусстве. Возобновление традиционных связей с Византией и южнославянскими странами ("второе югославянское влияние").

Предвозрождение в творчестве Феофана Грека, Андрея Рублева, Епифания Премудрого. Расцвет литературы и искусства.

1.5.1. Повести Куликовского цикла

Поэтическое прославление победы на Дону. "Задонщина". Использование поэтического плана и художественных приемов "Слова о полку Игореве" в "Задонщине". Стил повествования. Христианский элемент. Символические образы народной поэзии.

Литературная судьба "Сказания о Мамаевом побоище". Многочисленные редакции. Идеальный образ великого князя московского, правителя и главы всех русских сил. Влияние устной народной поэзии на "Сказание". Публицистическая направленность произведения.

Стил "плетение словес". Епифаний Премудрый. Величие и красота нравственного идеала человека в агиографических произведениях "Житие Сергия Радонежского" и "Житие Стефания Пермского". Переработка "Жития Сергия Радонежского" Пахомием Лагофетом.

Роль Сергия Радонежского и Стефания Пермского в политическом и нравственном возрождении Русской земли.

1.5.2. Исторические предпосылки возникновения политической теории «Москва – третий Рим», ее отражения в памятниках литературы

"Сказание о князьях Владимирских". "Повесть о взятии Царьграда" Нестора Искандера. Борьба церковных группировок. Иосиф Волоцкий и Нил Сорский. Их влияние на развитие литературы. ("Повесть о мутьянском воеводе Дракуле", «Повесть о Вавилонском царстве»).

"Хождение за три моря" Афанасия Никитина. Энциклопедизм произведения. Интерес к людям чужой страны, их опыту и нравам. Образ путешественника. Особенности языка и стилия произведения.

Тема 1.6. Литература XVI века

Расцвет публицистики в XVI в. Жанровое многообразие. Литературная деятельность митрополита Даниила, Максима Грека, Вассиана Патрикеева, Ивана Пересветова, Ивана Грозного.

Политическая направленность дипломатических посланий Ивана Грозного. "Послание в Кирилло-Белозерский монастырь", "Послание Василию Грозному", "Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским". Актуальные государственные, политические, моральные проблемы эпохи в посланиях. Личность Ивана Грозного и стиль его произведений. Новаторство в языке и стиле. Идейное и литературное значение этих памятников.

"Повесть о Петре и девице Февронии". Антибоярская направленность повести. Образ мудрой крестьянской девицы Февронии. Связь произведения с русским и мировым фольклором. Традиции агиографии. Язык и стиль памятника.

Тема 1.7. Отражение Смутного времени в древнерусской литературе
Государственный и социальный кризис в России в начале XVII века. Польско-шведская интервенция, крестьянская война под руководством Ивана Болотникова.

Отражение Смуты в литературных памятниках этого периода. "Повесть о смерти и погребении князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского".

Антибоярская направленность повести. Близость к историческим народным песням о Михаиле Скопине-Шуйском.

"Сказание" Авраамия Палицына. Исторический памятник, отразивший борьбу русского народа против интервентов. Особенности памятника. (Изображение быта монахов в осажденном монастыре, героизм "молодых людей").

Эволюция агиографического жанра. "Повесть о Юлиании Лазаревской" - первая биография женщины-дворянки в древнерусской литературе. Интерес к частной жизни человека, его поведению в быту. Переплетение элементов бытовой повести с элементами житийного жанра.

Процесс демократизации жанра исторической повести в "Повести об Азовском осажденном сидении донских казаков". Патриотизм и героизм донских казаков, связь повести с фольклором, лиризм, фантастика. Преемственность традиций ("Сказание о Мамаевом побоище", "Повесть о взятии Царьграда").

Тема 1.8. Литература второй половины XVII века

1.8.1. Сатирические повести

Обострение классовой борьбы в России. Крестьянская война под руководством Степана Разина. Русская действительность "бунташного" времени в демократической сатире XVII века. Понятие "смехового мира" как мира изначального, абсурдного. Ее тесная связь с реальной действительностью. Обличение язв и антинародной сущности феодально-крепостнического строя. Тематика и идейная направленность "Калязинской челобитной", "Повести о Ерше Ершовиче", "Повести о Шемякином суде", "Азбуки о голом и небогатом человеке", "Повести о бражнике", "Повести о Карпе Сутулове". Форма сатирических произведений (пародии и повести с фольклорным сюжетом). Связь литературной сатиры с устным народным творчеством.

1.8.2. Историческая и бытовая повести XVII века. Беллетристические повести конца XVII века

Демократизация литературы. Нарушение средневековых норм морали в "Повести о Савве Грудцыне". Тема двойничества и причины ее появления в повести. Роль беса. Противоречивость авторской концепции. Жанровая структура повести. Ее литературные и фольклорные источники. «Повесть о Савве Грудцыне» как первый русский роман.

"Повесть о Фроле Скобееве" как "плутовская" новелла. Оригинальность русского автора. Социальная основа повести. Динамичность интриги и психологическая разработка характеров. Образ нового героя. Усиление реалистических тенденций в повести.

"Повесть о Горе-Злочастии". Конфликт между человеком и судьбой в повести. Сочувствие обездоленному человеку. Связь с устным народным творчеством.

1.8.3. Раскол русской церкви. Литературная деятельность протопопа Аввакума

Церковная реформа и "раскол" русской церкви в XVII в. Литературная деятельность Аввакума. Агиографический канон и "Житие" Аввакума в свете социальных и эстетических сдвигов эпохи. Личность Аввакума. Совмещение в одном лице автора и героя произведения. Литературное новаторство Аввакума. Жанр и язык. Приемы психологического самоанализа в "Житии".

1.8.4. Элементы барокко в русской литературе XVII века. Творчество Симеона Полоцкого, Сильвестра Медведева, Кариона Истомина

Исторические причины возникновения барокко в России. Заимствование опыта польской, украинской и белорусской культур XVI - XVII вв. Его национальное своеобразие, просветительский характер.

Литературная деятельность Симеона Полоцкого. Энциклопедизм его поэзии. Разнообразие сюжетов ("Вертоград многоцветный", "Рифмологион").

Обличие купцов и монахов, тема просвещенного монарха. Структура стиха Симеона Полоцкого. Основные принципы силлабики.

"Комедия притчи о блудном сыне", ее идейный смысл и социально-историческое значение. Ученики и последователи С.Полоцкого (Сильвестр Медведев, Карион Истомин).

Роль древнерусской литературы в дальнейшем историко-литературном процессе.

РАЗДЕЛ 2. ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА

Тема 2.1. Введение

Характерные особенности становления русской литературы XVIII века. Историко-культурные причины, ознаменованные преобразованиями Петра I, отразившие в литературе дух и настроения «подымающейся нации».

Связь русской литературы XVIII века с устным народным творчеством и традициями древнерусской письменности; ориентация на западную эстетику и западную жанровую систему поэзии, драматургии, прозы.

Патриотизм и гуманизм русской литературы XVIII века. Борьба передовых писателей за утверждение национального самосознания русского народа (А.Кантемир, М.В.Ломоносов, Н.И.Новиков, Д.И.Фонвизин).

Новые литературные направления и течения (классицизм, сентиментализм; предромантизм, просветительский реализм). Отличие от западноевропейских аналогов.

Силлабо-тоническая система стихосложения; эволюция и становление новых литературных жанров. Становление русского литературного языка.

Периодизация русской литературы XVIII века. Спорные вопросы литературного процесса XVIII в. Научные исследования о литературе XVIII века.

Тема 2.2. Литература переходного периода

2.2.1. Реформы Петра I (1700 – 1720)

Связь литературы XVIII в. с культурой Древней Руси. Идеи и тематическая преемственность, близость их художественных принципов. Новые веяния, коснувшиеся изобразительного искусства, архитектуры и литературы.

Пропаганда новых моральных и бытовых норм («Юности честное зерцало», «Приклады, како пишутся комплименты»). Первая русская газета «Ведомости».

2.2.2. Рукописные повести

Существование новых и старых элементов в литературе первой трети XVIII века. Развитие традиционного сюжета об уходе сына из родительского дома. Новый тип героя в «Истории о российском матросе Василии Кориотском». Жанровые и сюжетные особенности. Иные варианты повестей («История об Александре, российском дворянине», «Повесть о купце Иоанне»). Любовные вирши. Художественное своеобразие. Связь с книжной и устной поэзией.

2.2.3. Театр и драматургия в Петровскую эпоху

Театр Кунста (Фюрста), «гошпитальный» театр доктора Бидлоо, школьные театры. Репертуар. Пропаганда политики, проводимой государством. Ф.Журовский. Народная драма. «Царь Максимилиан». Лубочные картинки. Интермедии. Народная литература.

2.2.4. Литературная и просветительская деятельность Феофана Прокоповича

Трагедо-комедия «Владимир». Прославление новой России и ее деятеля Петра I в «Епиникионе» и стихотворении «За могилую рябою». «Поэтика» Феофана Прокоповича. Осмысление им специфики искусства и поэзии. «Ученая дружина» и служилое дворянство в борьбе с реакционерами после смерти Петра I. («Плачет пастушок во долгом ненастьи»).

Тема 2.3. Литература 1730 - 1750-х годов

2.3.1. Классицизм как первое литературное направление в России

Социально-политические, философские и художественные истоки классицизма. Своеобразие русского классицизма. Жанры классицизма.

Становление классицизма в творчестве А.Кантемира и В.К.Тредиаковского.

2.3.2. Творческая деятельность А.Д.Кантемира (1709 - 1744)

Кантемир – первый русский писатель - классицист. Ранние литературные опыты писателя. Сатиры Кантемира (I, II, V, VII). Гражданственность сатир и их гуманистический характер. Обличение злободневных социальных пороков русской действительности. Приемы и способы типизации персонажей. Личность автора в сатирах. Особенности стиля. Сатира и эстетика классицизма. Кантемир - основоположник сатирического направления в литературе XVIII века. Белинский о Кантемире (статья «Кантемир»).

2.3.3. Творчество В.К.Тредиаковского (1703 - 1769)

Краткие биографические сведения. Ранняя литературная деятельность. Перевод галантно-аллегорического романа французского писателя Поля Тальмана «Езда в остров любви» – один из образцов любовного романа. Лирика Тредиаковского.

Реформа стихосложения (трактат «Новый и краткий способ к сложению российских стихов»). Стопа как главная ритмическая единица стиха. Фольклорные истоки и половинчатый характер реформы Тредиаковского. Литературно-теоретические трактаты и переводы Тредиаковского. Эволюция его взглядов в 40 - 50-е годы. Перевод английского романа Д.Баркли «Аргенида».

Оппозиционная настроенность поэмы «Телемахиды». Ее связь и отличие от «Похождений Телемака» Фенелона. Значение Тредиаковского в истории русской литературы.

2.3.4. Жизненный и творческий путь М.В.Ломоносова (1711 - 1765)

Общественная, научная и просветительская деятельность. Развитие реформы стиха. «Письмо о правилах российского стихотворства». «Ода на взятие Хотина». Литературно-теоретические и филологические труды, завершающие работу над силлабо-тоническим стихосложением и русским литературным языком. («Риторика», «Российская грамматика», «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке»).

Философские и эстетические взгляды М.В.Ломоносова. «Разговор с Анакреоном». Ломоносов - создатель жанра программной оды. Утверждение идеала просвещенного монарха в одах («Ода на день восшествия на престол Елисаветы Петровны 1747 года» и др.). Тема родины, значение мира для развития наук, дидактизм произведений. Поэтико-стилистические особенности. Духовные (научные) оды М.В. Ломоносова («Утреннее размышление...», «Вечернее размышление...»). Сочетание поэтического и научного мышления в одах.

Ломоносов-драматург. Значение творчества Ломоносова в истории русской литературы и культуры.

2.3.5. Драматургия А.П. Сумарокова (1717 - 1777)

Краткие биографические сведения. Мироззрение. Эстетические и философские взгляды. Творческий диапазон писателя.

Особенности трагедий Сумарокова. Политическая дидактика и исторический сюжет («Хорев», «Синав и Трувор» и др.). Тираноборческая трагедия «Димитрий Самозванец».

Комедии Сумарокова. Усложнение характеров персонажей на различных этапах творчества писателя. «Бытовые» комедии Сумарокова. («Вздорница», «Рогоносец по воображению»), их этнографическая убедительность. Образ Скупого у Мольера и в пьесе Сумарокова «Опекун».

Значение драматургии Сумарокова в истории литературы и театра.

Сумароков как родоначальник басенного жанра в русской литературе. Основные объекты сатиры в баснях. Сатиры Сумарокова. Развитие традиций А.Кантемира. Образ рассказчика. Совершенствование жанра басни. Использование образов устного народного творчества. Любовная поэзия. Историко-литературное значение сатирической поэзии А.П.Сумарокова.

Тема 2.4. Журнальная сатира 1769 – 1774 годов

Роль реформ Петра I в дальнейшем развитии России. Просветительство II половины XVIII века, его влияние на культуру, литературу, искусство.

Приход к власти Екатерины II. Созыв Комиссии для составления нового Уложения. Стремление подчинить общественное мнение целям самодержавно-крепостнической политики. «Улыбательная сатира» журнала «Всякая всячина» и оправдательная политика правительства. Журналы «И то и се» М.Д.Чулкова, «Ни то, ни се» В.Г. Рубана, «Адская почта»Ф.А. Эмина, «Смесь»Л. Сичкарева и др.

Н.Н.Новиков (1744 - 1817) – публицист - просветитель. Сатирическая программа Н.И.Новикова, изложенная в предисловии к журналу «Трутень». Отповедь «Трутню» «Всякой причине». Срывание маски «просвещенной монархини» с Екатерины II. Поддержка со стороны «Адской почты» Эмина. Демократический характер сатиры «Трутня». Протест против крепостного права. Продолжение лучших традиций «Трутня» в журнале «Живописец» («Копии с отписок», «Письма к Фалалею», «Отрывок путешествия в***И.***Т.***»). Вопрос об авторстве этих произведений. «Пустомеля» и

«Кошелек». Обличение галломании. Проблемы воспитания. Многообразие сатирических форм в журналах Новикова. Своеобразие сатирических произведений. Значение журналов Новикова для развития сатирического направления в русской литературе.

Н.А. Добролюбов о сатире Новикова («Русская сатира екатерининского времени» 1859г.). Дальнейшая жизнь и деятельность Новикова как просветителя и книгоиздателя. В.О. Ключевский «Воспоминания о Н.И. Новикове и его времени».

Тема 2.5. Драматургия 60 - 90-х гг. XVIII века

Расцвет драматургии в последние десятилетия XVIII века. Успехи русской комедии. Углубление содержания, развитие формы. Новые черты в образах комедийных персонажей. Осмеяние крепостнического произвола, судопроизводства и др.

Комическая опера. Проблема характера. Общая характеристика творчества М.И. Попова, А.А. Аблесимова, Н.П. Николева и др.

2.5.1. Творчество Д.И. Фонвизина (1745 – 1792)

Краткие биографические сведения. Переводы произведений западноевропейских просветителей (трагедия Вольтера «Альзира» и басни Л. Гольберга).

Обличительный пафос «Послания к слугам моим», осуждение деспотизма и раболепия в басне «Лисица – Казнодей».

Первые драматургические опыты Д.И. Фонвизина. «Корион». Комедия «Бригадир». Разоблачение нравов дворянства, осуждение галломании, лицемерия и взяточничества на примере образов Бригадира, Советника, Иванушки, Советницы, Бригадирши. Выход комедии за рамки классицизма. Современники о комедии.

«Недоросль» – вершина русской комедии, заложившая основы русской реалистической драматургии. «Истинно общественная комедия» (Н.В. Гоголь). Главная тема и конфликт в комедии. Ее острая злободневность. Новый подход автора к конструированию характеров-типов помещиков – крепостников. Многосторонность и противоречивость образа Простаковой. Образ Стародума – идеал гражданина петровской эпохи. Обличительный характер его речей. Другие положительные образы (Правдин, Милон, Софья). Яркие картины быта. Реалистическое мастерство в изображении Еремеевны, Тришки, учителей. Язык комедии. Индивидуализация речи персонажей. Народность комедии «Недоросль» и ее общественно-политическое звучание. Гоголь о комедии.

Публицистика Фонвизина 80-х годов. Подготовка к изданию журнала «Друг честных людей, или Стародум». Вклад Д.И. Фонвизина в историю русской драматургии и литературного языка. Белинский, Пушкин, Гоголь о Фонвизине.

2.5.2. Комедии и трагедии Я.Б. Княжнина И В.В. Капниста

Я.Б.Княжнин (1740 – 1791). Краткие биографические сведения. Связь взглядов Княжина с идеологией Просвещения. Ранние поэтические произведения. Мелодрама «Орфей». Комическая опера «Несчастье от кареты», разоблачающая помещичий произвол и галломанию. Комедия «Хвастун» и «Чудаки» - ступень на пути к драматургическому искусству А.С. Грибоедова и Н.В. Гоголя. Проблема русского национального характера в трагедии «Рослав». Тираноборческая настроенность Рослава, его монолог о неизбежности суда потомков над царями. Трагедия «Вадим Новгородский» - вершина творчества Княжнина. Полемическая направленность трагедии по отношению к пьесе Екатерины II «Историческое представление из жизни Рюрика». Образ республиканца Вадима и тема вольного Новгорода. Роль Княжнина как автора «Вадима Новгородского» в формировании идеологии раннего декабризма.

В.В. Капнист (1758 – 1823). Краткие сведения о жизни и литературном творчестве. Традиции передовой сатирической журналистики в «Сатире I» и «Оде на рабство». Сатирическое изобличение суда и прокуратуры в комедии «Ябеда». Язык комедии; насыщенность народными пословицами и поговорками. Преемственная связь «Ябеды» с комедией Грибоедова «Горе от ума», с гоголевским «Ревизором», а так же с комедией Сухова-Кобылина «Дело».

Тема 2.6. Развитие поэзии во второй половине XVIII века

2.6.1. Жанр поэмы в творчестве М. Хераскова, В. Майкова, И. Богдановича

Поэзия частной жизни. Развитие его в трех направлениях (эпопея, ирон-комическая поэма, сказочная поэма).

М.М. Херасков (1733 – 1807). Жизнь и литературная деятельность. Разнообразие жанров в творчестве писателя.

Эпическая поэма «Россияда» и «Чесменский бой». Контрастное изображение героики в «Россияде». Использование элементов фольклора в поэме, связь с былинами.

В.И. Майков (1728 – 1778). Литературная деятельность Майкова. Влияние Буало и Скаррона на творчество Майкова. Ирон-комическая поэма «Елисей, или раздраженный Вакх». Литературная полемика и социальная сатира в поэме. Нарочитое снижение божественных персонажей. Своеобразие в выборе главного героя. Фольклорные истоки поэмы. Приемы комизма. Бурлескная поэма после Майкова.

И.Ф. Богданович (1743 -1803). «Душенька» и ее роль в истории развития русской поэмы. Волшебнo-сказочный сюжет. Использование фольклора.собенности стиха и языка. Значение поэмы Богдановича для творчества Н.М.Карамзина, Н.А.Радищева, А.С.Пушкина.

2.6.2. Творчество Г.Р. Державина (1743 – 1816)

Жизнь и литературная деятельность. Раннее творчество. Разрушение жанрового и стилевого единства классицизма в поэзии Г.Р. Державина. Ода

«Фелица». Новаторство Державина в трактовке образа просвещенного монарха. Привнесение сатирических элементов в оду. Авторское «я» в «Фелице».

Гражданская поэзия. Сатирическая ода «Вельможа» и стихотворение «Властителям и судиям». Победно-патриотическая лирика («На взятие Измаила», «На переход Альпийских гор», «Снигирь», «На взятие Варшавы» и др.). Риторичность. Образная система.

Философские оды. («На смерть князя Мещерского», «Водопад», «Бог»). Нравственная основа. Христианские и материалистические мотивы. Безграничные творческие возможности человека. Связь с ломоносовской традицией «духовных од».

Анакреонтические стихи Державина («К лире», «Русские девушки», «Желание»). Тема поэта и поэзии в творчестве Державина («Памятник», «Храповицкому»).

Широта и многогранность художественного воплощения действительности в творчестве писателя. Сближение поэзии с жизнью как результат новаторских открытий Державина. Белинский о Державине.

Тема 2.7. Прозаическая литература конца XVIII века. Сентиментализм как литературное направление

Краткая характеристика развития русской художественной прозы. Распространение переводных сентиментальных романов и повестей.

Писатели-разночинцы и развитие прозаических жанров (Ф.А. Эмин, М.Д. Чулков, В.А. Левашин, М.И. Попов, Н.Г. Курганов и др.). Интерес к жизни и к быту низов в творчестве Чулкова. Идеино-тематическое содержание «Пересмешника». Обращение к жанру плутовского романа. «Пригожая повариха». Антидворянская направленность произведения. Натуралистичность описаний. Отсутствие назидательности. Вызов эстетике классицизма.

Первый сентиментально-чувствительный роман Ф.А. Эмина. «Письма Эрнеста и Доравры». Влияние Ж.Ж. Руссо. Особенности творчества.

Сентиментализм как литературное направление. Социально-политические и художественные предпосылки возникновения сентиментализма. Русский сентиментализм. Близость и отличие сентиментализма и предромантизма. Просветительский характер русского сентиментализма.

2.7.1. Творческая деятельность Н.М. Карамзина (1766 – 1826)

Творческий путь и личность. Первый русский детский журнал «Детское чтение для сердца и разума», редактируемый Н.М. Карамзиным.

Путешествие за границу. Издание «Московского журнала» и публикация «Писем русского путешественника». Просветительские взгляды писателя. Язык и стиль произведения.

Сентиментальные повести («Евгений и Юлия», «Бедная Лиза»). Человек и природа в повестях. Психологизм «Бедной Лизы».

Первая историческая повесть «Наталья, боярская дочь», ее своеобразие.

Предромантические повести («Остров Борнгольм», «Сиерра-Морена»), их связь с западноевропейским «готическим романом».

Политические взгляды Карамзина в исторической повести «Марфа Посадница, или Покорение Новгорода». Эволюция взглядов писателя.

Работа над «Историей государства Российского». Значение этого труда для истории русской литературы. Поэзия Карамзина. Различные жанры. «Новый слог» Карамзина в развитии литературного языка. Карамзин и писатели XIX века.

2.7.2. Творчество А.Н. Радищева (1749 – 1802)

Жизнь и личность писателя. Мировоззрение. Первые литературные опыты. «Житие Федора Васильевича Ушакова». Художественное своеобразие произведения.

«Путешествие из Петербурга в Москву» - «энциклопедия русского Просвещения». Идеиный смысл и художественное своеобразие. Жанр «путешествия». Проблематика произведения. Обличие самодержавия и крепостничества. Смысл эпиграфа. Сатира на екатерининское правление в главе «Спасская Полесь» и развенчивание идеала просвещенного монарха. Прием аллегии в изображении образов. Обоснование необходимости освобождения крестьян в главе «Хотилы». Проблема крестьянской революции в оде «Вольность».

Судьба книги. Трагизм Радищева – человека и художника.

Публицистика Радищева и ее органическая связь с «Путешествием» («Письмо к другу, жителю в Тобольске», «Беседа о том, что есть сын Отечества» и др.).

Поэзия Радищева. Новаторство в области стиха («Творение мира», «Бова», «Песнь историческая» и др.).

Значение творчества Радищева в истории русской литературы. Пушкин о писателе.

2.7.3. Творчество И.И. Дмитриева (1760 – 1838)

Краткая характеристика литературной деятельности. Связь с классицизмом. Переход от похвальной оды к первым историческим и шуточным балладам («Ермак», «Отставной вахмистр»). Жанр сказки в творчестве писателя («Модная жена»). Своеобразие басен И.И.Дмитриева. Белинский и Пушкин о Дмитриеве.

2.7.4. Раннее творчество И.А. Крылова (1768 – 1844)

Краткие биографические сведения. Драматургическое творчество ранних лет («Кофейница», «Бешеная семья», «Проказники» и др.).

Сатирический журнал «Почта духов» - один из лучших журналов XVIII в. Продолжение традиций журналистики 1769 – 74гг. Обличение пороков российской действительности в журнале.

Журнал «Зритель» и «Санкт-Петербургский Меркурий». Повесть «Каиб» и ее антикрепостническая направленность. Влияние Радищева на повесть Крылова «Каиб».

Шуто-трагедия «Трумф, или Подщипа». Пародийный характер произведения по отношению к трагедии классицизма. Связь с народной сатирой. Язык комедии. Декабристы и А.С. Пушкин о «шутотрагедии».

Разоблачение дворянской галломании в комедиях «Модная лавка» и «Урок дочкам». Развитие традиций Фонвизина и Новикова.

Особенности литературной позиции Крылова при переходе к басенному творчеству.

ИНФОРМАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Литература основная:

1. Водовозов, Н.В. История древней русской литературы: учебник для педагогических институтов /Н.В. Водовозов. - Изд. 3-е. - М., 1972.
2. Гудзий, Н.К. История древней русской литературы Н.К.Гудзий. - Изд. 7-е. М., 1968.
3. Кусков, В.В. История древнерусской литературы / В.В.Кусков. - Изд. 3-е. М., 1976, изд. 4-е. М., 1982, изд. 5-е. М., 1989.
4. История русской литературы X - XVII веков; под ред. Д.С. Лихачева. - М., 1980.
5. Литература Древней Руси: хрестоматия; сост. Л.А. Дмитриев. - М., 1990.
6. Древняя русская литература: хрестоматия; сост. Н.И. Прокофьев. М., 1988.
7. Древняя русская литература в исследованиях: хрестоматия. - Мн., 1979.

Литература дополнительная:

8. Адрианова-Перетц В.П. "Слово о полку Игореве" и памятники русской литературы XI - XIII вв. / В.П. Адрианова-Перетц. - Л., 1968.
9. Лихачев, Д.С. Поэтика древнерусской литературы / Д.С.Лихачев. - М., 1979.
- 10.Лихачев, Д.С. Слово о полку Игореве / Д.С.Лихачев. - М., 1977.
- 11.Лихачев, Д.С. Человек в литературе Древней Руси / Д.С.Лихачев. - М., 1970.

12. Робинсон, А.Н. Борьба идей в русской литературе XII века / А.Н.Робинсон. - М., 1974.

ЛИТЕРАТУРА XVIII ВЕКА

Литература основная:

1. Благой, Д.Д. История русской литературы XVIII века / Д.Д. Благой. - 4-е изд. - М., 1960.
2. Буранок, О.М. Русская литература XVIII века: учебно-методический комплекс / О.М. Буранок. - М., 1999.
3. История русской литературы: в 4-х томах. - Л., 1981. - Т. 1.
4. Федоров, В.И. История русской литературы XVIII века В.И. Федоров. - М., 1991.
5. Орлов, П.А. История русской литературы XVIII века / П.А. Орлов. - М., 1991.
6. Русская литература XVIII века: хрестоматия; сост. Л.П. Короткая. - Мн., 1988.
7. Русская литература последней четверти XVIII века: хрестоматия; сост. В.А.Западов. - М., 1985.

Литература дополнительная

8. Автухович, Т.Е. Риторика и русский роман XVIII века / Т.Е. Автухович. - Гродно, 1995.
9. Берков, П.Н. Проблемы исторического развития литературы / П.Н. Берков. - Л., 1981.
10. Берков, П.Н. История русской журналистики XVIII века / П.Н. Берков. - Л., 1952.
11. Очерки русской культуры XVIII века. - М., 1985, ч.1, 1987, ч. II, 1988, ч. III, 1990, ч. IV.
12. Тачаринова, Л.Е. История русской литературы и журналистики 18 века / Л.Е. Тачаринова. - М., 1982.
13. Русская литература XVIII века: словарь – справочник; под ред. В.И. Федорова. - М., 1997.
14. Словарь русских писателей XVIII века. - Л., 1988. - ып. 1.
15. Федоров, В.И. Литературные направления в русской литературе XVIII века: учебное пособие / В.И.Федоров. - М., 1979.
16. Энциклопедия русской жизни. Роман и повесть в России второй половины XVIII – начала XIX века. - 2-е изд. - М., 1988.
17. Энциклопедия литературных героев. - М., 1997.
18. Энциклопедия литературных произведений; под ред. Стахорского. - М., 1998.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ